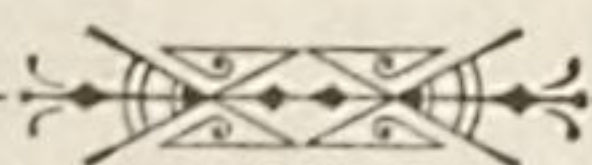

СОЧИНЕНІЯ

А. Н. ОСТРОВСКАГО

ИЗДАНИЕ ДЕСЯТОЕ

ТОМЪ ВТОРОЙ

МОСКВА.

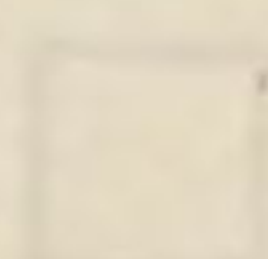
ИЗДАНИЕ КНИЖН. МАГ. В. ДУМНОВА, ПОДЪ ФИРМОЮ «НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ».

1896.

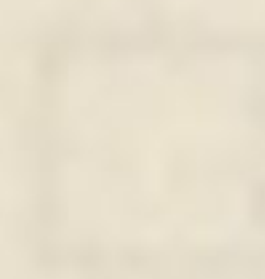
СОДЕРЖАНИЕ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

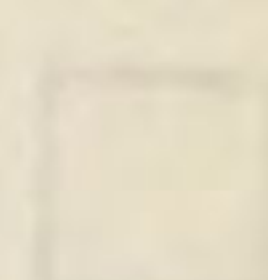
ВСТУПАЮЩЕЕ СЛОВО

ТОМЪ ВТОРОЙ

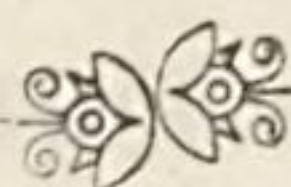
ПРОДОЛЖЕНИЕ

Типо-литографія О. И. Лашкевичъ и К^о, Тверская, д. Саввинскаго подв.

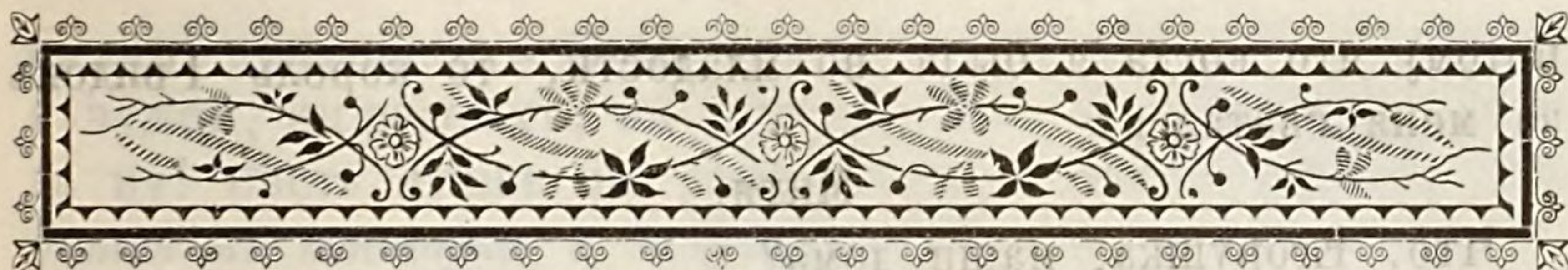
ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГОДЫ.	СТРАН.
1854. Бѣдность не порокъ	1
1854. Не такъ живи, какъ хочется	67
1856. Въ чужомъ пиру похмелье	116
1856. Доходное мѣсто.	156
1857. Праздничный сонъ—до обѣда	252
1858. Не сошлись характерами	295

OF JARVIS

1858	He commenced his voyage	1858
1857	He arrived at the island	1857
1856	He returned to the island	1856
1855	He left the island	1855
1854	He arrived at the island	1854
1853	He left the island	1853
1852	He arrived at the island	1852
1851	He left the island	1851
1850	He arrived at the island	1850

БѢДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Л И Ц А:

Гордый Карпычъ Торцовъ, богатый купецъ.

Пелагея Егоровна, его жена.

Любовь Гордѣевна, ихъ дочь.

Любимъ Карпычъ Торцовъ, его братъ, промотавшійся.

Африканъ Саввичъ Кориуновъ, фабрикантъ.

Митя, приказчикъ Торцова.

Яша Гуслинъ, племянникъ Торцова.

Гриша Разлюляевъ, молодой купчикъ, сынъ богатаго отца.

Анна Ивановна, молодая вдова.

Маша } подруги Любви Гордѣевны.
Лиза }

Егорушка, мальчикъ, дальній родственникъ Торцова.

Арина, нянька Любви Гордѣевны.

Гости, гостыи, прислуга, ряженные и прочіе.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ купца Торцова, во время святокъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Небольшая приказничья комната; на задней стѣнѣ дверь, налѣво въ углу кровать, направо шкафъ; на лѣвой стѣнѣ окно, подлѣ окна столъ, у стола стулъ; подлѣ правой стѣны конторка и деревянная табуретка; подлѣ кровати гитара; на столѣ и конторкѣ книги и бумаги.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Митя ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ; Егорушка сидитъ на табуреткѣ и читаетъ „Бову Королевича“.

Егорушка (читаетъ).

„Государь мой батюшка, славный и храбрый король, Кирибиль Верзоуловичъ, нынѣ итти за него смѣлости не имѣю,

потому что когда я была во младости, то король Гвидонъ за меня сватался“.

Митя.

Что, Егорушка, наши дома?

Егорушка (*зажимаетъ пальцемъ то мѣсто, гдѣ читаетъ, чтобъ не ошибиться*).

Никого нѣтъ; кататься уѣхали. Одинъ Гордѣй Карпычъ дома. (*Читаетъ:*) „На то сказалъ дщери своей Кирибѣ Верзоуловичъ...“ (*Зажимаетъ пальцемъ.*) Только такой сердитый, что бѣда! Я ужъ ушелъ — все ругается. (*Читаетъ:*) „Тогда прекрасная Милитриса Кирбѣевна, призвавъ къ себѣ слугу Личарду...“

Митя.

На кого же онъ сердитъ?

Егорушка (*опять зажимаетъ*).

На дяденьку, на Любима Карпыча. На второй-то праздникъ дяденька Любимъ Карпычъ обѣдалъ у насъ, за обѣдомъ-то захмелѣлъ, да и началъ разныя колѣна выкидывать, да смѣшно таково. Я смѣшливъ, вѣдь, больно, не вытерпѣлъ, такъ и покатился со смѣху, а ужъ на меня глядя и всѣ. Дяденька Гордѣй-то Карпычъ принялъ это себѣ за обиду да за невѣжество, осерчалъ на него да и прогналъ. Дяденька-то Любимъ Карпычъ взялъ да въ отместку ему и съозарничалъ, пошелъ да съ нищими и сталъ у собора. Дяденька-то Гордѣй Карпычъ говоритъ: осрамилъ, говоритъ, на весь городъ. Да теперь и сердится на всѣхъ безъ разбору, кто подъ руку подвернется. (*Читаетъ:*) „Съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы подступилъ подъ нашъ градъ“.

Митя (*взянувъ въ окно*).

Кажется, наши пріѣхали... Такъ и есть, Пелагея Егоровна, Любовь Гордѣевна, да и гости съ ними.

Егорушка (*прячетъ сказку въ карманъ*).

Побѣжать на верхъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Митя (*одинъ*).

Эка тоска, Господи!... На улицѣ праздникъ, у всякаго

въ домѣ праздникъ, а ты сиди въ четырехъ стѣнахъ!... Всѣмъ-то я чужой, ни родныхъ, ни знакомыхъ!... А тутъ еще... Ахъ, да ну! сѣсть лучше за дѣло, авось тоска пройдетъ. (*Садится къ конторкѣ и задумывается, потомъ запѣваетъ:*)

„Красоты ея не можно описать!...

Черныброви, съ поволокою глаза“.

Да, съ поволокою. А какъ вчера въ собольемъ солопѣ, покрывшись платочкомъ, идетъ отъ обѣдни, такъ это... ахъ!... Я такъ, думаю, и не привидано такой красоты! (*Задумывается, потомъ поетъ:*)

„Ужъ и гдѣ-жъ эта родилась красота...“

Какъ же, поидеть тутъ работа на умъ! Все бы я думалъ объ ней!... Душу-то всю истерзалъ, тосковавши. Ахъ, ты горе-гореваньице!... (*Закрываетъ лицо руками и сидитъ молча. Входитъ Пелагея Егоровна, одѣтая по-зимнему, и останавливается въ дверяхъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Митя и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна!

Митя, Митенька!

Митя.

Что вамъ угодно?

Пелагея Егоровна.

Зайди уже вечеркомъ къ намъ, голубчикъ. Поиграете съ дѣвушками, пѣсенокъ почете.

Митя.

Премного благодаренъ. Первымъ долгомъ сочту-съ.

Пелагея Егоровна.

Что тебѣ въ конторѣ все сидѣть одному! Не велико веселье! Зайдешь, что ли? Гордѣя-то Карпыча дома не будетъ.

Митя.

Хорошо-съ, зайду безпремѣнно.

Пелагея Егоровна.

Уѣдетъ, вѣдь, опять... да, уѣдетъ туда, къ этому, къ своему-то... какъ его?...

Митя.

Къ Африкану Саввичу-съ?

Пелагея Егоровна.

Да, да! Вотъ навязался, прости Господи!

Митя *(подавая стулъ)*.

Присядьте, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Охъ, некогда. Ну, да ужъ присяду немножко. *(Садится.)* Такъ вотъ поди-жъ ты... этакая напасть! Право!... Подружились, вѣдь, такъ, что на поди. Да! Вотъ какое дѣло! А зачѣмъ? Къ чему пристало? Скажи ты на милость! Человѣкъ-то онъ буйный да пьяный, Африканъ-то Саввичъ... да!

Митя.

Можетъ, дѣла какія есть у Гордѣя Карпыча съ Африканомъ Саввичемъ.

Пелагея Петровна.

Какія дѣла! Никакихъ дѣловъ нѣтъ. Вѣдь, онъ-то, Африканъ-то Саввичъ, съ агличиною все пьютъ. Тамъ у него агличинъ на фабрикѣ дилекторъ — и пьютъ... да! А нашему-то не слѣдъ съ ними. Да развѣ съ нимъ сговоришь! Гордость-то его одна чего стоить! Мнѣ, говоритъ, здѣсь не съ кѣмъ компанію водить, все, говоритъ, сволочь, все, видишь ты, мужики, и живутъ-то по-мужицки; а тотъ-то, видишь ты, московскій, больше все въ Москвѣ... и богатый. И чтò это съ нимъ сдѣлалось? Да, вѣдь, вдругъ, любезненькій, вдругъ! То, все-таки, разсудокъ имѣлъ. Ну, жили мы, конечно, не роскошно, а все-таки такъ, что дай Богъ всякому; а вотъ въ прошломъ году въ отъѣздъ ѣздилъ да перенялъ у кого-то. Перенялъ, перенялъ, ужъ мнѣ сказывали... всѣ эти штуки-то перенялъ. Теперь все ему наше русское не мило; ладить одно — хочу жить по-нынѣшнему, модами заниматься. Да, да!... Надѣнь, говоритъ, чепчикъ!... Вѣдь, что выдумаетъ-то!... Прельщать, чтò ли, мнѣ кого на старости, говорю, разныя прелести дѣлать! Тьфу! Ну, вотъ поди-жъ ты съ нимъ! Да! Не пилъ, вѣдь, прежде... право... никогда, а теперь съ этимъ Африканомъ пьютъ! Спьяну-то, должно быть, у него *(показывая на голову)* и помутилось. *(Молчаніе.)* Ужъ я такъ думаю, что это врагъ его сму-

щаетъ! Какъ-таки разсудку не имѣть!... Ну, еще кабы молоденькій: молоденькому это и нарядиться, и все это лестно; а то, вѣдь, подъ шестьдесятъ! Миленькій, подъ шестьдесятъ! Право! Модное-то ваше да нынѣшнее, я говорю ему, каждый день мѣняется, а русскій-то нашъ обычай испоконъ вѣку живетъ! Старики-то не глупѣй насъ были. Да развѣ съ нимъ сговоришь, при его же, голубчикъ, крутомъ-то характерѣ.

Митя.

Что говорить! Строгій человекъ-съ.

Пелагея Егоровна.

Любочка теперь въ настоящей порѣ, надобно ее пристроить, а онъ одно ладить: нѣтъ ей ровни.... нѣтъ да нѣтъ!... Анъ вотъ есть!... А у него все нѣтъ... А каково же это материнскому-то сердцу!

Митя.

Можетъ быть, Гордѣй Карпычъ хотятъ въ Москвѣ выдать Любовь Гордѣевну.

Пелагея Егоровна.

Кто его знаетъ, что у него на умѣ. Смотрить звѣремъ, ни словечка не скажетъ, точно я и не мать... да, право... ничего я ему сказать не смѣю; развѣ съ кѣмъ поговоришь съ постороннимъ про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего. *(Встаетъ.)* Заходи, Митенька.

Митя.

Приду-съ. *(Гуслинъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Гуслинъ.

Пелагея Егоровна.

Вотъ и еще молодецъ! Приходи, Яшенька, уже къ намъ наверхъ съ дѣвушками пѣсни попѣть, ты, вѣдь, мастеръ, да гитару захвати.

Гуслинъ.

Хорошо-съ, это намъ не въ трудъ, а еще, можно сказать, въ удовольствіе-съ.

Пелагея Егоровна.

Ну, прощайте! Пойти соснуть полчасика.

Гуслинъ и Митя.

Прощайте-съ! (*Пелагея Егоровна уходитъ; Митя садится къ столу, пригнорюнившись; Гуслинъ садится на кровать и беретъ гитару.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Митя и Яша Гуслинъ.

Гуслинъ.

Что народу было на катаньи!.. И ваши были. Что-жь ты не былъ?

Митя.

Да что, Яша, обуяла меня тоска-кручина.

Гуслинъ.

Что за тоска? Объ чемъ тебѣ тужить-то?

Митя.

Какъ же не тужить-то? Вдругъ въ голову взойдутъ такія мысли: что я такое за человѣкъ на свѣтѣ есть? Теперь родительница у меня въ старости и бѣдности находится, ее долженъ содержать, а чѣмъ? Жалованье маленькое, отъ Гордѣя Карпыча все обида да брань, да все бѣдностью попрекаетъ, точно я виноватъ... а жалованья не прибавляетъ. Поискалъ бы другого мѣста, да гдѣ его найдешь безъ знакомства-то. Да, признаться сказать, я къ другому-то мѣсту и не пойду.

Гуслинъ.

Отчего же не пойдешь? Вотъ у Разлюляевыхъ жить хорошо—люди богатые и добрые.

Митя.

Нѣтъ, Яша, не рука! Ужъ буду все терпѣть отъ Гордѣя Карпыча, бѣдствовать буду, а не пойду. Такая моя планида!

Гуслинъ.

Отчего же такъ?

Митя (*встаетъ*).

Такъ, ужъ есть тому дѣлу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того горя не знаетъ. Никому я про свое горе не сказывалъ.

Гуслинъ.

Скажи мнѣ.

Митя (*махнувъ рукою*).

Зачѣмъ?

Гуслинъ.

Да скажи, чтò за важность!

Митя.

Говори не говори, вѣдь, не поможешь!

Гуслинъ.

А почему знать!

Митя (*подходитъ къ Гуслину*).

Никто мнѣ не поможетъ. Пропала моя голова! Полюбилась мнѣ больно Любовь Гордѣевна.

Гуслинъ.

Чтò ты, Митя?! Да какъ же это?

Митя.

Да вотъ какъ ни какъ, а ужъ сдѣлалось.

Гуслинъ.

Лучше, Митя, изъ головы выкинь. Этому дѣлу никогда не бывать, да и не раживаться.

Митя.

Знавши я все это, не могу своего сердца сообразить. „Любить друга можно, нельзя позабыть!...“ (*Говоритъ съ сильными жестами.*) „Полюбилъ я красну дѣвицу пуще роду, пуще племени!... Злые люди не велятъ, велятъ бросить, перестать!“

Гуслинъ.

Да и то надоть бросить. Вотъ Анна Ивановна мнѣ и ровня: у ней пусто, у меня ничего, да и то дяденька не велитъ жениться. А тебѣ и думать нечего. А то заберешь въ голову, потомъ еще тяжелее будетъ.

Митя (*декламируетъ*).

„Что на свѣтѣ презестоко?—

Презестока есть любовь!“

(*Ходитъ по комнатѣ.*) Яша, читалъ ты Кольцова? (*Останавливается.*)

Гуслинъ.

Читалъ, а чтò?

Митя.

Какъ онъ описывалъ всѣ эти чувства!

Гуслинъ.

Въ точности описывалъ.

Митя.

Ужъ именно, что въ точности. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Яша!

Гуслинъ.

Что?

Митя.

Я самъ пѣсню сочинилъ.

Гуслинъ.

Ты?

Митя.

Да.

Гуслинъ.

Давай голосъ подберемъ, да и будемъ пѣть.

Митя.

Хорошо. На, вотъ. (*Отдаетъ ему бумагу.*) А я напишу немного—дѣло есть: неравно Гордѣй Карпычъ спросить. (*Садится и пишетъ. Гуслинъ беретъ гитару и начинаетъ подбирать голосъ; Разлюляевъ входитъ съ гармоникой.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ ЖЕ И РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Разлюляевъ.

Здравствуйте, братцы! (*Напрыгиваетъ на гармони и приплясываетъ.*)

Гуслинъ.

Эко, дуракъ! На что это ты гармонию-то купилъ?

Разлюляевъ.

Извѣстно на что—играть. Вотъ такъ... (*Играетъ.*)

Гуслинъ.

Ну ужъ, важная музыка... нечего сказать! Брось, говорить тебѣ.

Разлюляевъ.

Что-жъ, не брошу развѣ!... Коли захочу, такъ и брошу... Вотъ важность! Денегъ, что ли, у насъ нѣтъ? (*Бьетъ себя*

по карману.) Звенять! У насъ гулять—такъ гулять! (Бросаетъ гармонику.)

„Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близко“.

Митя (ударяетъ Митю по плечу), а Митя! Чтò ты сидишь?

Митя.

Дѣло есть. (Продолжаетъ заниматься.)

Разлюляевъ.

Митя, а Митя, а я гуляю, братъ... право слово, гуляю. Ухъ, ходи! (Поетъ: „Одна гора высока“ и проч.)... Митя, а Митя! весь праздникъ буду гулять, а тамъ за дѣло... Право слово! Чтò-жъ, у насъ денегъ, что ли, нѣтъ? Вотъ онѣ!... А я не пьянъ... Нѣтъ, такъ гуляю... весело...

Митя.

Ну, гуляй на здоровье.

Разлюляевъ.

А послѣ праздника женюсь!... Право слово, женюсь! Возьму богатую.

Гуслинъ.

Ну, вотъ слушай-ка, такъ-то ладно-ль будетъ?

Разлюляевъ.

Спой-ка, спой, я послушаю.

Гуслинъ (поетъ).

„Нѣтъ-то злѣй, постылѣе
Злой сиротской доли,
Злѣе горя лютаго,
Тяжелѣй неволи!
Всѣмъ на свѣтѣ праздничекъ,
Тебѣ не веселье!...
Буйной ли головушкѣ
Безъ вина похмелье!
Молодость не радуешь,
Красота не тѣшитъ;
Не зазноба-дѣвушка—
Горе кудри чешетъ“.

(Во все это время Разлюляевъ стоитъ, какъ вкопанный, и слушаетъ съ чувствомъ; по окончаніи пѣнія всѣ молчатъ.)

Разлюляевъ.

Хорошо, больно хорошо! Жалко таково... Такъ за сердце и хватаетъ. (Вздыхаетъ.) Эхъ, Яша! сыграй веселую, полно канитель-то эту тянуть—нынче праздникъ. (Поетъ.)

„Ухъ! Какъ гусара не любить!
Это не годится!“

Подыгрывай, Яша. (Гуслинъ подыгрываетъ.)

Митя.

Полно вамъ дурачиться-то. Давайте-ка, лучше сядемте въ кучку да полегоньку пѣсенку споемъ.

Разлюляевъ.

Ладно. (Садятся.)

Гуслинъ (запѣваетъ; Митя и Разлюляевъ подтягиваютъ).

„Размолодчики вы молоденькіе,
Вы дружки мои...“

(Входитъ Гордый Карпычъ; всѣ встаютъ и перестаютъ пѣть.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ И ГОРДЫЙ КАРПЫЧЪ.

Гордый Карпычъ.

Чтò распѣлись! Горланять, точно мужичье! (Митя.) И ты туда-жъ! Кажется, не въ такомъ домѣ живешь, не у мужиковъ. Чтò за полпивная! Чтòбъ у меня этого не было впередъ! (Подходитъ къ столу и разсматриваетъ бумаги.) Чтò бумаги-то разбросалъ!..

Митя.

Это я счета провѣрялъ-съ.

Гордый Карпычъ (беретъ книгу Кольцова и тетрадь со стихами).

А это еще чтò за глупости?

Митя.

Это я отъ скуки, по праздникамъ-съ, стихотворенія господина Кольцова переписываю.

Гордѣй Карпычъ.

Какія нѣжности при нашей бѣдности!

Митя.

Собственно для образованія своего занимаюсь, чтобъ имѣть понятіе.

Гордѣй Карпычъ.

Образованіе! Знаешь ли ты, что такое образованіе?... А еще туда же разговариваетъ! Ты бы вотъ сертучишко новенькій сшилъ! Вѣдь, къ намъ на верхъ ходишь, гости бываютъ... срамъ! Куда деньги-то дѣваешь?

Митя.

Маменькѣ посылаю, потому она въ старости, ей негдѣ взять.

Гордѣй Карпычъ.

Матери посылаешь! Ты себя-то бы образилъ прежде; матери-то не Богъ знаетъ что нужно, не въ роскоши воспитана; чай, сама хлѣвы затворяла.

Митя.

Ужъ пуцай же лучше я буду терпѣть, да маменька, по крайности, ни въ чемъ не нуждается.

Гордѣй Карпычъ.

Да, вѣдь, безобразно! Ужъ коли не умѣешь надъ собою приличія наблюдать, такъ и сиди въ своей конурѣ; коли голъ кругомъ, такъ нечего о себѣ мечтать! Стихи пишетъ, образованіе себя хочетъ, а самъ какъ фабричный ходитъ! Развѣ въ этомъ образованіе-то состоитъ, что дурацкія пѣсни пѣть? То-то глупо-то! (*Сквозь зубы и косясь на Митю.*) Дуракъ! (*Помолчавъ.*) Ты и не смѣй показываться въ этомъ сертучишкѣ на верхъ. Слышишь, я тебѣ говорю! (*Къ Разлюляеву.*) А ты тоже! Отецъ-то, чай, деньги лопатой загребаешь, а тебя въ этакое зипунишкѣ водить.

Разлюляевъ.

Что-жъ такое! Онъ новый... сукно-то французское, изъ Москвы выписывали, по знакомству... двадцать рублевъ аршинъ. Что-жъ, нешто мнѣ этакую штуку надѣть, какъ у Франца Ѳедорыча, у аптекаря... кургузую; такъ его вонъ и дразнятъ всѣ: страмъ-пальто! Такъ что-жъ хорошаго людей смѣшить!

Гордѣй Карпычъ.

Много ты знаешь! Да что, съ тебя взыскать-то нечего! Самъ-то ты глупъ, да и отецъ-то твой не больно уменъ... цѣлый вѣкъ съ засаленнымъ брюхомъ ходить; дураками не-просвѣщенными живете, дураками и умрете.

Разлюляевъ.

Ужъ ладно.

Гордѣй Карпычъ (*строго*).

Что?

Разлюляевъ.

Ладно, молъ.

Гордѣй Карпычъ.

Неучъ, и сказать-то путно не умѣешь! Говорить-то съ вами—только слова тратить; все равно, что стѣнѣ горохъ, такъ и вамъ, дуракамъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же, безъ Торцова.

Разлюляевъ.

Поди-ка-сь, какой грозный! Ишь ты, развоевался! Такъ вотъ тебя и испугались... Какъ же, держи карманъ-то!

Митя (*Гуслину*).

Вотъ она жизнь-то моя какова! Вотъ каково мнѣ сладко жить-то на свѣтѣ!

Разлюляевъ.

Да, отъ этакова житья—запъешь, право, запъешь! А ты брось, не думай. (*Запѣваетъ:*)

„Одна гора высока;

А другая низка;

Одна мила далека,

А другая близко“.

(*Входятъ: Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же, Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

Анна Ивановна.

Миръ честной компаніи!

Разлюляевъ.

Милости прошу къ нашему шалашу.

Митя.

Наше почтеніе-съ! Милости просимъ!... Какими судьбами?...

Анна Ивановна.

А никакими, просто—взяли да и пришли. Гордѣй Карпычъ уѣхалъ, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, такъ теперь наша воля... Гуляй—не хочу!...

Митя.

Просимъ покорно садиться. (*Садятся; Митя садится противъ Любови Гордѣевны; Разлюляевъ ходитъ.*)

Анна Ивановна.

Надоѣло молча-то сидѣть, орѣхи щелкать; пойдете, говорю, дѣвушки, къ парнямъ, а дѣвушкамъ и любо.

Любовь Гордѣевна.

Что ты выдумываешь-то? Мы не воображали сюда итти, это ты выдумала.

Анна Ивановна.

Какъ же не такъ! Да ты первая... Извѣстно дѣло, кому что нужно, тотъ объ томъ и думаетъ: парни объ дѣвкахъ, а дѣвки объ парняхъ.

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!... Это вы, Анна Ивановна, въ точности говорите.

Любовь Гордѣевна.

Вотъ ужъ никогда!

Маша (*Лизъ*).

Ахъ, стыдъ какой!

Лиза.

Это, Анна Ивановна, вы говорите совсѣмъ напротивъ.

Анна Ивановна.

Ахъ, вы скромность! Ужъ сказала бы словечко, да не хорошо при парняхъ-то... Сама была въ дѣвкахъ, все знаю.

Любовь Гордѣевна.

Дѣвушка дѣвушкѣ рознь.

Маша.

Ахъ, стыдъ какой!

Лиза.

Что вы говорите, это даже для насъ очень странно и, можно сказать, конфузно.

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!...

Анна Ивановна.

А объ чемъ сейчасъ наверху разговоръ былъ? Хотите, скажу!... Ну, говорить, что ли? Что, присмирѣли!

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!...

Анна Ивановна.

Ты что ротъ-то разинулъ! Не объ тебѣ—небось!

Разлюляевъ.

Хоша и не обо мнѣ, однако, можетъ быть, есть, кто и объ насъ думаетъ. Мы знаемъ, что знаемъ! (*Приплясываетъ.*)

„Какъ гусара не любить!

Это не годится!“

Анна Ивановна (*подходитъ къ Гуслину*).

Что-жъ ты, бандуристъ, когда на мнѣ женишься?

Гуслинъ (*играя на гитарѣ*).

А вотъ когда отъ Гордѣя Карпыча разрѣшенъе выдетъ. Куда намъ торопиться-то, надъ нами не каплетъ. (*Киваетъ ей головой.*) Поди-ка сюда, Анна Ивановна, мнѣ нужно сказать тебѣ одно дѣло. (*Она подходитъ къ нему и садится подлѣ него; онъ ей шепчетъ на ухо, показывая на Любовь Гордѣевну и Митю.*)

Анна Ивановна.

Что ты говоришь!... Неужто!

Гуслинъ.

Ужъ это вѣрно такъ.

Анна Ивановна.

Ну, такъ хорошо, молчи! (*Говорятъ шопотомъ.*)

Любовь Гордѣевна.

Ты, Митя, придешь къ намъ уже вечеромъ!

Митя.

Приду-съ.

Разлюляевъ.

И я приду. Я больно плясать гораздъ. (*Становится фертомъ.*) Дѣвушки, полюбите меня кто-нибудь.

Маша.

Какъ вамъ не стыдно! Чтò это вы такое говорите!

Разлюляевъ.

Чтò-жъ такое за важность! Я говорю: полюбите меня... да... за мою простоту.

Лиза.

Этого не говорятъ дѣвушкамъ. А должны были сами дожидаться, чтобы васъ полюбили.

Разлюляевъ.

Да, дождешься отъ васъ, какже! (*Пляшетъ.*)

„Какъ гусара не любить!“

Любовь Гордѣевна (*взглянувъ на Митю*).

Можетъ быть, кто-нибудь и любить кого-нибудь, да не скажетъ: надобно самому догадаться.

Лиза.

Какая же дѣвушка въ мірѣ можетъ сказать это?

Маша.

Конечно.

Анна Ивановна (*подходитъ къ нимъ, поглядываетъ то на Любовь Гордѣевну, то на Митю, и запѣваетъ*).

„Ужъ и какъ это видно,
Коли кто кого любить —
Противъ милаго садится,
Тяжеленько вздыхаетъ“.

Митя.

На чей счетъ это принимать нужно?

Анна Ивановна.

Ужъ мы знаемъ, на чей.

Разлюляевъ.

Стойте, дѣвушки, я вамъ пѣсню спою.

Анна Ивановна.

Спой, спой!

Разлюляевъ поетъ (протяжно.)

„Леталъ медвѣдь по поднебесью...“

Анна Ивановна.

А ты хуже этой-то не знаешь?

Лиза.

Даже можно принять это въ насмѣшку.

Разлюляевъ.

А коли эта не хороша, я вамъ другую спою; я, вѣдь, веселый. (Поетъ:)

„Ахъ, бей въ доску,

Поминай Москву!

Москвѣ хочется жениться—

Коломну взять,

А Тула-то хохочетъ,

Да въ приданое не хочетъ!

А гречиха по четыре,

Крупа по сороку,

Вотъ просо у насъ гривна,

А ячмень три алтына“.

(Обращаясь къ дѣвушкамъ.)

„Вздешевѣлъ бы и овесъ—

Больно дорого провозъ!“

Видите, погода какова!

Маша.

Это къ намъ не относится.

Лиза.

Мы мукой не торгуемъ.

Анна Ивановна.

Да ты что присталъ! Ты вотъ отгадай загадку. Что такое: кругла—да не дѣвка, съ хвостомъ—да не мышь?

Разлюляевъ.

Эта шутка мудреная!

Анна Ивановна.

То-то мудреная!... Вотъ ты и думай! Ну, дѣвушки, пойдемте. (Дѣвушки встаютъ и собираются идти.) Парни, пойдемте. (Гуслинъ и Разлюляевъ собираются!)

Митя.

А я послѣ приду. Я тутъ уберу кой-что.

Анна Ивановна (*пока собираются*).

„Вечоръ дѣвки,
Вечоръ красны,
Вечоръ дѣвки пиво варивали.
Зашель къ дѣвкамъ,
Зашель къ краснымъ,
Зашель къ дѣвкамъ да незванный гость“.

(Анна Ивановна за дверью пропускаетъ всѣхъ, исключая Любви Гордѣевны, затворяетъ и не пускаетъ ее.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Митя и Любовь Гордѣевна.

Любовь Гордѣевна (*у двери*).

Перестаньте, не дурачьтесь! (*За дверью двичій смѣхъ.*) Не пускаютъ!... Ахъ какія! (*Отходитъ отъ дверей.*) Баловницы, право!...

Митя (*подавая стулъ*).

Присядьте, Любовь Гордѣевна, побесѣдуйте минуточку. Я очень радъ, видѣвши васъ у себя.

Любовь Гордѣевна (*садится*).

Чему тутъ радоваться, я не понимаю.

Митя.

Да какъ же-съ!... Мнѣ очень пріятно-съ видѣть съ вашей стороны такое вниманіе, сверхъ моихъ для васъ заслугъ. Вотъ ужъ другой разъ я имѣю счастье-съ...

Любовь Гордѣевна.

Ну, что-жь! Пришла, посидѣла и ушла, въ этомъ важности не состоитъ. Я, пожалуй, и сейчасъ уйду.

Митя.

Ахъ, нѣтъ, не уходите-съ!... Для чего-же-съ!... (*Вынимаетъ изъ кармана бумагу.*) Позвольте мнѣ презентовать вамъ мой трудъ... какъ умѣю, отъ души.

Любовь Гордѣевна.

Это что такое?

Митя.

Собственно для васъ сочинилъ стихи.

Любовь Гордѣвна (*стараясь скрыть радость*).

Еще, можетъ быть, глупость какая-нибудь... не стоить читать.

Митя.

Этого я не могу судить, потому какъ самъ я это писалъ и притомъ не учимшись.

Любовь Гордѣвна.

Прочитай.

Митя.

Сейчасъ-съ. (*Садится подлѣ стола и беретъ бумагу. Любовь Гордѣвна подвигается къ нему очень близко.*)

„Не цвѣточекъ въ полѣ вянетъ, не былинка—
Вянетъ, сохнетъ добрый молодецъ—дѣтинка.
Полюбилъ онъ красну дѣвицу на горе,
На несчастіице себѣ, да на большое.
Понапрасну свое сердце паренъ губить,
Что неровнюшку дѣвицу паренъ любить:
Во темну ночь красну солнцу не всходити,
Что за парнемъ красной дѣвицѣ не быти“.

Любовь Гордѣвна (*сидитъ нѣсколько времени задумавшись*).

Дай сюда. (*Беретъ бумагу и прячетъ, потомъ встаетъ.*)
Я тебѣ сама напишу.

Митя.

Вы-съ?

Любовь Гордѣвна.

Только стихами я не умѣю, а такъ, просто.

Митя.

За великое счастье почту для себя ваше такое одолженіе-съ.
(*Даетъ бумагу и перо.*) Извольте-съ.

Любовь Гордѣвна.

Жаль только, что скверно пишу-то. (*Пишетъ; Митя хочетъ заглянуть.*) Только ты не смотри, а то я брошу писать и изорву.

Митя.

Я не буду смотрѣть-съ. Но вы позвольте мнѣ на ваше

снисхожденіе соотвѣтствовать тѣмъ же, сколь могу, и написать для васъ стихи вторично-съ.

Любовь Гордѣвна (*положивъ перо*).

Пиши, пожалуй... Только пальцы всѣ выпачкала; кабы знала, лучше бы не писала.

Митя.

Пожалуйте-съ.

Любовь Гордѣвна.

На, возьми. Только ты не смѣй читать при мнѣ, а прочти послѣ, когда я уйду. (*Складываетъ бумажку и отдаетъ ему; онъ прячетъ въ карманъ.*)

Митя.

Будетъ по вашему желанію-съ.

Любовь Гордѣвна (*встаетъ*).

Придешь къ намъ на верхъ?

Митя.

Приду-съ... сію минуту-съ.

Любовь Гордѣвна.

Прощай.

Митя.

До пріятнаго свиданія-съ. (*Любовь Гордѣвна идетъ къ дверямъ; изъ дверей выходитъ Любимъ Карпычъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Любимъ Карпычъ.

Любовь Гордѣвна.

Ахъ!

Любимъ Карпычъ (*указывая на Любовь Гордѣвну*).

Стой! Чтѣ за человѣкъ? По какому виду? За какимъ дѣломъ? Взять его подъ сумнѣніе.

Любовь Гордѣвна.

Это вы, дяденька?

Любимъ Карпычъ.

Я, племянница! Чтѣ, испугалась? Ступай, не бось! Я не докащикъ, кладу все въ ящикъ, разберу послѣ, на досугѣ.

Любовь Гордѣвна.

Прощайте! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Митя и Любимъ Карпычъ.

Любимъ Карпычъ.

Митя, прими къ себѣ купеческаго брата Любима Карпова сына Торцова.

Митя.

Милости просимъ.

Любимъ Карпычъ (*садится*).

Братъ выгналъ! А на улицѣ, въ этомъ бурнусѣ, немного натанцуешь! Морозы... время крещенское—бррръ!.. И руки-то озябли, и ноги-то ознобилъ—бррръ!

Митя.

Погрѣйтесь, Любимъ Карпычъ.

Любимъ Карпычъ.

Ты меня не прогонишь, Митя? А то, вѣдь, замерзну на дворѣ-то... какъ собака замерзну.

Митя.

Какъ можно, что вы говорите!..

Любимъ Карпычъ.

Вѣдь, вотъ братъ выгналъ же. Ну, пока деньжонки были, шлялся кой-гдѣ по теплымъ мѣстамъ; а денегъ нѣтъ—нигдѣ не пускаютъ. А и денегъ-то было два франка да нѣсколько сантимовъ! Не великъ капиталъ! Каменный домъ не выстроишь!.. Деревни не купишь!.. Какъ же надо поступить съ этимъ капиталомъ? Куда его дѣть? Не въ ломбардъ его несть! Вотъ я этотъ капиталъ взялъ да пропилъ, промоталъ. Туда ему и дорога!

Митя.

Зачѣмъ же вы пьете, Любимъ Карпычъ? Черезъ это вы сами себѣ врагъ!

Любимъ Карпычъ.

Зачѣмъ я пью?... Отъ глупости! Да, отъ своей глупости. А ты думалъ, отъ чего?

Митя.

Такъ вы лучше перестаньте.

Любимъ Карпычъ.

Нельзя перестать: на такую линію попалъ.

Митя.

Какая же это линія?

Любимъ Карпычъ.

А вотъ слушай ты, живая душа, какая это линія. Только ты слушай да на усъ мотай. Остался я послѣ отца, видишь ты, малъ-малехонекъ, съ коломенскую версту, лѣтъ двадцати несмышленочекъ. Въ головѣ-то, какъ въ пустомъ чердакѣ, вѣтеръ такъ и ходитъ! Раздѣлились мы съ братомъ: себѣ онъ взялъ заведеніе, а мнѣ далъ деньгами, да билетами, да векселями. Ну, ужъ какъ онъ тамъ раздѣлилъ — не наше дѣло, Богъ ему судья! Вотъ я и поѣхалъ въ Москву по билетамъ деньги получать. Нельзя не ѣхать! Надо людей по-смотрѣть, себя показать, високаго тона набратъ. Опять же я такой прекрасный молодой человѣкъ, а еще свѣту не видывалъ, въ частномъ домѣ не ночевывалъ. Надобно до всего дойти! Первое дѣло, одѣлся франтомъ, знай, дескать, нашихъ! То-есть, такого-то дурака разыгрываю, что на рѣдкость! Сейчасъ, разумѣется, по трактирамъ... Шпиленъ зи полъка, дайте еще бутылочку похолоднѣе. Пріятелей, друзей завелось, хоть прудъ пруди! По театрамъ ѣздилъ...

Митя.

А, вѣдь, это, должно быть, Любимъ Карпычъ, очень хорошо въ театрѣ представляютъ.

Любимъ Карпычъ.

Я все трагедію ходилъ смотрѣть: очень любилъ, только не видалъ ничего путемъ, и не помню ничего, потому что больше все пьяный. (*Встаетъ.*) „Пей подъ ножомъ Прокопа Ляпунова!“ (*Садится.*) Такимъ-то побытомъ деньжонки всѣ я ухнулъ; что осталось, повѣрилъ пріятелю Африкану Коршунову на божбу да на честное слова; съ нимъ же я пилъ да гулялъ, онъ же всему безпутству заводчикъ, главный заторщикъ изъ бражнаго, онъ же меня и надулъ, вывелъ на свѣжую воду. И сѣлъ я, какъ ракъ на мели: выпить не на что, а выпить-то хочется. Какъ тутъ быть? Куда бѣжать, тоску дѣвать? Продалъ платье, всѣ свои модныя штуки, взялъ бумажками, размѣнялъ на серебро, серебро на мѣдныя, а тамъ только пшикъ, да и все тутъ!

Митя.

Какъ же вы жили, Любимъ Карпычъ?

Любимъ Карпычъ.

Какъ жилъ? Не дай Богъ лихому татарину. Жилъ въ просторной квартирѣ, между небомъ и землей, ни съ боковъ, ни съ верху нѣтъ ничего. Людей стыдно, отъ свѣту хорошишься, а выйти на Божій свѣтъ надобно: ѣсть нечего. Идешь по улицѣ, всѣ на тебя смотрять... Всѣ видѣли, какія я штуки выдѣлывалъ, на лихачѣ съ градомъ закатывалъ, а теперь иду оборванный да обдерганный, небритый... Покачаютъ головами, да и прочь пойдутъ. Страмота, страмота, страмота! (*Сидитъ, повѣся голову.*) Есть ремесло хорошее, коммерція выгодная—воровать. Да не гожусь я на это дѣло—совѣсть есть, опять же и страшно: никто этой промышленности не одобряетъ.

Митя.

Послѣднее дѣло!

Любимъ Карпычъ.

Говорятъ, въ другихъ земляхъ за это по талеру платятъ, а у насъ добрые люди по шеямъ колотятъ. Нѣтъ, братъ, воровать скверно! Это штука стара, ее бросить пора... Да, вѣдь, голодъ-то не тетка, что-нибудь надобно дѣлать! Сталъ по городу скоморохомъ ходить, по копеечкѣ собирать, шута изъ себя разыгрывать, прибаутки рассказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало, дрожишь съ утра ранняго въ городѣ, гдѣ-нибудь за угломъ отъ людей хоронишься да дожидаяешься купцовъ. Какъ пріѣдетъ, особенно кто побогаче, выскочишь, сдѣлаешь колѣно, ну и дасть, кто пятачекъ, кто гривну. Чтѣ наберешь, тѣмъ и дышишь день-то, тѣмъ и существуешь.

Митя.

Вы бы лучше, Любимъ Карпычъ, къ брату ѣхали, чѣмъ такъ жить-то.

Любимъ Карпычъ.

Нельзя, втянулся. Эхъ, Митя, попадешь на эту зарубку—не скоро соскочишь. Да ты не перебивай, твоя рѣчь впереди. Ну, вотъ слушай! Простудился я въ городѣ—зима-то стояла холодная, а я вотъ въ этомъ пальтишкѣ щеголялъ, въ кулаки подувалъ, съ ноги на ногу перепрыгивалъ. Свезли меня добрые люди въ больницу. Какъ сталъ я выздоравли-

вать да въ разсудокъ входить, хмелю-то нѣтъ въ головѣ—страхъ на меня напалъ, ужась на меня нашла!... Какъ я жилъ? Чтò я за дѣла дѣлалъ? Сталъ я тосковать, да такъ тосковать, что, кажется, умереть лучше. Такъ ужъ рѣшился, какъ совсѣмъ выздоровѣю, такъ сходить Богу помолиться да итти къ брату, пусть возьметъ хоть въ дворники. Такъ и сдѣлалъ. Бухъ ему въ ноги!... Будь, говорю, вмѣсто отца! Жилъ такъ и такъ, теперь хочу за умъ взяться. А ты знаешь, какъ братъ меня принялъ! Ему, видишь, стыдно, что у него братъ такой. А ты поддержи меня, говорю ему, оправь, обласкай, я человѣкъ буду. Такъ нѣтъ, говоритъ, куда я тебя дѣну. Ко мнѣ гости хорошіе ѣздятъ, купцы богатые, дворяне; ты, говоритъ, съ меня голову снимешь. По моимъ чувствамъ и понятіямъ мнѣ бы совсѣмъ, говоритъ, не въ этомъ роду родиться. Я, видишь, говоритъ, какъ живу: кто можетъ замѣтить, что у насъ тятенька мужикъ былъ? Съ меня, говоритъ, и этого стыда довольно, а то еще тебя на шею навязать. Сразилъ онъ меня, какъ громомъ! Съ этихъ-то словъ я опять сталъ зашибаться немного. Ну, да, я думаю, Богъ съ нимъ, у него вотъ эта кость очень толста. (*Показываетъ на лобъ.*) Ему, дураку, наука нужна. Намъ, дуракамъ, не въ прокъ богатство, оно насъ портитъ. Съ деньгами нужно обращаться умѣючи... (*Дремлетъ.*) Митя, я полежу у тебя, мнѣ соснуть хочется.

Митя.

Прилягте, Любимъ Карпычъ.

Любимъ Карпычъ (*встаетъ*).

Митя, ты мнѣ денегъ не давай... то-есть, много не давай, а немножко дай. Я вотъ сосну, да схожу погрѣться немного, понимаешь!.. Только я немного... ни-ни!... Будетъ дурачиться.

Митя (*вынимаетъ деньги*).

Вотъ извольте, сколько вамъ нужно.

Любимъ Карпычъ (*беретъ*).

Гривенникъ надо. Тутъ все серебро, мнѣ серебра не надо. Ты дай мнѣ еще семитку, вотъ и будетъ въ настоящій тактъ. (*Митя даетъ.*) Вотъ и довольно. Добрая ты душа, Митя! (*Ложится.*) Братъ не умѣетъ цѣнить тебя. Ну, да я съ нимъ

штуку сдѣлаю. Дуракамъ богатство—зло! Дай умному человѣку деньги, онъ дѣло сдѣлаетъ. Я походилъ по Москвѣ-то, я все видѣлъ, все... Большую науку произошелъ! А дураку лучше денегъ не давай, а то онъ заломается... фу, фу, фу, трр!... вотъ какъ братъ, да какъ я, скотина... (*Полусоннымъ голосомъ.*) Митя, я ночевать къ тебѣ приду.

Митя.

Приходите. Теперь контора пустая... праздники...

Любимъ Карпычъ (*засыпая*).

А я съ братомъ смѣшную штуку сдѣлаю. (*Засыпаетъ.*)

Митя (*подойдя къ двери, вынимаетъ письмо изъ кармана*).

Что-то тутъ? Боюсь!... Руки дрожать!... Ну, ужъ что будетъ, то будетъ — прочитаю. (*Читаетъ:*) „И я тебя люблю. Любовь Торцова“. (*Схватываетъ себя за голову и убѣгаетъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная въ домѣ Торцова. У задней стѣны диванъ, передъ диваномъ круглый столъ и шесть кресель, по три на сторонѣ; въ лѣвомъ углу дверь; на стѣнахъ по зеркалу и подъ ними маленькіе столики; въ боковыхъ стѣнахъ по двери и дверь на задней въ углу. На сценѣ темно; изъ лѣвой двери свѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Любовь Гордѣевна и Анна Ивановна *входятъ изъ двери освѣщенной*.

Анна Ивановна.

Что-жъ это они не идутъ, соколы-то наши?... Не сходить ли за ними?

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, не надо. А то, пожалуй, сходи. (*Обнимаетъ ее.*) Сходи-ка, Аннушка.

Анна Ивановна.

Что, видно, защемило сердечко-то?

Любовь Гордѣевна.

Ахъ, Аннушка, какъ я его люблю-то, кабы ты знала!...

Анна Ивановна.

А ты, дѣвка, люби, да ума не теряй. Не давай повадки, чтобъ не было оглядки. Посмотри прежде хорошенько, каковъ-парень-то.

Любовь Гордѣевна.

Парень-то хорошій... Больно ужъ онъ мнѣ по сердцу, такой тахій да сиротливый.

Анна Ивановна.

Ну, а коли хорошъ, такъ люби, тебѣ ближе знать. Я, вѣдь, такъ говорю, къ примѣру. Мало ли нашей сестры отъ нихъ плачутся. Долго-ль до грѣха, не спросившись-то ума-разума.

Любовь Гордѣевна.

Что наша любовь? Какъ былинка въ полѣ: не расцвѣтетъ путемъ—да и поблекнетъ.

Анна Ивановна.

Постой-ка, дѣвушка, никакъ кто-то идетъ. Не онъ ли? Я пойду, а ты подожди, можетъ это и онъ... Потолкните по душѣ. (*Уходитъ. Входитъ Митя.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Любовь Гордѣевна и Митя.

Любовь Гордѣевна.

Кто тамъ?

Митя.

Я-съ, Митя.

Любовь Гордѣевна.

Что-жъ ты такъ долго не шелъ?

Митя.

Меня задержали-съ. (*Подходитъ.*) Любовь Гордѣевна, вы однѣ-съ?

Любовь Гордѣевна.

Одна. А что?

Митя.

Любовь Гордѣевна, какъ прикажете понимать вашу записку, въ правду или въ шутку-съ? (*Любовь Гордѣевна молчитъ.*) Скажите, Любовь Гордѣевна! Я теперича нахожусь въ такомъ сумнѣніи, что не могу вамъ этого выразить. Положеніе мое въ вашемъ домѣ вамъ извѣстно-съ: отъ всякаго зависю,

отъ Гордѣя Карпыча я, можно сказать, пренебреженъ совсѣмъ; у меня только и было одно чувство, что къ вамъ-съ; если же отъ васъ я буду принять въ насмѣшку, значить, лучше мнѣ не жить на свѣтѣ-съ. Это вы повѣрьте душѣ моей. Я вамъ истину говорю-съ.

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, Митенька, я тебѣ въ правду написала, а не въ шутку. А ты меня любишь?

Митя.

Конечно, Любовь Гордѣевна, я не умѣю вамъ всего выразить, что чувствую; но хоша позвольте тѣмъ завѣрить, что я имѣю у себя сердце, а не камень. Вы можете мою любовь видѣть изъ всего-съ.

Любовь Гордѣевна.

А я думала, что ты любишь Анну Ивановну.

Митя.

Это не правда-съ.

Любовь Гордѣевна.

Право, мнѣ такъ сказывали.

Митя.

Если-бъ это была правда, значить, что же я за человѣкъ послѣ этого? Могу ли я выразить словами то, чего сердце не чувствуетъ! А я считаю такъ, что это безчестно. Я и того, можетъ быть, не стою, что вы ко мнѣ вниманіе имѣете, а не то, что васъ обмануть.

Любовь Гордѣевна.

Вамъ нельзя вѣрить: всѣ мужчины на свѣтѣ обманщики.

Митя.

Пуцай же ихъ обманщики, но только не я.

Любовь Гордѣевна.

Почемъ знать! Можетъ быть и ты обманываешь, хочешь насмѣшку надо мной сдѣлать.

Митя.

Легче бы мнѣ, кажется, умереть на этомъ мѣстѣ, чѣмъ слышать отъ васъ такія слова! (Отворачивается.)

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, Митя, я нарочно. Я знаю, что ты меня любишь;

мнѣ только такъ хотѣлось пошутить съ тобой. (*Митя молчитъ.*) Митенька, Митя... Что-жъ ты молчишь? Ты разсердился на меня? Я, вѣдь, говорю тебѣ, что шучу. Митя! Да ну же, скажи что-нибудь. (*Беретъ его за руку.*)

Митя.

Эхъ, Любовь Гордѣевна, не шутки у меня на умѣ! Не такой я человѣкъ.

Любовь Гордѣевна.

Да не сердись.

Митя.

Ты, коли любишь, эти шутки брось! Не къ мѣсту онѣ. Эхъ, пропадай моя голова! (*Обнимаетъ ее.*) Развѣ силой возьмутъ, волей не отдамъ. Я за тебя, Люба, душу положу!

Любовь Гордѣевна (*прижимаясь къ нему*).

Митенька, какъ же намъ быть-то теперь?

Митя.

Какъ быть? Не на то ужъ мы слюбились, чтобъ разставаться.

Любовь Гордѣевна.

А ну, какъ да меня сговорятъ за кого-нибудь?

Митя.

А вотъ что, Люба: одно слово — надоть итти завтра къ Гордѣю Карпычу намъ вмѣстѣ, да въ ноги ему. Такъ и такъ, моль, на все ваша воля, а намъ другъ безъ друга не жить. Да, ужъ коль любишь друга, такъ забудь гордость!

Любовь Гордѣевна.

Какая гордость, Митенька! До гордости ли теперь! Ты, Митенька, не сердись на меня, не помни моихъ прежнихъ словъ: это только дѣвичья глупость была одна, я винюсь передъ тобой! Не шутки съ тобой шутить, а приласкать бы мнѣ тебя, бѣднаго, надо было. (*Прилегаетъ къ нему на грудь.*) А ну, какъ тятенька да не захочетъ нашего счастья, что тогда?

Митя.

Что загадывать впередъ, тамъ какъ Богъ дастъ. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ безъ тебя жизнь не въ жизнь! (*Молчаніе.*)

Любовь Гордѣевна.

Идетъ кто-то!... Ступай, голубчикъ, потихоньку, а я послѣ приду. (*Митя тихо уходитъ; Арина входитъ со свѣчой; Любовь Гордѣевна идетъ къ ней навстрѣчу.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Арина, Любовь Гордѣевна и потомъ Егорушка.

Арина.

Ну тебя! Перепугала совсѣмъ. Что ты тутъ дѣлаешь? Маленька тамъ ищетъ тебя, а ты вотъ гдѣ. Что-й-то въ потемкахъ-то бродишь! Ишь ты, скромница, несмѣяна царевна. (*Любовь Гордѣевна уходитъ.*) Ужъ и въ самомъ дѣлѣ не было-ль тутъ кого съ ней? (*Смотритъ по угламъ.*) И я-то, дура, на кого подумала! (*Зажигаетъ свѣчи.*) Вѣдь, ишь ты грѣхъ-то какой придетъ на старости лѣтъ. (*Егорушка входитъ.*) Поди, Егорушка, позови сосѣднихъ дѣвушекъ. Скажи, молъ, Пелагея Егоровна приказала звать пѣсни пѣть.

Егорушка.

Ой! Чтò ты, Аринушка, матушка! (*Пляшетъ.*)

Арина.

Чему-жъ ты радъ-то, глупый!

Егорушка.

Еще-бъ не радоваться, этакое веселье! Ай, ай, ай!... (*Прыгаетъ.*)

Арина.

Еще, можетъ, ряженые будутъ; молодцы нарядиться хотѣли.

Егорушка.

Ай, умру! Батюшки, умру!

Арина.

Да чтò ты, пострѣленокъ?

Егорушка.

Да со смѣху умру; смѣшливъ я больно, бабушка!

Арина.

А ты самъ нарядись.

Егорушка.

Наряжусь, наряжусь! Ай, батюшки, ай, ай, ай!

Арина.

Да ты бѣги поскорѣй за дѣвками-то.

Егорушка.

Въ секунтъ! (*Уходитъ. Входитъ Пелагея Егоровна.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Аринушка, послала ты за дѣвушками-то?

Арина.

Послала, матушка.

Пелагея Егоровна.

То-то. Пусть попоютъ съ нашими-то, Любушку съ гостьями потѣшатъ. По тѣхъ поръ и веселиться-то, пока молоды... да; извѣстно, дѣло дѣвичье, взаперти да взаперти, свѣту не видятъ... Ну, а теперь ихъ праздникъ... да, ужъ пусть ихъ, пусть ихъ!

Арина.

Чтò-жъ, матушка, чтò-жъ! Пускай ихъ, чтò-жъ!

Пелагея Егоровна.

Да мадерки, Аринушка, мадерки-то... постарше которымъ; ну, а молодымъ пряничковъ, конфетокъ, тамъ чтò знаешь... да! Сама ужъ, сама ужъ догадайся. Да мадерки-то, Аринушка, не забудь.

Арина.

Знаю, матушка, знаю! Ужъ всего будетъ довольно. Сейчасъ, матушка, сейчасъ!

Пелагея Егоровна.

Да молодцамъ-то закусочки.

Арина.

Все, все, матушка, будетъ. Ужъ ты не безпокойся, ты поди къ гостямъ-то, а я ужъ все съ удовольствіемъ сдѣлаю. (*Уходитъ.*)

Пелагея Егоровна (*подойдя къ двери*).

Дѣвушки, молодцы, подите сюда, тутъ попросторнѣй да посвѣтлѣе. (*Входятъ Любовь Гордѣевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюяевъ, Митя, Гуслинъ и два гостя, 1-я и 2-я.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Пелагея Егоровна, Любовь Гордѣевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляевъ, Митя, Гуслинъ и двѣ гостьи старухи, 1-я и 2-я.

Пелагея Егоровна (*старухамъ*).

А мы вотъ здѣсь усядемся. (*Садится на диванъ, старухи подлѣ нея; Анна Ивановна и Гуслинъ садятся на стулья и говорятъ тихо; Митя стоитъ подлѣ нихъ; Маша, Любовь Гордѣевна и Лиза ходятъ по залѣ, обнявшись; Разлюляевъ ходитъ за ними.*) Поглядимъ на нихъ, пусть ихъ играютъ.

Лиза.

Я говорю: представьте, маменька, онъ не имѣетъ никакой политики въ разговорѣ, и даже такія слова говорить, что совсѣмъ неучтиво.

Разлюляевъ.

Это не въ нашъ ли огородъ?

Лиза.

Не объ васъ рѣчь; ваше дѣло сторона. (*Продолжаетъ.*) Но за чтò же, маменька, я должна его любить... (*Говоритъ шопотомъ.*)

Пелагея Егоровна.

Я, матушка, люблю по-старому, по-старому... да, по-нашему, по-русскому. Вотъ мужъ у меня не любитъ. Чтò дѣлать, характеромъ такой вышелъ. А я люблю, я веселая... да... чтобъ попотчевать, да чтобъ мнѣ пѣсни пѣли... да, въ родню въ свою: у насъ весь родъ веселый... пѣсельники.

1-я гостья.

Какъ я посмотрю, матушка, Пелагея Егоровна, нѣтъ того веселья, какъ прежде, какъ мы-то были молоды.

2-я гостья.

Нѣту, нѣту.

Пелагея Егоровна.

Я молодая-то была первая затѣйница—и попѣть, и поплясать—ужъ меня взять... да... что пѣсенъ знала! Ужъ теперь такихъ и не поютъ.

1-я гостья.

Нѣтъ, не поють, все новыя пошли.

2-я гостья.

Да, да, вспомняешь старину-то.

Пелагея Егоровна.

Яшенька, спой-ка какую-нибудь пѣсенку старенькую. (*Гуслинъ беретъ гитару.*)

Разлюляевъ (*дѣвушкамъ*).

Стало-быть, ужъ мнѣ и не дожидаться; видно, отъ васъ никакого толку не будетъ.

Лиза.

Какого вамъ толку, я не понимаю.

Маша.

Даже смѣшно слышать.

Разлюляевъ.

Да, вамъ смѣшно, а мнѣ-то каково? За чтò въ самомъ дѣлѣ не любите?

Любовь Гордѣевна.

Сядемте. (*Садятся.*)

Гуслинъ (*поетъ*).

„За рѣченькой, за быстрою

Четыре двора;

Во этихъ ли во дворикахъ

Четыре кумы.

Вы кумушки, голубушки,

Подружки мои,

Кумитесь, любитесь,

Любите меня.

Пойдете вы въ зеленый садъ—

Возьмите меня;

Вы станете цвѣточки рвать—

Сорвите и мнѣ;

Вы станете вѣночки плестъ—

Сплетите и мнѣ;

Пойдете на рѣченьку—

Возьмите меня;

Вы станете вѣнки бросать—

Вы бросьте и мой.

Какъ всѣ вѣнки поверхъ воды,
А мой потонулъ;
Какъ всѣ дружки домой пришли,
А мой не пришелъ“.

Арина (*входитъ съ бутылками, стаканами и дѣвушка съ закусками*).

Вотъ, матушка, я принесла.

Пелагея Егоровна (*дѣвучекъ*).

Попотчуй барышень-то. (*Дѣвушка обноситъ дѣвицъ, ставитъ подносъ на столъ и уходитъ*.) Арина, а вино-то ты дай сюда. Да налей, налей мадеры-то, мадеры-то... Повеселѣй будетъ. Чтò-жъ, ничего, выпьемъ. Насъ не осудятъ—мы старухи, да... (*Пьютъ*.) Аннушка, поди выпей винца. Выпьешь, что ли?

Анна Ивановна.

Вотъ, чтò-жъ не выпить! Говорятъ, безъ людей не пей, а при людяхъ нужды нѣтъ. (*Подходитъ къ Пелагее Егоровнѣ, пьетъ и разговариваетъ потихоньку*).

Арина.

Молодцы, чтò-жъ вы осовѣли?

Митя.

Я не пью-съ.

Разлюляевъ.

Можно! (*Подходитъ съ Гуслинымъ и пьетъ, потомъ, ухвативъ Арину*.) Ну-ка, тряхнемъ стариной! (*Поетъ*:)

„Эхъ, тряхону-ль я старину
Про Ерему, про Оому...“

Арина.

Отстань, озорникъ, изломаль всю!

Разлюляевъ (*поетъ*).

„Ахъ, возжи во Калугѣ,
Хомутъ во Тарусѣ,
Сани съ подрѣзами,
Бдутъ они сами“.

(*Дѣвушки смѣются*.)

Арина.

Отвяжись, говорятъ!... Ну-те совсѣмъ! (*Уходитъ*.)

Анна Ивановна.

Да ты что старуху-то теребишь, давай со мной.

Разлюляевъ.

Ну, давай! Играй, Яша! (*Яша играетъ, они пляшутъ.*)

1-я гостья.

Веселая бабочка-то.

Пелагея Егоровна.

Веселая, веселая!

Разлюляевъ (*топнувъ ногой*).

У насъ вотъ какъ! (*Перестаетъ плясать.*)

Егорушка (*входитъ*).

Дѣвушки пришли.

Пелагея Егоровна.

Ну, зови ихъ. (*Егорушка уходитъ; дѣвушки входятъ; Арина приноситъ блюдо и покрываетъ.*) Садитесь-ка да запойте подблюдныя, я ихъ очень люблю. (*Любовь Гордѣевна, Маша, Лиза и Анна Ивановна снимаютъ кольца и кладутъ на блюдо; дѣвушки запѣваютъ:*)

Сѣй, мати, мучицу,

Пеки пироги.

Слава!

Къ тебѣ будутъ гости,

Ко мнѣ женихи.

Слава!

Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ,

Ко мнѣ въ сапогахъ.

Слава!

Кому спѣли—

Тому добро.

Слава!

Кому вынется—

Тому сбудется.

Слава!

(*Разлюляевъ засучиваетъ рукава, вынимаетъ кольцо, отдаетъ Любови Гордѣевнѣ.*)

Пелагея Егоровна.

Пора ужъ, пора.

Дѣвушки (*запѣваютъ*).

Сидить воробей
На Бѣлѣ-городѣ.

Слава!!

На Бѣлѣ-городѣ,
На высокой стѣнѣ.

Слава!

Глядитъ воробей
На чужу сторону.

Слава!

Кому вынется—
Тому сбудется.

Слава!

Арина (*входитъ*.)

Ряженые пришли; прикажете пустить?

Пелагея Егоровна.

Чтò-жъ, пусти, пусть попляшутъ. А вы, дѣвушки, послѣ почете.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и ряженые: старикъ съ балалайкой или гитарой, вожакъ съ медвѣдемъ и козой, Егорушка съ потокой.

Старикъ (*кланяется*).

Всей честной бесѣдѣ поклонъ.

Вожакъ.

Кланяйся, Мишка. (*Медвѣдь кланяется*.)

Старикъ.

Прикажете попѣть, поплясать, позабавить, свои старыя косточки поправить.

Пелагея Егоровна.

Чтò-жъ, ничего, попляшите. Попотчуй ихъ, Аринушка, винцомъ. (*Арина подноситъ вино; нѣкоторые пьютъ*.)

Старикъ.

Благодаримъ покорно на ласковомъ словѣ да на потчеваньи. (*Запѣваетъ*.)

„Какъ ужъ наши молодцы,
Хоть голы, да удалы!

Они сукна ткуть
 Во двѣнадцать рукъ.
 Они сукна переткали—
 Всѣмъ кафганы перешивали.
 Намъ не дороги кафтаны,
 Были-бъ денежки въ карманѣ.
 Цѣлковые по мошнямъ
 Не дактъ спать по ночамъ;
 Мѣдны денежки гремятъ—
 Во кабакъ итти велятъ.
 Цѣловальничекъ Андрей,
 Отпирай кабакъ скорѣй:
 У насъ новый кафтанъ есть,
 Мы заложимъ его здѣсь,—
 Не домой же его несть“.
 (*Отходитъ въ сторону.*)

Егорушка (*пляшетъ съ патокой*).
 „Ахъ, патока, патка,
 Вареная, сладка!
 Зима, зимушка-зима
 Студена больно была!
 Больно вьюжливая
 И мятьеливая,—
 Всѣ дорожки замети,
 Нельзя къ миленькой пройти.
 Ахъ патока, патка,
 Вареная, сладка!
 Сидитъ моя женка,
 Ровно перепелка!
 Я за то ее люблю,
 За то почитаю,
 Что чопорно ходитъ,
 Хорошо гуляетъ“.
 (*Кланяется.*)

1-я гостья.

Ишь, ты какой молодець!... а!...

Пелагея Егоровна.

Чтò-жъ, матушка, по дѣтству, какъ умѣетъ. Вѣдь, ребе-

нокъ еще. Поди сюда, Егорушка. (*Егорушка подходитъ.*)
На тебѣ пряничка... (*Даетъ; Егорушка кланяется и уходитъ.*) Да... ребенокъ еще, что съ него взять-то! (*Вожакъ водитъ медвѣдя; коза пляшетъ.*)

Старикъ (*поетъ*).

„Какъ у насъ-то козель
Что за умный былъ:
Самъ и по воду ходилъ,
Самъ и кашу варилъ —
Дѣда съ бабкою кормилъ.
Какъ пошелъ нашъ козель,
Онъ во темный лѣсъ,
Какъ навстрѣчу козлу
Да семь волковъ;
Какъ одинъ-то волкъ,
Онъ голодный былъ,
Онъ три года ходилъ,
Все козлятинки просилъ“.

Вожакъ (*медвѣдю*).

Проси вина поминать козла. (*Медвѣдь кланяется.*)

Пелагея Ег оровна.

Аринушка, попотчуй ряженныхъ-то. (*Арина подноситъ; они пьютъ и кланяются.*)

Вожакъ.

А ну-ка, Мишенька, потѣшь честныхъ господъ. А какъ красныя дѣвицы, молодыя молодицы бѣлятся, румянятся, на молодцовъ поглядываютъ, жениховъ выглядываютъ. (*Медвѣдь ломается.*) А какъ старая старушка на работу идетъ, сгорбимшись, съежимшись, пришибла ее старость, одолѣла ее древность. (*Медвѣдь ломается.*) Ну, поклонись теперь честнымъ господамъ. (*Отходятъ; старикъ играетъ на гитарѣ, прочіе ряженные пляшутъ, всѣ на нихъ смотрятъ; Гуслинъ и Митя стоятъ подлѣ Любови Гордѣевны; Митя шепчетъ ей что-то и цѣлуетъ; Разлюляевъ подходитъ.*)

Разлюляевъ.

Это ты что дѣлаешь?

Митя.

А тебѣ что за дѣло?

Разлюляевъ.

Вотъ я Пелагеѣ-то Егоровнѣ скажу, дай срокъ!

Митя.

Ты у меня пикни только!

Гуслинъ (*наступаетъ на него*).

Ты смотри у меня! Намъ, вѣдь, вмѣстѣ итти отсюда: дѣло-то ночное, а переулокъ-то у васъ глухой, такъ ты помни это!

Разлюляевъ.

Что вы пристали? Къ чему? Я жениться хочу на ней, хочу свататься. Что взяли! Да, женюсь!

Митя.

Увидимъ.

Разлюляевъ.

Такъ за тебя, что-ль, отдадутъ? Какъ же, держи карманъ-то!.. А у насъ денегъ много!...

Арина.

Вѣдь, ишь ты шумъ какой!... Перестаньте вы!... Никакъ кто-то стучить... (*Всѣ прислушиваются.*) Такъ и есть... стучать.

Пелагея Егоровна.

Отопри поди.

Арина (*уходитъ, потомъ возвращается,*

Самъ пріѣхалъ! (*Всѣ встаютъ.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, Гордѣй Карпычъ и Коршуновъ.

Гордѣй Карпычъ (*къ ряженымъ*).

Это что за сволочь!... Вонъ! (*Къ женѣ.*) Жена! Пелагея Егоровна! Принимай гостя.: (*Тихо.*) Зарѣзала ты меня!

Пелагея Егоровна.

Милости просимъ, Африканъ Саввичъ, милости просимъ.

Коршуновъ.

Здравствуйте, Пелагея Егоровна... Хе, хе, хе!... Да у васъ веселье! Вотъ какъ мы въ пору попали.

Пелагея Егоровна.

А я вотъ съ дѣвушками... Да, я все съ дѣвушками. Чтѣ-жѣ, святки; дочку потѣшить хочется.

Гордѣй Карпычѣ.

Милости просимъ, Африканъ Саввичѣ, безъ церемоніи. (*Африканъ Саввичѣ садится на кресло къ столу. Къ женѣ.*) Гони дѣвокъ-то вонъ!

Коршуновѣ.

За чтѣ ихѣ гнать! Кто-жѣ дѣвушекѣ гонить... Хе, хе, хе!... Онѣ попоютъ, а мы послушаемъ да посмотримъ на нихѣ, да еще денегѣ дадимъ, а не то, что гнать.

Гордѣй Карпычѣ.

Какъ тебѣ угодно, Африканъ Саввичѣ! Мнѣ только конфузно передъ тобою! Но ты не заключаи изъ этого про наше необразованіе—вотъ все жена. Никакъ не могу вбить ей въ голову. (*Къ женѣ.*) Сколько разъ говорилъ я тебѣ: хочешь сдѣлать у себя вечеръ, позови музыкантовъ, чтобы это было во всей формѣ. Кажется, тебѣ ни въ чемъ отказу нѣтъ.

Пелагея Егоровна.

Ну, ужѣ куда намъ музыкантовъ... старухамъ. Это ужѣ вы забавляйтесь.

Гордѣй Карпычѣ.

Вотъ какія у нихѣ понятія объ жизни! Я думаю, тебѣ смѣшно слушать.

Пелагея Егоровна.

Да чтѣ понятія, понятія! Ты бы вотъ лучше попотчевалъ гостя. Не угодно ли, Африканъ Саввичѣ, винца съ нами, со старухами. (*Наливаетъ мадеры.*)

Гордѣй Карпычѣ (*строго*).

Жена! Съ ума, чтѣ-ль, сошла въ самомъ дѣлѣ? Не видывалъ Африканъ Саввичѣ твоей мадеры-то! Шампанскаго вели подать... полдюжины... да проворнѣй. Да вели зажечь свѣчи въ гостиной, чтѣ новая небель поставлена. Тамъ со всѣмъ другой эффектъ будетъ.

Пелагея Егоровна.

Сейчасъ сама все сдѣлаю. (*Встаетъ.*) Аринушка, пойдемъ. Извините, сосѣдушки.

1-я гостья.

Э, матушка, и мы съ тобой пойдемъ. Ужъ намъ и ко двора-
рамъ пора.

2-я гостья.

Пора, пора! Ночи темныя, собаки по переулкамъ лихія.

1-я гостья.

Охъ, лихи, лихи!... (*Раскланиваются и уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Гордѣй Карпычъ, Коршуновъ, Любовь Гордѣевна,
Анна Ивановна, Маша, Лиза, двѣ девушки, Митя, Гус-
линъ и Разлюляевъ.

Коршуновъ.

Пойдемъ къ барышнямъ. Гдѣ это ты такихъ красавицъ по-
добралъ... Хе! (*Подходитъ къ Любови Гордѣевнѣ.*) Здрав-
ствуйте, Любовь Гордѣевна, красавица вы моя!... (*Любовь
Гордѣевна кланяется.*) Примите меня въ свою компанію.

Любовь Гордѣевна.

Мы никого отъ себя не гонимъ.

Анна Ивановна.

Садитесь, такъ гости будете.

Коршуновъ.

Сухо принимаете старичка. Нынче дни святочные, и по-
цѣловаться, чай, можно.

Анна Ивановна.

Зачѣмъ эти нѣжности заводить.

Коршуновъ.

Гордѣй Карпычъ, можно съ дочкой поцѣловаться? А я,
признаться... хе, хе... до этого охотникъ. Да, вѣдь, и кто-жъ
не любить!... Хе, хе!...

Гордѣй Карпычъ.

Сдѣлай милость, безъ церемоніи.

Коршуновъ.

Поцѣлуемтесь, барышня.

Любовь Гордѣевна.

Если тятенькѣ угодно... (*Цѣлуются.*)

Коршуновъ.

Ну, да ужъ со всѣми по порядку.

Анна Ивановна.

Я, пожалуй! Я не спесива.

Маша.

Ахъ, стыдъ какой!...

Лиза.

Ну, ужъ нечего сказать, велика пріятность!

Гордѣй Карпычъ (*подходитъ къ Митѣ*).

Ты зачѣмъ? Развѣ здѣсь твое мѣсто? Залетѣла ворона въ высокія хоромы! (*Митя, Гуслинъ и Разлюляевъ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Гордѣй Карпычъ, Коршуновъ, Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза и дѣвушки.

Коршуновъ (*сидя въ подлѣ Любови Гордѣевны*).

Я, Любовь Гордѣевна, не въ васъ: вы меня и поцѣловать не хотѣли, хе, хе, хе! а я вамъ подарочекъ принесъ.

Любовь Гордѣевна.

Напрасно беспокоились.

Коршуновъ

Вотъ я вамъ брилліантъ привезъ, хе, хе... (*Отдаетъ.*)

Любовь Гордѣевна.

Это серьги! Покорно васъ благодарю.

Анна Ивановна.

Покажи-ка.

Маша.

Но это прелестно!

Лиза.

И съ большимъ вкусомъ!

Коршуновъ.

Дайте мнѣ вашу ручку-то. (*Беретъ и цѣлуетъ.*) Я васъ, вѣдь, очень люблю, хе, хе, хе! очень люблю, а, вѣдь, вы меня, чай, не любите, а?

Любовь Гордѣевна.

За что же мнѣ васъ не любить?

Коршуновъ.

За что! Другого любите кого-нибудь, вотъ за что. А вы меня полюбите, я человѣкъ хорошій, веселый, хе, хе, хе...

Любовь Гордѣевна.

Я не знаю, что вы говорите.

Коршуновъ.

Я говорю: полюбите меня. Что-жъ, я еще не старъ... (Смотритъ на нее.) Али старенецъ? хе, хе, хе... Ну, что-жъ, не бѣда. За то будете въ золотѣ ходить. У меня, вѣдь, денегъ-то нѣтъ, я человѣкъ бѣдный... Такъ какихъ-нибудь сотъ пять тысячъ... хе, хе, хе, серебромъ!... (Беретъ за руку.)

Любовь Гордѣевна (вставая).

Не нужно мнѣ вашихъ денегъ.

Гордѣй Карпычъ.

Любовь, куда ты?

Любовь Гордѣевна.

Я къ маменькѣ!

Гордѣй Карпычъ.

Останься; она сюда придетъ. (Любовь Гордѣевна садится.)

Коршуновъ.

Не хотите со старикомъ-то посидѣть. Дайте мнѣ ручку, барышня, я поцѣлую.

Любовь Гордѣевна (даетъ руку).

Ахъ, Боже мой!

Коршуновъ.

Ручка-то какая! хе, хе, хе... бархатная! (Гладитъ своею рукой и потомъ надѣваетъ брилліантовый перстень.)

Любовь Гордѣевна (освобождая руку).

Ахъ, оставьте меня! не надо мнѣ, не надо!

Коршуновъ.

Ничего, мнѣ это не убытокъ, авось не разорить.

Любовь Гордѣевна.

Да мнѣ-то не надо. Дарите, кому хотите. (Снимаетъ и отдаетъ.)

Коршуновъ.

Даютъ, такъ назадъ не берутъ... хе, хе, хе! (*Входятъ: Пелагея Егоровна, за ней Арина и Егорушка съ виномъ и стаканами.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА, АРИНА И ЕГОРУШКА.

Гордѣй Карпычъ.

Пойдемъ-ка, выпьемъ.

Коршуновъ.

Ну, Гордѣй Карпычъ, потчуй, а вы, дѣвки, величайте меня. Я почетъ люблю.

Пелагея Егоровна.

Дѣвушки, повеличайте.

Гордѣй Карпычъ (*откупориваетъ, наливаетъ и подноситъ*).

Дорогому гостю, Африкану Саввичу. Кланяйся, жена!

Пелагея Егоровна.

Пожалуйте, Африканъ Саввичъ, просимъ покорно! (*Коршуновъ беретъ.*)

Гордѣй Карпычъ (*беретъ стаканъ*).

Жена, выпей.

Пелагея Егоровна.

Охъ, не люблю я что-то этого вина-то... ну, да ужъ выпью стаканчикъ.

Дѣвушки (*запѣваютъ*).

„А кто у насъ холостъ,

А кто не женатый?

Африканъ-отъ холостъ,

Саввичъ не женатый.

На коня садится,

Подъ нимъ конь бодрится,

Къ лугамъ подѣзжаетъ—

Луга зеленѣютъ,

Цвѣты расцвѣтають“.

Коршуновъ (*сидясь подлѣ Любови Гордѣевны*).

Вотъ это хорошо, это я люблю. Ну-ка, подойди сюду

которая-нибудь. (*Двушка подходит; онъ ее треплетъ по щеку.*) Ишь, ты востроглазая какая! Вѣдь, вамъ, двушкамъ, чай, много надобно на бѣлила на бѣлыя, на румяна на алыя... хе, хе, хе... а у меня денегъ нѣтъ, за мной будетъ... хе, хе, хе... Держи фартукъ. (*Сыплетъ ей деньги, мелочь; двушка кланяется и уходитъ.*) Ну, что же, Гордѣй Карпычъ, скажи женѣ-то, зачѣмъ мы пріѣхали.

Гордѣй Карпычъ.

Я тебѣ, жена, давно говорилъ, что мнѣ въ здѣшнемъ городѣ жить надоѣло, потому на каждомъ шагу здѣсь, можешь ты видѣть, какъ есть одно невѣжество и необразованіе. Для того я хочу переѣхать отселева въ Москву. А у насъ тамъ будетъ не чужой человѣкъ, будетъ зятюшка Африканъ Саввичъ.

Пелагея Егоровна.

Ахъ, ахъ! что вы?

Коршуновъ.

А ужъ мы, Пелагея Егоровна, по рукамъ ударили... Что вы такъ испугались? я ее не съѣмъ.

Пелагея Егоровна.

Ахъ, ахъ, батюшки! (*Хватаетъ дочь.*) Моя дочь!.. Не отдамъ!

Гордѣй Карпычъ.

Жена!

Пелагея Егоровна.

Батюшка, Гордѣй Карпычъ, не шути надъ материнскимъ сердцемъ!... Перестань!... Истомилъ всю душу.

Гордѣй Карпычъ.

Жена, ты меня знаешь!.. Ты, Африканъ Саввичъ, не безпокойся: у меня сказано—сдѣлано.

Коршуновъ.

Обѣщаль, такъ держи слово. (*Встаетъ, подходитъ къ двушкамъ и говоритъ съ ними тихо.*)

Любовь Гордѣевна (*подходитъ къ отцу*).

Тятенька! Я изъ твоей воли ни на шагъ не пойду. Пожалѣй ты меня, бѣдную, не губи мою молодость!...

Гордѣй Карпычъ.

Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. Въ Москвѣ будешь по-барски жить, въ каретахъ будешь ѣздить. Одно

дѣло—ты будешь жить на виду, а не въ такой глуши; а другое дѣло —я такъ приказываю.

Любовь Гордѣевна.

Я приказу твоего не смѣю послушаться. Тятенька! (*Кланяется въ ноги.*) Не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь!.. Передумай, тятенька!.. Чтò хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня противъ сердца замужъ итти за немилаго!..

Гордѣй Карпычъ.

Я своего слова назадъ не беру. (*Встаетъ.*)

Любовь Гордѣевна.

Твоя воля, батюшка! (*Кланяется и отходитъ къ матери.*)

Коршуновъ.

Вотъ и дѣлу конецъ! Ну-ка, дѣвушки, свадебшную!

Дѣвушки (*поютъ*).

„Поблѣкнуть всѣ цвѣтики во саду,
Завянуть лазоревы въ зеленомъ,
Мой миленькій, аленькій безъ меня.
Вставай-ка ты, матушка, раненько,
Поливай всѣ цвѣтики частенько,
Утренней, вечернею зарей,
А еще своей горячею слезой“.

Любовь Гордѣевна.

Не ту, не ту! запойте другую.

Гордѣй Карпычъ.

Пойдемъ, Африканъ Саввичъ, въ гостиную. Жена! Приходите всѣ туда.

Любовь Гордѣевна.

Куда мнѣ дѣваться-то!...

Гордѣй Карпычъ.

Арина, перенеси вино.

Арина.

Охъ, постой! не до тебя. Дитятко ты мое!.. Дѣвушки, голубушки, вотъ какую запоемте. (*Запѣваетъ:*)

„Ты, родимая моя матушка!

Въ день денна моя печальница,

Въ ночь ночная богомольница,
Вѣкова моя сухотница!
Прогляди ты очи ясныя,
На свою на дочку гляючи,
На свою на дочь любимую,
Во послѣдній разъ, въ останешный!“

Любовь Гордѣевна.

Въ останешный. (*Въ продолженіе этой пѣсни Гордый Карпычъ и Коршуновъ уходятъ; Любовь Гордѣевна въ объятіяхъ матери, подруги окружаютъ ее.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Небольшая комната въ домѣ Торцова, заставленная разнаго рода шкафами, сундуками и этажерками съ посудой и серебромъ мебель: диваны; кресла, столы,—все очень богато и поставлено тѣсно. Вообще эта комната составляетъ родъ кабинета хозяйки, откуда она управляетъ всѣмъ домомъ и гдѣ принимаетъ своихъ гостей запросто. Одна дверь въ залу, гдѣ обѣдаютъ гости, другая во внутреннія комнаты.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Арина сидитъ на стулѣ у двери въ залу; подлѣ нея нѣсколько двушекъ и женщинъ.

Арина (*указывая въ залу*).

Не ждали-то, матушки, не чаяли! Налетѣлъ ястребомъ, какъ снѣгъ на голову, вырвалъ нашу лебедушку изъ стада лебединаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ родныхъ, отъ подруженекъ. Не успѣли и опомниться!... Ужъ и что это на бѣломъ свѣтѣ дѣется! Люди-то нынче пошли злы-обманчивы, лукавы-подходчивы. Обошелъ Гордѣя Карпыча да тѣмъ, да другимъ, ровно туманомъ какимъ, а тотъ-то, на старости, да польстись на его богатство! Красоту-то нашу писанную да за стараго, за постылаго и сговорили. Вонъ она, моя голубушка, сидитъ—на свѣтъ не глядитъ. Охъ, тошнехонько мнѣ! На то-ль я тебя выходила да вынянчила, на своихъ рукахъ выносила, какъ птичку какую въ хлопчкахъ берегла!... А еще недавнушко мы съ ней какъ-то вотъ растолковались. Не отда-

димъ, говорю, тебя, дитятко, за простого человѣка; развѣ какой королевичъ изъ чужихъ земель найдетъ да у воротъ въ трубу затрубить. А вотъ и не вышло по-нашему. Вонъ онъ, разлучитель-то нашъ, сидитъ, толстый да губастый! Ишь, на нее поглядываетъ да посмѣивается—любо ему. О, чтобъ тебѣ пусто было! Ну, вотъ, покушали, встаютъ; ступайте за дѣло. (*Встаетъ со стула; женщины уходятъ. Входитъ Пелагея Егоровна.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

АРИНА И ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Пелагея Егоровна.

Поди-ка ты, Аринушка, пособи со стола собирать... да... А я отдохну, посижу—устала.

Арина.

Какъ не устать, родная ты моя, день-деньской на ногахъ, молоденькая ли ты!...

Пелагея Егоровна (*садится на диванъ*).

Охъ!... Да, самоваръ-то чтобъ туда подали въ дѣвичью большой... который самый-то большой. Да сыщи Аннушку, пошли ко мнѣ.

Арина.

Слушаю, слушаю.

Пелагея Егоровна.

Да... поди, поди... Охъ, моченьки моей нѣтъ! (*Арина уходитъ.*) Всю головушку разломило! Горе-то горемъ, а тутъ хлопоты еще. Да, да. хлопотъ-то что! ай, ай, ай! Сбилась съ ногъ, совсѣмъ сбилась! Дѣла-то много, а въ головѣ все не то... И тамъ нужно, и здѣсь нужно, а ухватиться не знаю за что... Право... да... (*Садится, задумавшись.*) Какой это женихъ, какой женихъ... ахъ, ахъ, ахъ!... Гдѣ тутъ любви ждать!... На богатство, что ли, она польстится?... Она теперь дѣвушка въ самой порѣ, сердчишко, вѣдь, тоже, чай, бьется иногда. Ей бы теперь хоть бѣдненькаго, да друга милаго... Вотъ бы и житье... вотъ бы и рай... (*Анна Ивановна входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Пелагея Егоровна и Анна Ивановна.

Пелагея Егоровна.

На-ка тебѣ ключи-то отъ чаю. Поди, разлей гостямъ-то; ну, да тамъ все, что нужно, ужъ сама знаешь! Я-то ужъ ноги отходила, а тебѣ что—ты бабочка молоденькая... да... послужи.

Анна Ивановна.

Что-жъ не послужить, не велика работа, руки не отвѣлятся. (*Беретъ ключи.*)

Пелагея Егоровна.

Вонъ тамъ въ шкапу чай-то, въ ящичкѣ красненькомъ. (*Анна Ивановна отпираетъ и достаетъ ящичекъ. Митя входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Митя.

Пелагея Егоровна.

Что тебѣ, Митенька, надобно?

Митя (*сдерживая слезы*).

Я-съ... я-съ, Пелагея Егоровна, за всю вашу ласку и за всѣ ваши снисхожденія, и даже чего, можетъ быть, и не стою... какъ вы, по сиротству моему, меня не оставляли и вмѣсто матери... я... вами долженъ быть всю жизнь благодаренъ и завсегда Богу молить-съ. (*Кланяется въ ноги.*)

Пелагея Егоровна.

Да что ты, Митя?

Митя.

Благодарю васъ за все-съ. Теперича прощайте, Пелагея Егоровна! (*Встаетъ.*)

Пелагея Егоровна.

Куда-жъ ты?

Митя.

Къ матушкѣ хочу ѣхать-съ.

Пелагея Егоровна.

Надолго ли же ты ѣдешь?

Митя.

Да я у хозяина отпросился на праздники, а ужъ надо такъ полагать, что я тамъ вовсе останусь.

Пелагея Егоровна.

За что ты это, Митя, насъ бросить хочешь?

Митя (*переминаясь*).

Да такъ ужъ!... Ужъ что же... я ужъ такъ порѣшился.

Пелагея Егоровна.

А когда же ты ѣдешь?

Митя.

Сегодня въ ночь. (*Молчаніе.*) Такъ думаю, до ночи-то съ вами не увидишься, такъ я проститься пришелъ.

Пелагея Егоровна.

Ну, что-жъ, Митя, коли тебѣ тамъ надобно... мы тебя не держимъ, Богъ съ тобой... Прощай!...

Митя (*кланяется въ ноги Пелагеѣ Егоровнѣ, иплуется съ ней и съ Анной Ивановной, потомъ такъ кланяется и останавливается*)

Надо бы и съ Любовью Гордѣвной проститься... Что-жъ, вѣдь, въ одномъ домѣ жили... Либо живъ буду, либо нѣтъ...

Пелагея Егоровна.

Да, надо, надо. Что-жъ, простись, простись!... Аннушка, поди покличь Любушку.

Анна Ивановна (*покачивъ головой*).

„Одинъ ведетъ за рученьку, другой за другую, третій стоитъ, слезы ронить, любилъ, да не взялъ“. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Пелагея Егоровна и Митя.

Пелагея Егоровна.

А у насъ-то, Митенька, какое горе-то! Какъ его размыкать—размотать, не придумаю... Ровно меня громомъшибло, въ себя не приду.

Митя.

Кто же теперича этому виновать-съ; не на кого вамъ плакаться, Пелагея Егоровна-съ, сами отдаете.

Пелагея Егоровна.

Сами... сами... да, сами отдаемъ. Охъ, только не моя, Митя, воля; кабы моя воля была, нешто-бъ я отдала! Чтò, я развѣ врагъ ей!

Митя.

Человѣкъ-то, какъ по-наслышкѣ, не больно-то завидный. Ничего хорошаго, окромя дурного, не слышать.

Пелагея Егоровна.

Знаю, Митенька, знаю.

Митя.

А, вѣдь, ужъ теперича, по этимъ слухамъ, надо такъ сказать, что, должно быть, Любови Гордѣевнѣ за такимъ человѣкомъ, и при томъ въ отдаленности, совсѣмъ погибать надобно-съ.

Пелагея Егоровна.

Охъ, ужъ не говори ты мнѣ, не говори... и безъ тебя тошнехонько. Глаза-то всѣ проглядѣла, на нее гляючи! Хоть бы теперь-то наглядѣться на нее про запасъ. Точно я ее хоронить собираюсь.

Митя (*почти плача*).

Такъ это чтò-жъ такое! Нешто этакъ-то дѣлають? Вѣдь, она, чай, ваша родная дочь!...

Пелагея Егоровна.

Кабы не родная, такъ я бы не плакала и не убивалася, не надрывалось бы мое сердце на ея на слезы.

Митя.

Чѣмъ плакать-то, не отдавали-бъ лучше. За чтò дѣвичій вѣкъ заѣдаете, въ кабалу отдаете? Нешто это не грѣхъ? Вѣдь, чай, вамъ за нее надоть будетъ Богу отвѣтъ дать.

Пелагея Егоровна.

Знаю я, все знаю, да говорю-жъ я тебѣ, что не моя воля. Что ты присталъ ко мнѣ? Мнѣ и безъ тебя тошно, а ты еще меня разстроиваешь. А ты бы, Митя, пожалѣлъ меня!

Митя.

Оно такъ-съ, Пелагея Егоровна, да не переносно мнѣ это горе-то; можетъ, тяжелѣе, чѣмъ вамъ. Я такую въ васъ вѣру, Пелагея Егоровна, взялъ, что все равно, какъ матушкѣ своей родной откроюсь. (*Утираетъ глаза платкомъ.*) Вечоръ-то, какъ у васъ вечеринка-то была... (*Слезы мѣшаютъ говорить.*)

Пелагея Егоровна.

Ну, ну, говори, говори...

Митя.

Ну, вотъ и столковались мы съ ней въ потемочкахъ, чтобы итти намъ съ ней къ вамъ, матушка, да къ Гордѣю Карпычу, просить васъ низменно: благословите, дескать, насъ, а намъ ужъ другъ безъ друга не жить (*утираетъ слезы*); а нынче вдругъ поутру слышу... опустились мои рученьки!...

Пелагея Егоровна.

Что ты!

Митя.

Вотъ передъ Истиннымъ, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Ахъ, ты сердечный! Экой ты горькій паренекъ-то, какъ я на тебя посмотрю! (*Входитъ Любовь Гордѣевна.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Любовь Гордѣевна.

Пелагея Егоровна.

Вотъ, Любушка, Митя проститься пришелъ: онъ ѣдетъ отъ насъ къ матушкѣ къ своей.

Митя (*кланяется*).

Прощайте, Любовь Гордѣевна!... Не поминайте лихомъ!

Любовь Гордѣевна.

Прощай, Митя! (*Кланяется.*)

Пелагея Егоровна.

Поцѣлуйте на прощанье-то, вѣдь, можетъ, не приведетъ Богъ и свидѣться... да... что-жъ такое! (*Митя и Любовь Гордѣевна целуются; она садится на диванъ и плачетъ;*

Митя тоже плачетъ.) Будеть, будетъ вамъ плакать-то! Вы меня съ ума сведете!

Митя.

Эхъ, пропадай моя голова! Ужъ была не была! (*Подходитъ къ Пелагеѣ Егоровнѣ.*) Пелагея Егоровна, жаль вамъ дочь отдавать за стараго, аль нѣтъ?

Пелагея Егоровна.

Кабы не жаль, такъ бы я не плакала.

Митя.

Прикажете говорить, Пелагея Егоровна!

Пелагея Егоровна.

Говори.

Митя.

Вотъ моя рѣчь какая: соберите-ка вы ее да одѣньте потеплѣе ужотка. Пусть выйдетъ потихоньку: посажу я ее въ саночки-самокаточки—да и былъ таковъ! Не видать тогда ее старому, какъ ушей своихъ, а моей головѣ заодно ужъ погибать! Увезу ее къ матушкѣ да и повѣнчаемся. Эхъ! дайте душѣ просторъ—разгуляться хочетъ! По крайности, коли придется и въ отвѣтъ итти, такъ ужъ то буду знать, что потѣшилсѣ.

Пелагея Егоровна.

Что ты, что ты, безпутный!

Любовь Гордѣевна.

Что ты, Митя, выдумалъ!

Митя.

Стало, не любишь? Аль разлюбила?

Любовь Гордѣевна.

Да ты говоришь-то что-то страшно!

Пелагея Егоровна.

Что ты, безпутный, выдумалъ-то! Да кто-жъ это посмѣетъ такой грѣхъ на душу взять... да... опомнись... что ты!

Митя.

Вѣдь, я говорю: коли жаль; а коли не жаль, такъ отдавайте за Африкана Саввича, закабалите на вѣки вѣчные. Сами же, глядя на ея житье горемычное, убиваться станете. Спohватитесь вы съ Гордѣй-то Карпычемъ, да ужъ поздно будетъ.

Пелагея Егоровна.

Да какъ же безъ отцовскаго-то благословенія! Ну, какъ же, ты самъ посуди?

Митя.

Конечно, безъ благословенья что за житье! Такъ ужъ благословите вы, Пелагея Егоровна (*становится на колѣни*), а Гордѣй Карпычъ, можетъ... и самъ по времени какъ-нибудь...

Пелагея Егоровна.

Какъ же мнѣ быть-то съ вами! Я совсѣмъ съ ума сошла... да... помѣшалася. Ничего не знаю, не помню... да, да... головушка моя закружилася... Горько, горько моему сердцу, голубчики!...

Любовь Гордѣевна (*подходитъ къ Митѣ*).

Нѣтъ, Митя, не бывать этому! Не томи себя понапрасну, перестань! (*Поднимаетъ его.*) Не надрывай мою душу! И такъ мое сердце все изныло во мнѣ. Поѣзжай съ Богомъ. Прощай!

Митя.

За что-жъ ты меня обманывала, надо мной издѣвалась?

Любовь Гордѣевна.

Полно ты, Митя. Что мнѣ тебя обманывать, зачѣмъ? Я тебя полюбила, такъ сама же тебѣ сказала. А теперь изъ воли родительской мнѣ выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтобъ я шла замужъ. Должна я ему покориться, такая наша доля дѣвичья. Такъ, знать, тому и быть должно, такъ ужъ оно заведено изстари. Не хочу я супротивъ отца идти, чтобъ про меня люди не говорили да въ примѣръ не ставили. Хоть я, можетъ быть, сердце свое надорвала черезъ это, да по крайности я знаю, что я по закону живу, никто мнѣ въ глаза насмѣяться не смѣетъ. Прощай! (*Цѣлуются.*)

Митя.

Ну, знать, не судьба! (*Любовь Гордѣевна садится на диванъ и плачетъ.*) Прощай! (*Кланяется Пелагея Егоровна.*) Прощайте, Пелагея Егоровна, благодѣтельница вы моя! Вѣкъ не забуду вашей ласки да милости ко мнѣ: не забывали сироту на чужой сторонѣ.

Пелагея Егоровна.

Прощай, голубчикъ, не осуди насъ въ чемъ, грѣхъ тебѣ будетъ. Дай Богъ тебѣ счастливо... а мы тебя не забудемъ. (*Митя кланяется и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Пелагея Егоровна и Любовь Гордѣевна и потомъ Коршуновъ.

Пелагея Егоровна.

Что, Любушка, жаль парня-то! Эко, дѣвушка... ахъ!... А мнѣ и невдомекъ, что ты его полюбила-то. Да и гдѣ мнѣ, старухѣ, догадаться... да. Что-жъ я? Вотъ поплакать наше дѣло, а власти надъ дочерью никакой не имѣю! А хорошо бы! Полюбовалась бы на старости. Парень-то такой простой, сердцемъ мягкій, и меня-то бы, старуху, любилъ. Ужъ какъ погляжу я на тебя, дѣвушка, какъ тебѣ не грустить!... да помочь-то мнѣ тебѣ, сердечная, нечѣмъ!

Любовь Гордѣевна.

Ну, маменька, что тамъ и думать, чего нельзя, только себя мучить. (*Сидитъ молча; стучатъ; голосъ Коршунова: „Можно войти?“*)

Пелагея Егоровна.

Войдите, батюшка.

Коршуновъ (*входя*).

А! вотъ она, невѣста-то моя, куда спряталась... хе... найду, вездѣ найду! Позвольте-ка намъ, Пелагея Егоровна, съ вашей дочкой по секрету поговорить о своихъ дѣлахъ.

Пелагея Егоровна.

Изволь, батюшка. (*Уходитъ.*)

Коршуновъ (*садится подлѣ Любови Гордѣевны*).

Объ чемъ это плакать-то, сударыня? Стыдно, стыдно... хе... хе... Вотъ я и постарше, да не плачу... (*Смотритъ на нее проницательно.*) Я, вѣдь, знаю объ чемъ: чай, за молоденькаго хочется? Такъ, вѣдь, это, миленькая вы моя (*беретъ руку и цѣлуетъ*), глупость одна дѣвичья. Вотъ послушайте-ка, что я вамъ скажу... я правду буду говорить,

начисто, обманывать не люблю, мнѣ не изъ чего. Станете слушать, а?

Любовь Гордѣевна.

Говорите.

Коршуновъ.

Хорошо-съ. Вотъ начнемъ хоть съ этого. Молодой развѣ оцѣнить, что вы его полюбите, а? Молодого-то, вѣдь, всякая полюбить, ему это не въ диковинку, а старику-то дорого. Старикъ-то за любовь и подарочкомъ, и тѣмъ, и сѣмъ, и золотомъ, и бархатомъ—и не знаетъ, чѣмъ утѣшить. (*Цѣлуетъ у нея руки.*) А въ Москвѣ хорошихъ вещей въ магазинахъ много, есть что подарить. Такъ вотъ старика-то и хорошо полюбить... Вотъ вамъ разъ. А то вотъ еще что бываетъ съ молодымъ-то мужемъ да съ хорошимъ-то: вѣдь, они народъ вѣтреный, глядишь, и приволокнется за кѣмъ-нибудь на сторонѣ, либо въ него какая-нибудь сударынька влюбится, а жена-то сохни... Пойдутъ попреки да ревность... А что такое ревность, а? хе... хе... хе... Знаете ли вы, сударыня, что такое ревность?

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, не знаю.

Коршуновъ.

А я знаю... Это не то, что иголкой пальчикъ уколотъ, гораздо побольнѣе будетъ. Вѣдь, она, проклятая, сушитъ человѣка. Отъ ревности-то рѣжутъ другъ друга, мышьякомъ отравляются! (*Смѣется судорожно и съ кашлемъ.*) А въ старика-то кто влюбится? Стало быть, женѣ-то и покойно. Да еще вотъ что скажу вамъ, драгоценная моя барышня: молодые-то загуливать любятъ, веселости, да развлеченія, да дебоши разные, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А пріѣдетъ-то пьяненькій, заломается, заважничаетъ. А старикъ-то все подлѣ жены такъ и будетъ сидѣть; умирать будетъ—прочь не отойдетъ. Да все бы въ глазки глядѣлъ, да все бы ласкалъ, да ручки бы цѣловалъ... (*Цѣлуетъ.*) Вотъ такъ.

Любовь Гордѣевна.

А васъ та жена, покойная, любила?

Коршуновъ (*смотритъ на нее пристально.*)

А вамъ, сударыня, зачѣмъ это?

Любовь Гордѣевна.

Такъ, хотѣлось знать.

Коршуновъ.

Знать хотѣлось?... (*Встаетъ.*) Нѣтъ, не любила, да и я не любилъ ее. Она и не стоила того, чтобъ ее любить-то. Я ее взялъ бѣдную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрѣлъ; спасъ отца изъ ямы; она у меня въ золотѣ ходила.

Любовь Гордѣевна.

Любви золотомъ не купишь.

Коршуновъ.

Люби не люби, да почаще взглядывай. Имъ, видишь ты, деньги нужны были, нечѣмъ было жить: я давалъ, не отказывалъ; а мнѣ вотъ нужно, чтобъ меня любили. Чтò-жъ, я воленъ этого требовать, или нѣтъ? Я, вѣдь, за то деньги платилъ. На меня грѣхъ пожаловаться: кого я люблю—тому хорошо жить на свѣтѣ; а ужъ кого не люблю, такъ не пеняй! (*Разгорячаясь, ходитъ.*) Да, я врагъ тому человеку, ужъ лучше бѣги съ моихъ глазъ долой: я словомъ да взглядомъ, пуще чѣмъ дѣломъ, доѣду; я прохожу... отдохну не дамъ человеку... я... (*останавливается и хохочетъ.*) А вы и въ самомъ дѣлѣ подумали, что я такой злой?... хе... хе... Это я нарочно, такъ шучу! Я простой, я добрый старикъ... А ужъ васъ-то я буду на рукахъ носить (*припадаетъ*), въ люлечкѣ качать, приговаривать... (*Цѣлуетъ у ней руки. Гордый Карпычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Любовь Гордѣевна, Коршуновъ и Гордый Карпычъ.

Гордый Карпычъ.

А! вотъ гдѣ зятюшка-то! А мы тебя ищемъ. Мы ужъ тамъ за шампанею принялись. Пойдемъ-ка къ гостямъ, у насъ безъ тебя и пиръ не въ пиръ.

Коршуновъ.

Мнѣ и здѣсь хорошо.

Гордый Карпычъ.

Ну, такъ мы велимъ сюда подать, да здѣсь, значить,

съ тобой и разопьемъ. (*Подходитъ къ двери.*) Эй, малой! дай сюда вина! На серебряномъ подносѣ. (*Садится.*) Ну, зятюшка, что скажешь?

Коршуновъ.

Ничего.

Гордѣй Карпычъ.

Какъ ничего?

Коршуновъ.

Такъ ничего.

Гордѣй Карпычъ.

Нѣтъ-таки, однако? (*Смотритъ на него.*) Можешь ты меня теперь понимать?

Коршуновъ.

Какъ не понимать.

Гордѣй Карпычъ.

Вотъ мы теперь подгуляли маненько, такъ ты мнѣ скажи, что я за человѣкъ? Могутъ ли меня здѣсь оцѣнить?

Коршуновъ.

Гдѣ же имъ оцѣнить.

Гордѣй Карпычъ.

Нѣтъ, ты вотъ что скажи: все у меня въ порядкѣ? Въ другомъ мѣстѣ, за столомъ-то прислуживаетъ молодецъ въ поддевкѣ, либо дѣвка, а у меня фицыантъ въ нитяныхъ перчаткахъ. Этотъ фицыантъ, онъ ученый, изъ Москвы, онъ всѣ порядки знаетъ: гдѣ кому сѣсть, что дѣлать. А у другихъ что! Соберутся въ одну комнату, усядутся въ кружокъ, пѣсни запоютъ мужицкія. Оно, конечно, и весело, да я считаю такъ, что это низко, никакого тону нѣтъ. Да и пьютъ-то что, по необразованію своему! Наливки тамъ, вишневки разныя... а и не понимаютъ они того, что на это есть шампанское! Охъ, если-бъ мнѣ жить въ Москвѣ, али бы въ Питербурхѣ, я бы, кажется, всякую моду подражалъ.

Коршуновъ.

Неужто всякую?

Гордѣй Карпычъ.

Всякую. Сколько-бъ хватило моего капитала, а ужъ себя-бъ не уронилъ. Ты, Любовь, у меня смотри, води себя аккуратно, а то женихъ-то, вѣдь, онъ московскій, пожалуй, осу-

доть. Ты, чай, и ходить-то не умѣешь, и говорить-то не понимаешь, гдѣ что слѣдуетъ.

Любовь Гордѣевна.

Я, тятенька, говорю, что чувствую; я въ пансіонѣ не училась. *(Входитъ оффиціантъ и подаетъ вино Коршунову и Гордю Карпычу; ставитъ бутылки на столъ и уходитъ.)*

Гордѣй Карпычъ.

Такъ-то, зятюшка! Вотъ и пусть ихъ знаютъ, каковъ Гордѣй Карпычъ Торцовъ! *(Входитъ Егорушка.)*

Егорушка.

Дяденька, Гордѣй Карпычъ, пожалуйста сюда-съ.

Гордѣй Карпычъ.

Что тебѣ?

Егорушка.

Пожалуйте: исторія вышла-съ. *(Смѣется.)*

Гордѣй Карпычъ *(подходя)*.

Что тамъ?

Егорушка.

Да дяденька Любимъ Карпычъ вошли.

Гордѣй Карпычъ.

Зачѣмъ пускали?

Егорушка.

Имъ, должно быть, въ голову вступило, никакъ не удержимъ. *(Хохочетъ.)*

Гордѣй Карпычъ.

Что же онъ дѣлаетъ?

Егорушка.

Гостей разгоняетъ-съ. *(Хохочетъ.)* Вы, говоритъ, рады чужой хлѣбъ ѣсть... Я, говоритъ, тоже хозяинъ... я, говорить... *(Хохочетъ.)*

Гордѣй Карпычъ.

Гсс... Снялъ онъ мою голову! *(Уходитъ съ Егорушкой.)*

Коршуновъ.

Что это тамъ у нихъ?

Любовь Гордѣевна.

Не знаю. Должно быть, дяденька что-нибудь... На него иногда находить. *(Входятъ Разлюяевъ, Маша и Лиза.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Любовь Гордѣевна, Коршуновъ, Разлюляевъ, Маша
и Лиза.

Пелагея Егоровна (*въ дверяхъ*).

Гдѣ братецъ-то?... Гдѣ Любимъ Карпычъ-то? Чтò онъ на-
дѣлалъ—бѣда!

Любовь Гордѣевна.

Его здѣсь нѣтъ, маменька. (*Пелагея Егоровна уходитъ.*)

Разлюляевъ.

Вотъ такъ разъ! Славныя штучки Любимъ Карпычъ отмачиваетъ! ха... ха... ха!... Такія пули отливаетъ, что только люли!

Лиза.

Совсѣмъ не смѣшно, одно невѣжество!

Маша.

Я просто не знала, куда дѣваться отъ стыда. (*Садятся на диванъ. Входитъ Любимъ Карпычъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же и Любимъ Карпычъ.

Лиза.

Ахъ, Боже мой, опять!

Маша.

Это ужасно!

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!...

Любимъ Карпычъ.

Гуръ, гуръ, гуръ... буль, буль, буль!... Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать!... Пріятелю! (*Протягиваетъ руку Коршунову.*) Наше вамъ-съ!... Тысячу лѣтъ со днемъ не видались! Какъ поживаете?

Коршуновъ.

А, это ты, Любимъ?

Любимъ Карпычъ (*загораживая лицо руками*).

Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчикъ.

Коршуновъ.

Я тебя, братецъ, помню: ты по городу ходилъ, по копеечкѣ сбиралъ.

Любимъ Карпычъ.

Ты помнишь, какъ я по копеечкѣ сбиралъ, а помнишь ли ты, какъ мы съ тобой погуливали, осеннія темныя ночи просиживали, изъ трактира въ погребокъ перепархивали? А не знаешь ли ты, кто меня разорилъ, съ сумой по міру пустилъ?

Коршуновъ.

А ты самъ чего зѣваль? Вѣдь, тебя за воротъ не тянули, любезный. Самъ виноватъ.

Любимъ Карпычъ.

Я-то дуракъ, да, вѣдь, и тебѣ не велика честь! Ты меня такъ возвеличилъ, въ такое званіе возвелъ, что вотъ я ничего не укралъ, а людямъ въ глаза глядѣть совѣстно!

Коршуновъ.

Ты все такой же шутникъ! (*Обращаясь къ Любови Гордѣевнѣ.*) Весельчакъ дядюшка-то у васъ. Видно, ужъ по старому знакомству, дать ему цѣлковенькой.

Любимъ Карпычъ.

Тсс... Тутъ не цѣлковымъ пахнетъ! Отдай старый долгъ, а за племянницу миллионъ триста тысячъ!.. Дешевле не отдамъ.

Коршуновъ (*смыется*).

Уступки не будетъ?

Любимъ Карпычъ.

Ни копейки!

Разлюляевъ.

Ай да Любимъ Карпычъ! Меньше и не бери. (*Входитъ Гордый Карпычъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Гордый Карпычъ.

Гордый Карпычъ.

А, ты здѣсь! Чтѣ ты со мной дѣлаешь? Вонъ сейчасъ!

Коршуновъ.

Погоди, Гордый Карпычъ, не гони, чтѣ его гнать! Пусть поломається, попутитъ. Хе, хе, хе!...

Любимъ Карпычъ.

Это братъ шутить-то, что за тебя дочь отдаетъ, а я сшучу съ тобой такую шутку, что будетъ тебѣ не по желудку!

Гордѣй Карпычъ.

Ему тутъ не мѣсто. Ступай вонъ!

Любимъ Карпычъ.

Братъ, погоди, не гони! Ты думаешь, Любимъ Торцовъ пришелъ шутки шутить? ты думаешь, пьянъ Любимъ Торцовъ? Я пришелъ вамъ загадки загадывать. (*Коршунову.*) Отчего у осла длинныя уши? Ну-ка, давай отвѣтъ!

Разлюляевъ.

Вотъ такъ задача!

Коршуновъ.

Почемъ я знаю.

Любимъ Карпычъ.

Для того, чтобы всѣ знали, что онъ осель. (*Брату.*) Вотъ тебѣ задача: за кого ты дочь отдаешь?

Гордѣй Карпычъ.

Это не твое дѣло! Ты меня не смѣешь спрашивать.

Любимъ Карпычъ.

А вотъ тебѣ еще вопросъ: честный ты купецъ, или нѣтъ? Коли ты честный—не водись съ безчестнымъ, не трись подлѣ сажи—самъ замараешься.

Коршуновъ.

А ты шути, да не забывайся, любезный!.. Выгони его, или вели ему замолчать.

Любимъ Карпычъ.

Это про тебя!.. Видно ты чистъ, какъ трубочистъ!

Гордѣй Карпычъ.

Братъ, уйди честью, а не то худо.

Любовь Гордѣевна (*вскакиваетъ въ испугъ*).

Дяденька, перестаньте!

Любимъ Карпычъ.

Не замолчу! Теперь кровь заговорила! (*Всѣ домашніе и гости входятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ, ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА, АННА ИВАНОВНА, ГУСЛИНЬ,
ГОСТИ, ГОСТЫИ И ПРИСЛУГА.

Любимъ Карпычъ.

Послушайте, люди добрые! Обижаютъ Любима Торцова, гонятъ вонъ. А чѣмъ я не гость? За что меня гонятъ? Я не чисто одѣтъ, такъ у меня на совѣсти чисто. Я не Коршуновъ: я бѣдныхъ не грабилъ, чужого вѣку не заѣдалъ, жены ревностію не замучилъ... Меня гонятъ, а онъ первый гость, его въ передній уголъ сажаютъ. Что-жъ, ничего, ему другую жену дадутъ: братъ за него дочь отдаетъ! Ха, ха, ха! (*Хочетъ трагически.*)

Коршуновъ (*вскакиваетъ*).

Не вѣрьте ему, онъ вретъ: онъ это по злобѣ на меня говоритъ, спьяну.

Любимъ Карпычъ.

Что за злоба! Я тебѣ давно простилъ. Я человѣкъ маленькой, червякъ ползущій, ничтожество изъ ничтожествъ! Ты другимъ-то зла не дѣлай.

Гордѣй Карпычъ (*прислунъ*).

Уведите его!

Любимъ Карпычъ (*поднимая одинъ палецъ къверху*).

Сс... Не трогать! Хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого нѣту стыда въ глазахъ!... О, люди, люди!... Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ! Вотъ теперь я самъ пойду. (*Обращаясь къ толпѣ.*) Шире дорогу — Любимъ Торцовъ идетъ! (*Уходитъ и тотчасъ возвращается.*) Извергъ естества! (*Уходитъ.*)

Коршуновъ (*принужденно хохочетъ*).

Такъ этакой-то у тебя порядокъ въ домѣ! Этакія ты моды завелъ: у тебя пьяные гостей обижаютъ! Хе, хе, хе! Я, говорить, въ Москву поѣду, меня здѣсь не понимаютъ. Въ Москвѣ-то ужъ такіе дураки повывелись, тамъ смѣются надъ ними. Зятюшка, зятюшка! Хе, хе, хе! Любезный тестюшка! Нѣтъ,

шалишь, я даромъ себя обидѣть не позволю. Нѣтъ, ты теперь приди-ка ко мнѣ да покланяйся, чтобъ я дочь-то твою взялъ.

Гордѣй Карпычъ.

Я къ тебѣ пойду кланяться?

Коршуновъ.

Пойдешь, я тебя знаю. Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть въ петлю лѣзть, да только-бъ весь городъ удивить, а жениховъ-то нѣтъ. Вотъ несчастье-то твое! Хе, хе, хе!...

Гордѣй Карпычъ.

Опосля этого, когда ты такія слова говоришь, я самъ тебя знать не хочу! Отродясь никому не кланялся. И, коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдамъ! Съ деньгами, что я за ней дамъ, всякій человѣкъ будетъ... (*Входитъ Митя и останавливается въ дверяхъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Митя.

Митя (*обращаясь къ толпѣ*).

Что такое за шумъ-съ?

Гордѣй Карпычъ.

Вотъ за Митьку отдамъ!

Митя.

Чего-съ?

Гордѣй Карпычъ.

Молчи! Да... за Митьку отдамъ... завтра же! Да такую свадьбу задамъ, что ты не видывалъ: изъ Москвы музыкантовъ выпишу, одинъ въ четырехъ каретахъ поѣду.

Коршуновъ.

Посмотримъ, посмотримъ. Придешь прощенья просить, придешь! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ же безъ Коршунова.

Пелагея Егоровна.

За кого, Гордѣй Карпычъ, ты сказалъ?

Гордѣй Карпычъ.

За Митьку... Да! Ишь разважничался! Точно я хуже его! „Пойдешь кланяться!“ Вретъ онъ, не пойду кланяться! На зло ему за Митрія отдамъ. (*Всѣ удивлены.*)

Митя (*беретъ Любовь Гордѣевну за руку и подходитъ къ Гордѣю Карпычу*).

Зачѣмъ же на зло, Гордѣй Карпычъ? Со зломъ такого дѣла не дѣлають. Мнѣ на зло не надобно-съ. Лучше ужъ я всю жизнь буду мучиться. Коли есть ваша такая милость, такъ ужъ вы благословите насъ, какъ слѣдуетъ—по-родительски, съ любовію. Какъ любимъ мы другъ друга, и даже до этого случаю хотѣли вамъ повиниться... А ужъ я вамъ, вмѣсто сына, то-есть, завсегда всей душой-съ.

Гордѣй Карпычъ.

Что, что всей душой? Ты ужъ и радъ случаю! Да какъ ты смѣлъ подумать-то? Что она, ровня, что-ль, тебѣ? Съ кѣмъ ты говоришь, вспомни!

Митя.

Я очень хорошо знаю, что вы мой хозяинъ и что я, по бѣдности своей, не могу быть имъ равней; но, впрочемъ, судите, какъ хотите, я весь тутъ-съ; я вашу дочку полюбилъ душою-съ. (*Входитъ Любимъ Карпычъ и становится въ толпѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Любимъ Карпычъ.

Гордѣй Карпычъ.

Какъ, чай, не любить! У тебя губа-то не дура! За ней, вѣдь, денегъ много, такъ тебѣ голому-то на голодные зубы хорошо.

Митя.

Для меня столь обидно отъ васъ это слышать, что я не имѣю словъ-съ. Лучше молчать. (*Отходитъ.*) Извольте, Любовь Гордѣевна, вы говорить-съ.

Любовь Гордѣевна.

Я, тятенька, вашей волѣ не перечила! Коли хотите вы моего счастья, отдайте меня за Митю.

Пелагея Егоровна.

Что-что и въ самомъ дѣлѣ, Гордѣй Карпычъ, капризничаешь... да! Что въ самомъ дѣлѣ! Я было ужъ обрадовалась, насилу-то отъ сердца отлегло, а ты опять за свое. Ужъ говори что-нибудь одно, а то что это такое... право. То скажешь—за одного, то за другого. Что она тебѣ на мытарство, что ли, досталась?

Любимъ Карпычъ.

Братъ, отдай Любушку за Митю.

Гордѣй Карпычъ.

Ты опять здѣсь? Да ты понимаешь ли, что ты со мной нынче сдѣлалъ? Ты меня оконфузилъ на весь городъ! Кабы ты чувствовалъ это, ты бы не смѣлъ и на глаза-то мнѣ показываться, а ты еще съ совѣтами лѣзешь! Ужъ пускай бы говорилъ человѣкъ, да не ты.

Любимъ Карпычъ.

Да ты поклонись Любиму Торцову въ ноги, что онъ тебя оконфузилъ-то.

Пелагея Егоровна.

Именно, Любимушка, надо тебѣ въ ноги поклониться... да... именно. Снялъ ты съ нашей души грѣхъ великій; не замолить бы его намъ.

Гордѣй Карпычъ.

Что-жъ, я извергъ, что ли, какой въ своемъ семействѣ?

Пелагея Егоровна.

Извергъ не извергъ, а погубилъ бы дочь-то изъ-за своей глупости... Да! Я тебѣ отъ простоты моей скажу. Отдаютъ за стариковъ-то и не Африкану Саввичу чета, да и то горе мычуть.

Любимъ Карпычъ.

Пустите меня! (*Поетъ*;) Трумъ-ту-тумъ, трумъ-ту-тумъ! (*Пляшетъ*.) Посмотри на меня, вотъ тебѣ примѣръ—Любимъ Торцовъ передъ тобой живой стоитъ. Онъ по этой дорожкѣ ходилъ—знаешь, какова она! И я былъ богатъ и славенъ, въ каретахъ ѣздилъ, такія штуки выкидывалъ, что тебѣ и въ голову не придетъ, а потомъ верхнимъ концомъ да внизъ. Вотъ погляди, каковъ я франтъ.

Гордѣй Карпычъ.

Ты мнѣ что ни говори, я тебя слушать не хочу, ты мнѣ врагъ на всю жизнь.

Любимъ Карпычъ.

Человѣкъ ты, или звѣрь? Пожалѣй ты и Любима Торцова! (*Становится на колѣни.*) Братъ, отдай Любушку за Митю— онъ мнѣ уголъ дастъ. Назябся ужъ я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужъ мнѣ паясничать на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; хотъ подъ старость-то да честно пожить. Вѣдь, я народъ обманывалъ: просилъ милостыню, а самъ пропивалъ. Мнѣ работишку дадутъ; у меня будетъ свой горшокъ щей. Тогда-то я Бога возблагодарю. Братъ! и моя слеза до неба дойдетъ. Что онъ бѣденъ-то! Эхъ, кабы я бѣденъ былъ, я бы человѣкъ былъ. Бѣдность не порокъ.

Пелагея Егоровна.

Гордѣй Карпычъ, неужели въ тебѣ чувства нѣтъ?

Гордѣй Карпычъ (*утираетъ слезу*).

А вы и въ самомъ дѣлѣ думали, что нѣтъ?! (*Поднимаетъ брата.*) Ну, братъ, спасибо, что на умъ наставилъ, а то было свихнулся совсѣмъ. Не знаю, какъ и въ голову вошла такая гнилая фантазія. (*Обнимаетъ Митю и Любовь Гордѣевну.*) Ну, дѣти, скажите спасибо дядѣ Любиму Карпычу да живите счастливо. (*Пелагея Егоровна обнимаетъ дѣтей.*)

Гуслинъ.

Дяденька, теперь и мнѣ можно?

Гордѣй Карпычъ.

Можно, можно. Просите всѣ, кому что нужно: теперь я сталъ другой человѣкъ.

Гуслинъ.

Ну, Аннушка, дождались и мы съ тобой.

Анна Ивановна.

Ну, теперь пойдеть у насъ пляска, только держи шапку.

Пелагея Егоровна.

Ужъ попляшемъ, попляшемъ.

Разлюляевъ (*подходитъ къ Митю и ударяетъ его по плечу*).

Митя!... Для пріятеля... все жертвую... Самъ любилъ, а для тебя... жертвую. Дай руку. (*Ударяетъ по рукѣ*.) Одно слово... бери, значить, жертвую для тебя... Для друга ничего не жаль! Вотъ какъ у насъ, коли на то пошло! (*Утирается полой и цѣлуетъ Митю*.) А это онъ правду говоритъ: пьянство не порокъ... то бишь—бѣдность не порокъ... Вотъ всегда проврусь!

Пелагея Егоровна.

Ахъ, да вотъ и всѣ тутъ! (*Къ дѣвушкамъ*.) Ну-ка, дѣвушки, веселенькую... да, веселенькую... Ужъ мы теперь свадьбу-то по душѣ отпирuemъ, по душѣ... (*Дѣвушки начинаютъ запѣвать*.)

Любимъ Карпычъ.

Тсс... Слушай команду! (*Запѣваетъ; дѣвушки подтягиваютъ*.)

У насъ дѣло-то сдѣлано,
По рукамъ у насъ ударено,
Быть сговору—дѣвишнику,
Быть дѣвичьему вечеру.

НЕ ТАКЪ ЖИВИ, КАКЪ ХОЧЕТСЯ.

НАРОДНАЯ ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Л И Ц А:

Илья Ивановичъ, зажиточный купецъ.

Петръ, его сынъ.

Даша, жена Петра.

Афимья, ихъ тетка.

Агафонъ, мѣщанинъ изъ уѣзднаго города.

Степанида, его жена.

Вася, молодой купеческій сынъ.

Спиридоновна, содержательница постоялаго двора.

Груша, ея дочь.

Еремка, кузнецъ.

Яковъ, ямщикъ.

Иванъ, молодецъ въ домѣ Петра.

Дѣвушки и парни.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ концѣ XVIII столѣтія, на масленицѣ.

Содержаніе взято изъ народныхъ разсказовъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляетъ русскую комнату; направо два окна; прямо дверь и направо дверь; по стѣнамъ лавки, на лѣвой сторонѣ деревянный столъ и скамья.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Афимья и Даша.

Афимья.

Чуетъ мое сердце... не добро оно чуетъ!... Да чему и быть хорошему? Ни миру, ни ладу въ семьѣ! Знать, ужъ Богъ

вовсе отступился отъ насъ, гляючи на наше непутное житье. За грѣхъ за какой-нибудь наказанье экое Петру Ильичу, да за наше неумоленіе. И на чужого-то смотрѣть на безпутнаго сердце мретъ, а то, легкое ли дѣло, свое дѣтище!... да еще женатый!... Хорошо, что мать-то Богъ прибралъ, а то каково бы ей на это глядѣть-то!... отцу супротивникъ, жену замучилъ!... Въ кого такой уродился? Теперь дни прощенные, и чужіе мирятся, а у нихъ и вставаючи, и лежаючись брань да переکورъ. Ну, гдѣ онъ теперь шляется? Ждали, ждали обѣдать, а его и слыхомъ не слыхать!... Всю масленицу гуляетъ, скружился какъ угорѣлый. Отецъ-то пришелъ полюбоваться на ваше житье: есть на чтò радоваться! Чѣмъ бы погостить, а онъ домой собрался.

Даша.

Не говори, тетушка, ужъ и такъ тошно.

Афимья.

Да что не говорить-то! Нешто не правда?

Даша.

Чтò же, тетушка, чтò же мнѣ дѣлать-то? Завезъ онъ меня на чужую сторону украдучи.

Афимья.

Плоха жена, отъ которой мужъ гуляетъ.

Даша.

Измучилась я! Все сердце онъ изъ меня вынулъ! Отца не слушаетъ, а я чтò.

Афимья.

А ты жена, не чужая.

Даша.

Хуже чужой я ему теперь.

Афимья.

Ты, видно, Даша, ужъ такая горькая зародилась, да вотъ и къ намъ-то несчастье принесла!... Точно какъ по то стало.

Даша.

Не я къ вамъ несчастье принесла. Пока любилъ меня Петръ Ильичъ, такъ и жилъ хорошо, а разлюбилъ — Богъ его знаетъ, чтò съ нимъ случилось — и сталъ гулять.

Афимья.

Кабы ты жила съ нимъ, какъ женѣ слѣдуетъ жить, другое бы дѣло; а то гдѣ же это видано, ровно ты, прости Господи, какъ полюбовница какая, виснешь ему на шею. Нѣшто женѣ такъ подобаетъ?

Даша.

Чудное это дѣло съ нимъ сдѣлалось! Думаю я, не приду-
маю. (*Плачетъ. Илья Ивановичъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Илья Ивановичъ.

Илья.

Дарья, не плачь, не гнѣви Бога! Снявши голову, по волосамъ не плачутъ.

Даша.

Батюшка, куда ты собрался?

Илья.

Пойду отъ васъ прочь. Я и смотрѣть-то на васъ не хочу, не стоите вы того. Придешь къ вамъ на недѣлю-то, ровно въ омутъ.

Даша.

Ты хоть сына-то подожди да поговори ему.

Илья.

Подожду, поговорю ему въ послѣдній разъ, крѣпко поговорю. Вѣдь, гибнетъ! Съ экой-то жизнью добра нечего ждать! Такіе-то люди близко бѣды ходятъ. Хочетъ—послушаетъ, хочетъ — нѣтъ, а я старый человѣкъ, мнѣ покой нуженъ, пора и свою душу вспомнить. Будетъ, пожилъ въ міру, всего насмотрѣлся, только дурного-то больше видѣлъ, чѣмъ хорошаго. Съ тѣхъ поръ и свѣтъ увидалъ, какъ у братца въ его кельѣ живу. Вотъ немножко прошелъ по Москвѣ, всего-то отъ монастыря до васъ, а сколько мерзости-то видѣлъ! Народъ-то словно въ аду кипитъ: шумъ, гамъ, пѣсни бѣсовскія! Вотъ вчера, говорятъ, двоихъ мертвыхъ на улицѣ подняли, да одинъ въ проруби утонулъ. Христіанская ли это смерть! Куда они угодили? Какое житье въ міру-то нынче! Только соблазнъ одинъ. Сынъ вотъ родной, и тотъ что дѣлаетъ. Нешто я его такъ воспитывалъ-то? (*Входитъ Петръ.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ ЖЕ И ПЕТРЪ.

Илья.

Гдѣ погулялъ, добрый молодецъ?

Петръ.

Въ Москвѣ мѣста много, есть гдѣ погулять, была-бъ охота.

Илья.

Досыта-ль нагулялся?

Петръ.

Погулялъ-таки. Ты, батюшка, куда собрался?

Илья.

Бѣжать хочу, закрывши глаза.

Петръ.

Чтò-жь не погостишь съ нами?

Илья.

Надоѣло мнѣ глядѣть-то на тебя, живешь больно нехорошо.

Петръ.

За чтò, батюшка, гнѣваешься? Чѣмъ мы такъ провинились передъ тобой?

Афимья.

Чѣмъ? Не ты-бъ говорилъ, не мы бы слушали, безпутные твои глаза?

Петръ.

Не твоего разума это дѣло.

Даша.

Батюшка сердается, что ты все гуляешь да со мной дурно живешь.

Петръ.

Ты, чтò-ль, нажаловалась?

Илья.

Чтò жаловаться-то! Развѣ я самъ не вижу, что живешь не по-людски!

Петръ.

Эхъ, ужъ, видно, мнѣ не жить по-людски... на меня, должно быть, напущено.

Илья.

Это что за рѣчи?

Петръ.

Загубилъ я себя съ тобой! Связала ты меня по рукамъ и по ногамъ.

Даша.

Ты мучитель, ты кровопивецъ!

Илья.

Что вы? При мнѣ-то? (*Грозно.*) Молчать! Ты никакъ ума рехнулся! Тебя нешто кто неволилъ ее брать? Самъ взялъ, не спросилъ ни у кого, украдучи взялъ, а теперь она виновата! Вотъ пословица-то сбывается: „Божье-то крѣпко, а вражье-то лѣпко“.

Петръ.

Она меня приворожила чѣмъ-нибудь... зельемъ какимъ ни-на-есть.

Илья.

Не говори, не грѣши! Что тебя привораживать, коли ты и такъ ровно чумовой. Своевольщина-то и все такъ живетъ. Надѣлаютъ дѣла, не спросясь у добрыхъ людей, а спросясь только у воли своей дурацкой. да потомъ и плачутся, ропшутъ на судьбу, грѣхъ къ грѣху прибавляютъ, такъ и путаются въ грѣхахъ-то, какъ въ лѣсу.

Петръ.

Да что-жъ, батюшка, дѣлать-то? Какъ еще жить-то?

Илья.

Живи по закону, какъ люди живутъ.

Петръ.

Ну, а я вотъ загулялъ... Что-жъ такое? Нынче дѣло масленичное. Ужъ и не погулять? Масленая-то одинъ разъ въ году бываетъ. Мнѣ что за дѣло, какъ люди живутъ; я живу, какъ мнѣ хочется.

Илья.

Извѣстно, по своей волѣ легче жить, ничѣмъ по закону; да своя-то воля въ пропасть ведетъ. Доброму одна дорога, а развращенному десять. Узкій и прискорбный путь вводитъ въ животъ, а широкій и пространнѣйшій вводитъ въ пагубу.

Петръ.

Не все гулять, придетъ время, и поправимся, и сами будемъ другихъ учить; учить-то не хитро. Теперъ и погулять-то, когда гуляется. Ты, батюшка, самъ былъ молодъ.

Илья.

Такъ чтò-жъ? Нешто я такъ жилъ? Молодъ, такъ и распутничать! Не для веселья мы на свѣтѣ-то живемъ. Не под старость, а смолоду добрыми-то дѣлами запасаются. Ты оглянись на себя: дома ты не живешь, знаешься съ людьми нехорошими, жену обижаешь. Чтò-жъ у васъ дальше-то будетъ, скажи ты мнѣ?

Петръ.

А чтò будетъ, то будетъ. Проживемъ какъ-нибудь—своимъ умомъ, не чужимъ.

Илья.

Ну, такъ и живи! А я видѣть этого не хочу! И говорить-то мнѣ тяжело. Чтò говорить? кому говорить? Кабы разумъ былъ, а безъ разума и ученье не въ прокъ.

Петръ.

А нѣтъ, такъ и неглѣ взять. На нѣтъ и суда нѣтъ.

Илья.

А нѣтъ, такъ наберись у добрыхъ людей да проси Бога, чтобъ далъ, а то какъ червь погибнешь! (*Встаетъ.*) Прощайте! Коли будете жить хорошо, такъ приду о праздникѣ, а до тѣхъ поръ и не ходите ко мнѣ, мнѣ и такъ суета надоѣла. Помни, Петръ! передъ твоими ногами бездна разверстая. Кто впалъ въ гульбу да въ распутство, отъ того благодать отступаетъ, а враги человѣческіе возрадуются, что ихъ волю творять, и приступаютъ, поучая на зло, на гнѣвъ, на ненависть, на волхвованіе и на всякія козни. И таковымъ одна часть со врагомъ. Выбирай, чтò лучше: либо жить честно, въ любви у отца, съ душой своей въ мирѣ, съ благодатію въ домѣ; либо жить весело, на смѣхъ и покоръ людямъ, на горе роднымъ, на радость врагу человѣковъ. Прощайте! Петръ, наступаютъ дни великіе, страшные, опомнись. Вотъ тебѣ мой приказъ, родительскій приказъ, грозный: опомнись, взгляни на себя. Прощайте.

Афимья.

Ужели такъ уйдешь? Нонче дни прощенные, всѣ люди прощаются.

Даша.

Батюшка, прости насъ. *(Кланяется въ ноги.)*

Илья.

Простите и вы меня.

Даша.

Благослови насъ.

Илья.

Васъ благословить? Стоите ли вы? Нѣтъ, вы подождите моего благословенія до той поры, пока будете жить хорошо. Порадуй меня, Петръ! Лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ жить такъ, какъ ты живешь. Благословенье отца нужно: безъ благословенья пропадешь, какъ пѣсъ. *(Уходитъ. Всѣ провожаютъ его. Афимья уходитъ за нимъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПЕТРЪ и ДАША. *(Петръ садится къ столу и задумывается.)*

Даша.

Слышалъ, что батюшка-то сказалъ?

Петръ.

Отстань!

Даша.

Послушаешь батюшку, будешь любить меня попрежнему?

Петръ.

Дарья, отойди!

Даша.

Да скажи мнѣ, желанный мой, не утай ты отъ меня, чѣмъ тебѣ я надоѣла? Али я не ласкова, что-ли, къ тебѣ, Петръ Ильичъ? Али не услужила чѣмъ? *(Петръ молчитъ.)* Чѣмъ прогнѣвала? Голубчикъ, Петръ Ильичъ, скажи!

Петръ.

Отойдешь ли ты отъ меня, или нѣтъ?

Даша.

Живемъ мы съ тобой всего годочекъ...

Петръ.

Дарья! . . *(Замахивается.)* Не вводи въ грѣхъ!

Даша.

Убей ты меня лучше! Не хочу я жить безъ твоей ласки! Самъ, вѣдь, ты меня приучилъ. Зачѣмъ же ты меня прежде любилъ да нѣжилъ, я бы ужъ не привыкала. Помнишь, мой сердечный, дома-то ты, бывало, на меня не нагладишься, а выйдемъ мы съ тобою въ праздникъ на улицу — и сидимъ цѣлый день обнявшись, за бѣлую руку ты меня держишь, въ глаза мнѣ смотришь. Народъ-то идетъ — на насъ радуется. Скоро-то, скоро все это миновалось! (*Плачетъ.*)

Петръ.

Что миновалось, того не воротишь.

Даша.

Да, не воротишь! Да нельзя-жъ мнѣ и не тужить-то объ немъ, объ этомъ золотомъ времечкѣ. Петя, можетъ, тебѣ скучно? Хочешь, я тебѣ пѣсенку спою, что ты пѣвалъ холостой? (*Молчаніе.*)

Петръ.

Отстань! Отойди ты, и безъ тебя тошно.

Даша.

Да скажи, что тошно-то? Скажи ты мнѣ, что тошно-то? Вѣдь, я тебѣ не чужая.

Петръ.

А то тошно, что ты своими слезами изъ меня всю душу вытянула да еще батюшкѣ нажаловалась. Онъ мнѣ вонъ какихъ страстей насулилъ, поневолѣ голову повѣсишь. Что-жъ ты думаешь, послѣ его брани-то я къ тебѣ ласковѣй, что ли, буду? Какъ же, дожидайся!

Даша.

Ужъ коли такъ, отпусти меня къ батюшкѣ.

Петръ.

Ступай, пожалуй, хоть на всѣ четыре стороны.

Даша.

Ну, такъ прощай.

Петръ.

Прощай, не поминай лихомъ, добромъ нѣчѣмъ.

Даша.

Охъ, горе мое, горюшко!

Петръ.

Горе? Вотъ гдѣ горе! Не зальешь его, не затушишь!... Дайте мнѣ вина! Скорѣй вина! Шевелитесь!... (*Входитъ Афимья.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Афимья.

Афимья.

Что тебѣ?

Петръ.

Вина дайте.

Афимья.

Ты, видно, дитятко, забылъ, что отецъ-то говорилъ?

Петръ.

Кто здѣсь хозяинъ? Что, я дома у себя или въ гости пришелъ? (*Садится.*) Вина! (*Ударяетъ по столу.*) Да ты подай хорошенькаго, нынче масленица.

Афимья.

Принесу пойду, что воюешь-то! (*Отходитъ и останавливается.*) Ты на нее-то посмотри! Видишь, плачетъ, убивается. Заѣлъ ты чужой вѣкъ, заѣлъ!

Петръ.

Эй, Иванъ! (*Иванъ входитъ.*) Запречь мнѣ жеребца вороного, дугу писаную... Проворнѣй!

Даша.

Посиди дома-то хоть немножко.

Петръ.

Нечего мнѣ дома дѣлать, здѣсь угарно.

Афимья.

Какой угаръ? Что ты выдумалъ!

Петръ.

А я говорю, что угарно, такъ и будь по-моему!

Афимья.

Ты скажи только, скажи, варваръ, желаю я знать отъ тебя, за что ты жену-то замучилъ!

Даша.

Тетушка, замолчи.

Афимья.

Возьму да уйду, не стану глядѣть на васъ, чтобы сердце не надрывалось.

Петръ.

Да уйди, тетка, кто тебя держить; авось, ладу больше будетъ.

Афимья.

Ладу, ладу? Врешь ты, разбойникъ! Отъ тебя ладу въ домѣ нѣтъ.

Петръ.

Тетушка, пойдешь ли ты за виномъ, али нѣтъ? А то я самъ схожу; смотри, какъ бы хуже не было.

Афимья.

Мнѣ чужого не жаль. Пей, пожалуй, коли ты еще не сытъ.

Даша.

Я пойду схожу.

Афимья.

Балуй, ухаживай за нимъ, а онъ на тебя и глядѣть не хочетъ. (*Уходятъ*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Петръ (*одинъ*).

Эхъ, шибко голова болить! Скружился я совсѣмъ! (*Задумывается.*) Аль погулять еще? Дома-то тоска. Спуталъ я себя по рукамъ и по ногамъ! Кабы не баба у меня эта, плакса, погулялъ бы я, показалъ бы себя. Чтò во мнѣ удали, такъ на десять человѣкъ хватить! А и то сказать, велика радость сидѣть съ бабами, пересыпать изъ пустого въ порожнее. Ужъ догуляю масленую, была не была!

„Удалая голова,

Не ходи мимо сада,

Не прокладывай слѣда,

Дороженьки не тори,

Худой славы не клади“.

А какъ голова-то болить! ровно треснуть хочетъ. Поѣду-ка я къ своей кралечкѣ, размычу тоску-горе. (*Даша входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Даша и Петръ.

Даша.

Вотъ, Петръ Ильичъ, кушай на здоровье.

Петръ.

Не кажись ты мнѣ! Ишь, ты глаза-то скосила!... Точно яду подаешь! Пить-то изъ твоихъ рукъ не хочу!

Даша.

Пропадай ты совсѣмъ, измучилъ ты меня! (*Ставитъ вино на столъ; Иванъ входитъ.*)

Иванъ.

Лошадь готова.

Петръ (*наливаетъ стаканъ и пьетъ*).Давай. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Даша (*одна*).

Что же это за мука-мученская! Батюшка-то съ матушкой, чай, думаютъ, дочка-то живетъ въ богатствѣ да въ радости, а не знаютъ они того, что я съ утра до ночи слезами обливаюся. Что-жъ дѣлать-то? Наша доля терпѣть—потерплю; можетъ, онъ погуляетъ, погуляетъ, да за умъ возьметъ, опять ко мнѣ придетъ, голубчикъ мой. (*Молчитъ нѣсколько времени.*) Одного только, кажется, не перенесетъ душа моя, коли онъ да промѣняетъ меня на кого-нибудь. А, вѣдь, отъ него, пожалуй, станется. Лучше возьми онъ мое сердце да разорви его на части, размечи по чисту полю, чѣмъ такое злодѣйство сдѣлать надо мною. (*Вася входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Даша и Вася.

Вася.

Съ широкой масленицей!

Даша.

Здравствуй, Вася. Что ты?

Вася.

Маленько загулялъ.

Даша.

Чтой-то, Вася! Съ тобой прежде этого не было.

Вася.

Съ горя, Дарья Агаѳоновна, съ горя, съ большой со кручины.

Даша.

Полно, что у тебя за горе?

Вася (*садится*).

Есть, Дарья Агаѳоновна, есть. Печаль-тоска несносная!...
Погоди, стой, я съ горя пѣсенку запою. Можно?

Даша.

Пой.

Вася (*поетъ*).

„Востоскуйся ты, моя сударушка,
По мнѣ возгорюйся“.

Даша.

Вася, а Вася, что у тебя за горе?...

Вася.

Не скажу, вотъ ни за что не скажу! Хоть сейчасъ рас-
казните, не скажу.

Даша.

Ну, а не скажешь, такъ и не надо.

Вася.

И ни... ни... ни за что на свѣтѣ! (*Поетъ:*)

„...По мнѣ возгорюйся.

Ужъ и самъ-то ли, я самъ,

По тебѣ, сударушка...“

Даша.

Ну, Богъ съ тобой, не говори, я и не спрашиваю.

Вася.

Нельзя, не велѣно... подъ страхомъ не велѣно.... онъ
меня убьетъ.

Даша.

Кто онъ-то?

Вася.

Нѣкоторый человѣкъ. (*Поетъ:*)

„...Самъ я востосковался“.

Даша.

Вася, а Вася, скажи мнѣ, что я у тебя спрошу.

Вася.

Спрашивай.

Даша.

Куда Петръ Ильичъ ѣздитъ? Ты съ нимъ ѣзжалъ вмѣстѣ.

Вася.

Этого нельзя. (*Поетъ:*)

„Нападаютъ на меня,
Меня сиротинушку,
Охъ, да лихи люди“.

Даша.

Вася, ты винца не хочешь ли? Выпей вотъ вишнепочки.

Вася.

Нѣтъ, боюсь!... Тятенька — ухъ!... и... и не живи на свѣтѣ!... Я и то вотъ хмельненокъ немножко... такъ зашелъ къ вамъ, авось пройдетъ... а то боюсь... тятеньку до смерти... и... бѣда!...

Даша.

Да ты уснешь у насъ, вотъ и пройдетъ... Ничего, выпей.

Вася.

Нешто одинъ стаканчикъ.

Даша (*наливаетъ*).

Выпей, Вася, ничего. (*Вася пьетъ.*) Такъ ты не скажешь, куда вы ѣздите-то?

Вася.

Никакъ невозможно этого сдѣлать: не велѣлъ.

Даша (*съ испугомъ*).}

Какъ не велѣлъ? Да отчего же не велѣлъ?

Вася.

Такъ не велѣлъ, да и все тутъ. Убью, говорить, на мѣстѣ! Да не спрашивай, Дарья Агаѳоновна, и ничего говорить не стану.

Даша.

Ну, хорошо... ну, хорошо, я не буду спрашивать. Выпей еще, Вася.

Вася.

Нѣтъ, покорно благодарствуйте, будетъ... и то мутить... а я тятеньки боюсь.

Даша.

Вотъ, тятенька! Чтò такое? Нынче масленица. *(Наливаетъ.)*

Вася.

Вѣдь, этакъ, пожалуй, напьешься! *(Пьетъ.)*

Даша.

Ничего. Какой ты, Вася, хорошій... тебя, чай, дѣвушки любятъ... Ишь, ты какой кудрявый! *(Гладитъ по головѣ.)* А? любятъ дѣвушки? *(Наливаетъ вина.)*

Вася.

Меня дѣвушки очень любятъ. Да только вотъ одна, что самая которая красавица, надо мной надсмѣялася... Конечно, онъ старшой... и по торговлѣ, да зачѣмъ обижать!...

Даша.

За чтò тебя обижать?

Вася.

А онъ обидѣлъ, онъ шутку сшутилъ... Да еще какую шутку! а еще благо... бла... благопріятель называется.

Даша.

Скажи, пожалуй!... Ну, ну...

Вася.

Я все ходилъ къ ней украдкой, потихоньку, потому я боюсь, тятенька узнаетъ... Куда, говорить, ты ходишь?... Да нѣтъ, онъ не велѣлъ сказывать, ты говорить и подумать не смѣй! А то, говорить, ты пожалуй, сдуру-то, женѣ...

Даша.

Васенька, миленькой, а какую я тебѣ невѣсту сосватаю! Выпей, Вася.

Вася.

Не пой ты меня, сдѣлай милость, не пой... а то я пьяный все скажу, а я не должонъ по-пріятельски... и онъ не велѣлъ... Тогда лучше и не живи на свѣтѣ!

Даша.

А какую невѣсту, Вася! Какая красавица-то, писаная!

Вася (*пѣетъ*).

Ну, хорошо, ну, я все скажу... все, за то, что онъ меня обидѣлъ... кровно обидѣлъ... насмѣшку надо мной сдѣлалъ!... Только ты ему не сказывай.

Даша.

Не скажу, не скажу.

Вася.

Вотъ говорить, куда ты ходишь? Я говорю: есть дѣвушка, красавица, живетъ съ матерью, туда, говорю, и хожу... Грушенькой зовутъ. Возьми, говорить, меня съ собой. Взялъ я его. Вотъ мы и ходимъ къ ней много разъ... много разъ... сидимъ это, растобарываемъ, пряничковъ носимъ... все какъ слѣдуетъ. Вотъ я вижу, начинается онъ къ ней поддѣлываться, холостымъ сказался...

Даша (*отодвигается съ ужасомъ*).

Ахъ, батюшки!

Вася.

Ты, говорить, не смѣй сказывать, что я женатый!... А старуха-то его руку тянетъ, потому — богатый. Потомъ какъ-то говорить: ты, говорить, проваливай и не смѣй сюда ходить, а то, говорить, убью! И, говорить, отцу скажу. Чтò-жъ, извѣстно, я тятеньки боюсь! Ты, говорю, пи... пи... піять меня хочешь... Чтò же, піай! Отольются тебѣ мои слезы... Цѣлую недѣлю, Дарья Агаѣоновна, я плакалъ навзрыдъ, а вотъ нынче съ горя выпилъ... не могъ я этого прео... переломить въ себѣ!

Даша.

Охъ, горюшко!

Вася (*плачетъ*).

Я человѣкъ, у меня сердце, душа есть... чай, она чувствуетъ... Я, вѣдь, не каменный! У него жена есть, а я сирота... у меня нѣтъ никого...

Даша (*встаетъ*).

Тетушка, матушка! (*Афимья входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же и Афимья.

Даша.

Тетушка, поскорѣй соберите меня... я ѣду къ своимъ... пѣшкомъ уйду, бѣгомъ убѣгу!...

Афимья.

Да что ты?

Даша.

Злодѣй-то мой, тетушка, совсѣмъ меня бросиль!... Тетушка, у него есть полюбовница!... Вотъ отчего онъ дома-то не живетъ.

Афимья.

Ой! что ты? Ахъ, родная!

Даша.

Не онъ ли мнѣ клялся, всю душу-то проклялъ, божившись, что одну меня любить будетъ, а теперь нашель себѣ здѣсь какую-то... (*Подходитъ къ Васѣ и толкаетъ его.*) Кто она такая, а? (*Вася молчитъ.*) Спать! Поскорѣй, тетушка, поскорѣй... Поѣду въ Рогожскую, найму лошадей. Легче мнѣ не видать его совсѣмъ, чѣмъ вѣкъ съ нимъ горе мыкать. Будетъ, пожили. Прощай, Петръ Ильичъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Изба на постояломъ дворѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Спиридоновна и Яковъ.

Спиридоновна.

Ну, ну, закладывай ступай!

Яковъ.

Что-жъ, Анна Спиридоновна, я тебѣ за овесъ деньги отдалъ сполна, значить, какъ есть.

Спиридоновна.

Ну, отдалъ — и конецъ.

Яковъ.

Да извѣстно... что-жъ такое... дѣло масленичное, можно нашего брата и винцомъ похолить.

Спиридоновна.

Ужъ вы, жида, изъ души вытянете. (*Подноситъ водку.*)

Яковъ (*пьетъ и утирается*).

Покорнѣйше благодаримъ.

Спиридоновна.

А въ Буньковѣ Мишкѣ кривому сдай.

Яковъ.

Оно это точно, что-жъ говорить, Мишка кривой супротивъ другихъ ловчѣй будетъ. Только теперь староста на буньковскихъ ямщиковъ приказъ написалъ: если будете, примѣрно, метать промежъ себя и тащить, которая половина больше, такъ и тащите, а имъ чтобы не галдить, и чтобы супротивъ говорить не смѣли. (*Входитъ Груша.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Груша.

Груша (*подпрыгивая и похлопывая руками*).

Ухъ, какъ перезябла вся, бѣда!

Спиридоновна.

А неволя стоять на морозѣ-то? Точно тебя изъ избы-то гонять.

Груша.

Да ужъ больно весело на улицѣ-то: парни гуляютъ, дѣвки гуляютъ, пѣсни играютъ, не ушелъ бы отъ нихъ, кажется. Я погрѣюсь да опять пойду. Что-то мнѣ сегодня ужъ больно весело, дѣвкѣ.

Спиридоновна.

А то неужто скучать? Объ чемъ это? Живемъ хорошо, ожидаемъ лучше. (*Ямщику.*) Ты что здѣсь толчешься-то? Ступай закладывай.

Яковъ (*почесываясь*).

Да ужъ, больно мнѣ... тово... неохота отъ масленой уѣзжать-то.

Спиридоновна.

Вамъ бы все гулять! Ступай! Ступай! (*Толкаетъ его; ямщикъ уходитъ.*) Поди, вонъ, попотчуй купцовъ винцомъ; сидятъ тамъ, лошадей дожидаются. Пошути тамъ съ ними, побалагурь, наври имъ короба съ три, они, вѣдь, охотники.

Груша.

Да, какъ же, нужно мнѣ къ нимъ итти!... Пристають да цѣловаться лѣзутъ; смерть не люблю! Мнѣ и отъ своихъ парней проходу нѣтъ.

Спиридоновна.

А къ тебѣ нешто пристанетъ? А я такъ люблю купцовъ. Я вотъ десять лѣтъ постоялый дворъ держу, десять лѣтъ какъ въ огнѣ горю, ни одному мужику противъ меня не потрафить, такъ ужъ навидалась я ихъ. Я послѣ покойника-то твоего отца молоденькая осталась; тогда еще мы въ Буньковѣ держали. Бывало, наѣдутъ—пей, гуляй, веселись! Уважаю даже купцовъ за ихъ жизнь. Только держи себя въ струнѣ: языкомъ, молъ, что хошь болтай, рукамъ воли не давай—вотъ мой обычай! Этотъ... какъ его?... Петръ Ильичъ, что ли? Что онъ больно часто повадился?

Груша.

Ничего, ходитъ такъ себѣ, для времяпровожденія. Не гонять же его.

Спиридоновна.

Зачѣмъ гонять, можетъ и пригодится. Ты его, Груша, блюди, приголубливай, только не больно поваживай. Женись, молъ, вотъ и все тутъ, и хлопотать не объ чемъ, а на бобахъ-то, молъ, насъ не проведешь. А до той поры пуцай ходитъ да гостинцевъ носить. Что имъ въ зубы-то смотрѣть!

Груша.

Ишь ты, мать! Какъ же, охота мнѣ замужъ! По тѣхъ поръ и погулять, пока въ дѣвкахъ. Еще замужемъ-то наживуся, Гуляй, дѣвка, гуляй я!

Спиридоновна.

Не вѣкъ же тебѣ въ дѣвкахъ-то сидѣть, а вышла за человека хорошаго да за богатаго, и ходи, какъ пава... Фу ты, ну ты!... То-ль не житье! Пей, ѣшь на поданномъ, ложись на постланномъ, только врозь ползи. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Груша (*одна*).

Замужемъ-то жить трудно! Угождай мужу, да еще какой навернется... Всѣ они холостые-то хороши!... Еще станеть

помыкать тобой. А дѣвкамъ намъ житье веселое, каждый день праздникъ, гуляй себѣ — не хочу! Хочешь — работай, хочешь — пѣсни пой!... А приглянулся-то кто, развѣ за нами усмотришь: хитрѣй дѣвокъ народу нѣтъ. (*Поетъ тѣсню; Спиридоновна и Петръ входятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Груша, Спиридоновна и Петръ.

Спиридоновна.

Вотъ я къ тебѣ гостя привела. Садись, Петръ Ильичъ. Скидай шубу-то.

Петръ.

Не надо. Я на минуту къ вамъ, проѣздомъ заѣхалъ.

Груша.

Отчего-жъ на минуту? Посиди.

Петръ.

Не хорошо днемъ-то: у васъ мало ли народу толчется — увидятъ.

Груша.

А тебѣ кого бояться-то?

Петръ.

Нѣтъ, я уже пріѣду, вечеромъ, въ тѣ поры погуляемъ.

Спиридоновна.

Сиди, сиди, небось, никто сюда не войдетъ. А уже пріѣзжай, милости просимъ. Выпей-ка винца.

Петръ.

Не хочу.

Спиридоновна.

Полно ломаться-то. Выпей.

Петръ.

Ну, давай. (*Пьетъ.*) Спасибо.

Спиридоновна.

Вотъ такъ-то... на здоровье! Смоталась совсѣмъ, и день, и ночь пьяна, дымъ коромысломъ; такая ужъ эта недѣля, право. (*Уходитъ; Груша затворяетъ за ней дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Груша и Петръ.

Груша.

Что ты такой сердитый? На меня, что-ль, сердить?

Петръ.

Я нынче не въ себѣ; скучно, дѣла такія есть.

Груша.

А ты не скучай! Что за скука!... Такъ-то, голубчикъ мой бѣленькой. (*Поетъ:*)

„Какъ у молодца, у удалаго,
Печаль-тоска не бывала;
Что сегодняшнюю-то темну ночь
Печаль тоска обуяла“.

Петръ.

Ужъ очень я тебя люблю! Надоть такъ думать, ты меня приворожила чѣмъ ни-на есть!

Груша.

Что ты! Господь съ тобой!

Петръ.

Возьми ты вострый ножъ, зарѣжь меня, легче мнѣ будетъ.

Груша.

Да что съ тобой сдѣлалось?

Петръ.

Несчастный я человѣкъ! Ничего я не пойму, ничего не соображу. Голова моя вся кругомъ пошла! Ровно туману кто напустилъ на меня!

Груша.

Да отчего же такъ? Скажи.

Петръ.

Говори ты мнѣ прямо, такъ, чтобъ я ужъ зналъ: любишь ли ты меня?

Груша.

А то скажешь—нѣтъ? Извѣстно, люблю.

Петръ.

Ой ли? Вѣрно твое слово?

Груша (*обнимая его крѣпко*).
Вотъ какъ люблю!... вотъ!

Петръ.

Груша, такъ ты меня такъ любишь? Ну, пропадай все на свѣтъ! Скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня! Загублю, глазомъ не сморгну.

Груша.

Что ты, что ты?! Не хорошо! Нешто такія слова говорятъ? Въ какой часъ скажется. Вотъ у насъ кузнецъ Еремка все этакъ душой-то своей клялся, въ треисподнюю себя проклиналъ... Ну, что-жъ, сударь ты мой... такая-то страсть... и завелъ его на сѣноваль подъ крышу. Насилу стащили, всего скорчило. Ужъ такой-то этотъ Еремка распостылый! Какихъ бѣдъ съ нимъ не было! Два раза изъ проруби вытаскивали, а ему все какъ съ гуся вода.

Петръ.

Что мнѣ себя жалѣть-то? Ужъ и такъ пропащая моя голова, заодно пропадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебѣ нужно: золота, серебра, каменье въ самоцвѣтныхъ—себя заложу, а тебѣ подарю.

Груша.

Ничего мнѣ, голубчикъ мы мой бѣленькой, не надо, всего у меня довольно. А ты вотъ что, парень, люби ты меня, какъ я тебя люблю.

Петръ.

Эхъ, дѣвка! Что балясы-то точишь! Видишь, я въ какомъ разѣ! Проси, чего хочешь. Дорогого проси!

Груша.

Чего у тебя просить-то! А вотъ что: ходи почаще, носи пряничковъ послаще да еще ленту поалѣе, да гляди на меня помилѣе, да цѣлуй покрѣпче... ха, ха, ха!... Да вотъ еще я у тебя давно хотѣла попросить: купи ты мнѣ перстенечекъ.

Петръ.

Ужо два привезу.

Груша (*поетъ*).

„Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь!
Золото твое колечко
Прижму ко сердечку“.

У насъ, у всѣхъ дѣвушекъ есть... ну, понимаешь... пріятели. Посмотри въ праздникъ, сколь хорошо: на улицѣ сидятъ всѣ вмѣстѣ; а ты вотъ со мной никогда не погуляешь! По крайности я перстенецъ покажу, что есть у меня такой парень, который меня вѣрно любитъ. Ты пріѣзжай уже пораньше, заложимъ тройку, насажаемъ дѣвокъ, поѣдемъ кататься съ пѣснями.

Петръ.

Давай руку. (*Беретъ руку.*) Значить, конечно! (*Ударяетъ ее по рукѣ. Груша киваетъ головой.*) Такъ на кой намъ шутъ дѣвокъ! Мы двое поѣдемъ.

Груша.

Что-жъ не поѣхать!

Петръ.

Поѣдешь?

Груша.

Извѣстно, поѣду.

Петръ (*цѣлуетъ Грушу*).

Вотъ это люблю! Это по-нашему. Поди, посмотри, нѣтъ ли кого въ избѣ, либо на дворѣ.

Груша.

Что такъ скоро? Посиди.

Петръ.

Теперь некогда. Еще вечеръ-то нашъ.

Груша.

Ну, нельзя, такъ не надо. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Петръ (*одинъ*).

Ухъ! Загуляю! Эку паву поддѣлъ! Насъ ли дѣвушки не любятъ? (*Груша входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Петръ и Груша.

Груша.

Ступай, никого тамъ нѣтъ, только какая-то старушка пріѣхала, не здѣшняя.

Петръ.

Ну, прощай!

Груша.

Прощай, соколикъ. (*Петръ уходитъ.*) Какія мы дѣвки баловницы! Вотъ приласкай парня, онъ и не отстанетъ и будетъ подлѣ тебя убиваться. Только чтой-то онъ иной разъ такой хорошій, веселый, а иной разъ чудной такой? Чтò-нибудь у него на душѣ есть. Можетъ, онъ чтò недоброе затѣваетъ... такъ мы съ матушкой и двери покажемъ, у насъ не долго! А все будетъ жаль. Вотъ шуткой, шуткой, а вѣдь, какъ полюбила, ажно сердце ноетъ, такъ вотъ и бьется, ровно голубь. (*Входитъ Степанида.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Груша и Степанида.

Степанида.

А чтò, дѣвонька, погрѣться бы у васъ тутъ у печки можно?

Груша.

Погрѣйся, тетенька.

Степанида.

Я вотъ одежонку-то тутъ положу, да мѣшечки-то вотъ... Изломало всю... да прозябла немножко; не близко, вѣдь, ѣхать-то, третьи сутки въ дорогѣ. А дорога-то, милая, извѣстно, масленица, не первый путь. Охъ, охъ, охъ! Въ Москву со старикомъ, дѣвушка, пріѣхали, дочку навѣстить, да не знаемъ, гдѣ найтить-то. Пообогрѣмся, ночку переночуемъ, а завтра пойдемъ поищемъ.

Груша.

Какъ же это ты, тетенька, не знаешь, гдѣ дочь найти?..

Степанида.

Въ Москвѣ-то всего впервой, толку-то не скоро найдешь; опять же время къ вечеру.

Груша.

Чтò-жъ, она у васъ здѣсь замужемъ?

Степанида (*усаживается у печки*).

А вотъ, дѣвонька, видишь ты, какое дѣло-то вышло. Городъ-то нашъ на проѣзжей дорогѣ; мѣщане мы. Живемъ-то

хоть бѣдненько, а домишко-то у насъ хоть куда. Вотъ и останавливаются у насъ купцы, и баре, случается. Семья-то у насъ небольшая была: я съ мужемъ, да дочка Дашенька; хозяинъ-то у меня ужъ старенець. Останавливался у насъ проѣздомъ купецъ молодой, началъ онъ Дашу-то уговаривать да улещать. Намъ и невдомекъ такое дѣло. А въ прошломъ году, около святокъ, и сманилъ ее у насъ.

Груша.

Ишь ты, а!

Степанида.

Сманилъ, сманилъ. Горя-то, горя-то что было! Ну, да ужъ нечего дѣлать, не воротишь. Только получаемъ мы отъ нея письмо изъ Москвы. Вотъ оно и теперича со мною... Все такъ съ собой и ношу. Пишетъ, просить прощенія и благословенія отъ насъ нерушимаго, и что какъ пріѣхали они въ Москву, онъ на ней женился, и у него семья и торговля, все какъ слѣдуетъ, и что живетъ она благополучно и съ мужемъ въ любви.

Груша.

Видишь ты, счастье какое! За купца за богатаго!.. Поди-тка!.. Знать изъ себя хороша?

Степанида.

Ужъ куда хороша!... Не знаю, теперь какъ; можетъ, горе-то ее повысушило, а допрежь-то этого была такая красавица, полная да бѣлая... Вотъ хоть съ себя примѣръ возьми.

Груша.

Ну, что я за красавица, помеломъ нарисованная.

Степанида.

Нѣтъ, что-жъ, ты хорошая дѣвушка, видная, и тебя, гляди, хорошій женихъ возьметъ.

Груша.

Да, вѣдь, это, тетенька, какое счастье выдетъ; не родись пригожъ, а родись счастливъ.

Степанида.

Не завидуй, дѣвушка, чужому счастью. Вотъ мы было и порадовались, что такъ далъ ей Богъ. Должно быть, честный человѣкъ, хорошій, на ея долю вышелъ. Да какъ и не по-

радоваться? Своя кровь, своя болѣзнь. Только, послѣ этого письма, она намъ ничего и не писала, и слуху о ней не имѣли — жива она, или нѣтъ. Сбирались ѣхать, да не на кого дома оставить; а вотъ недавнушко слышали мы отъ проѣзжихъ людей, что мужъ-то съ ней сталъ дурно жить, загуливать, хмелемъ зашибаться. Нечего дѣлать, собрались со старикомъ да и поѣхали. Ну, тамъ, конечно, родня богатая, еще какъ примутъ; бываетъ, мать-то и выгоняютъ. Скука-то меня больно обуяла безъ дочушки-то!... Всѣ глазыньки выплакала, отъ питья, отъ ѣды отбило... Сама, милая, посуди.

Груша.

Извѣстное дѣло. (*Агаѳонъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Агаѳонъ.

Степанида.

Что это ты, старина, замѣшкался?

Агаѳонъ (*распоясываясь*).

Я все съ лошадкой: отпрягъ, поставилъ на мѣсто, сѣнца далъ. Животинку-то жалѣть надо; вѣдь, она не скажетъ. Ну, вотъ, старуха, Богъ далъ, и пріѣхали, а ты все торопилась. Зачѣмъ торопиться-то? Тише ѣдешь, дальше будешь.

Степанида.

Да мнѣ больно доченьку-то увидеть хотѣлось.

Агаѳонъ.

Вотъ и увидишь, коли Богъ дастъ. Все своимъ чередомъ, торопиться никогда не надо.

Степанида.

Ужъ я не чаяла и дожить-то. Ноги-то старыя, а то бы такъ и побѣжала.

Агаѳонъ.

Что бѣжать-то? Ну, что бѣжать-то? Зачѣмъ? Баба дура, зачѣмъ? А мы смирененько придемъ, скромненько... всему свое время, свой предѣлъ. Достань-ка мнѣ лепешечку изъ мѣшка, пожуюмъ пока.

Степанида (*достаетъ*).

На тебѣ помягче, а то не угрызешь.

Агаѳонъ.

Ну, хорошо, ладно. Вотъ это мнѣ по зубамъ. (*Бдятъ молча.*)

Степанида.

Что-то наша Даша дѣлаетъ теперь, поглядѣла-бъ хоть однимъ глазкомъ.

Агаѳонъ.

Что? Извѣстно что — свое дѣло дѣлаетъ; хозяйство есть, чай, хлопочетъ; люди богатые, не то, что мы.

Степанида.

А, вѣдь, какъ, чай, трудно ей, бѣдной, въ чужой-то семьѣ!

Агаѳонъ.

Не въ чужой, а въ своей.

Степанида.

Да говорятъ, что мужъ то ее не любить.

Агаѳонъ.

Мало что говорятъ: не всякому слуху вѣрь.

Степанида.

А ужъ какъ она, бѣдная, намъ рада-то будетъ!

Агаѳонъ.

Извѣстно, рада будетъ. А все, старуха, чай, маленько зазорно будетъ на стариковъ-то своихъ смотрѣть. Какъ ты думаешь, а?

Степанида.

Что-жъ зазорно? Богъ ей судья, мы сами не безгрѣшные.

Агаѳонъ.

Извѣстно, не безгрѣшные... А все какъ-то тово... дѣтищу-то противъ родителей... какъ будто не годится.

Степанида.

Что-жъ, Агаѳонъ Потапычъ, ты, вѣдь, въ тѣ поры самъ первый ее простилъ.

Агаѳонъ.

Что-жъ не простить! Я лкбовь къ ней имѣю, потому одна, а кого любишь, того и простишь... Я и врагу прощу, я

никого не сужу. Да развѣ я одинъ судья-то? а Богъ-то? Богъ-то простить ли? Можетъ, оттого и съ мужемъ-то дурно живетъ, что родителей огорчила. Вѣдь, какъ знать? (*Спиридоновна и Даша входятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, Спиридоновна и Даша.

Спиридоновна.

Сейчасъ, матушка, сейчасъ! Подожди немного, красавица. Лошадокъ заложать тебѣ хорошихъ, мигомъ довезутъ. Посиди вотъ тутъ, подожди.

Даша (*садится къ столу*).

Хорошо, я подожду.

Спиридоновна.

Что ты, никакъ плачешь? По родителямъ, что ли? Аль горе какое есть?

Даша.

Нѣтъ, такъ, ничего.

Спиридоновна.

Что тосковать-то, нынче масленица. Гляди-ка, народъ-то скружился совсѣмъ. Масленица, вѣдь, одинъ разъ въ году бываетъ, не уважать-то ее нельзя. А ужъ, правду матку тебѣ сказать, бѣда, какъ голова болить.

Агаѳонъ.

Кому масленица, кому и великій постъ. Охъ, охъ, охъ...

Спиридоновна.

Вѣстимо, что такъ. (*Къ Грушѣ.*) Сунь-ка, Груша, въ печку давишніе блины-то, годятся къ ужоткому, къ ужину.

Груша.

Сейчасъ, матушка. (*Беретъ ухватъ.*)

Спиридоновна.

Подальше подвинь, подальше. Ну, да вотъ эти-то... да вотъ горшечекъ-то. (*Груша сажаетъ и опирается на ухватъ.*)

Даша (*говоритъ нараспѣвъ, сквозь слезы*).

„Полечу я пташечкой кукушечкою,

Полечу на матушкину на сторонushку“.

Степанида.

Что́ это бабочка-то больно тоскуетъ?

Агаѳонъ.

Знать не легко, коли тоскуетъ.

Даша *(продолжаетъ)*.

„Сяду я во садикъ да на яблоньку,
Запою младешенька жалкимъ голосомъ“.

Степанида.

Не наша ли горькая съ чужой стороны?

Агаѳонъ.

Что́ ты, что́ ты, старуха!

Степанида.

Семъ-ка я погляжу пойду. *(Подходитъ къ Дашѣ.)*

Даша *(встаетъ)*.

Матушка, ты ли это?

Степанида.

Дочушка!... Доченька! *(Даша кидается къ ней на шею.)*
Дитятко ты мое родимое, солнышко мое красное, заря ты
моя восходя, сокровище ты мое ненаглядное!... *(Садится.)*
Потапычъ, поди-ка, свѣтъ, сюда.

Агаѳонъ *(подходитъ)*.

Что́ тамъ у васъ?

Даша *(встаетъ)*.

Батюшка! прости ты непокорную! *(Кланяется.)*

Агаѳонъ.

Ну, что́ ты, что́ ты?... Ну, Богъ съ тобой, Богъ съ то-
бой!... *(Садится.)*

Степанида.

Ужъ и гдѣ же я тебя встрѣтила!... Не ждала-то я, не чаяла...

Даша.

Ахъ, тятенька, въ глаза тебѣ глядѣть мнѣ совѣстно.

Агаѳонъ.

Ну, что́ про старое толковать!... Богъ съ тобой! Кто
старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Куда ты это, дочка, со-
бралась-то—скажи ты мнѣ?

Даша.

Къ вамъ, тятенька, собралась!

Агаѳонъ.

Ну, это хорошо, доброе дѣло, что вспомнила. Чтѣ-жъ, тебя мужъ-то отпустилъ?

Даша.

Нѣтъ, тятенька.

Агаѳонъ.

Какъ же это нѣтъ? Какъ же нѣтъ?

Даша.

Да чтѣ, тятенька, передъ вами мнѣ утаивать не слѣдъ: жили мы сперва съ Петромъ Ильичемъ очень хорошо, любилъ онъ меня. (*Груша вслушивается.*) Потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ загуливать, пить, дома не бываетъ, со мной только что ссорится...

Агаѳонъ.

Ну, чтѣ-жъ, ну, чтѣ-жъ?

Даша.

Каждый день брань да ссора. Ну, ужъ такъ и быть, перенесла бы я это горе: сама виновата, безъ воли родительской пошла за него. А то, матушка ты моя, родная ты моя, промѣнялъ онъ меня на какую-то... (*Ложится на шею къ Степанидѣ.*) Легко ли это моему сердцу!

Степанида.

Чтѣ ты? дитяtko мое, чтѣ ты?

Даша.

Нынче, нынче мнѣ Вася сказывалъ, къ намъ ходить. (*Махнулъ рукой.*) Пріятель его!... (*Со слезами.*) Мой-то холостымъ, видишь ты, прикинулся!... (*Опять ложится на плечо.*)

Груша (*бросая ухватъ*).

Ахъ, матушка! ахъ, ахъ!...

Даша.

Разлучили меня съ другомъ милымъ, съ сердечнымъ моимъ...

Груша.

Охъ!... Сердце мое!

Даша.

Разлучила меня съ нимъ злая разлучница!

Груша.

Матушка! Да, вѣдь, это я, разлучница-то!

Спиридоновна.

Что ты плачешь-то? На нихъ, что ли, глядя!

Агаѳонъ.

Ну, такъ что-жъ ты? Ну, что-жъ ты?

Даша.

Къ вамъ, батюшка, собралась ѣхать, опять жить съ вами, съ моими родными.

Агаѳонъ.

Какъ къ намъ? Зачѣмъ къ намъ? Нѣтъ, поѣдемъ, я тебя къ мужу свезу.

Даша.

Нѣтъ, батюшка, не поѣду я къ нему.

Агаѳонъ.

Да ты пойми, глупая, пойми—какъ я тебя возьму къ себѣ? Вѣдь, онъ мужъ твой? *(Встаетъ.)* Поѣдмте. Что болтать-то пустяки, чего быть не можетъ! Собирай старуха, одежонку, собирай... Какъ ты отъ мужа бѣжишь, глупая!... Ты думаешь, мнѣ тебя не жаль? Ну, вотъ всѣ вмѣстѣ и поплачемъ о твоёмъ горѣ—вотъ и вся наша помощь! Что я могу сдѣлать? Поплакать съ тобой—я поплачу. Вѣдь, я отецъ твой, дитятко мое, милое мое! *(Плачетъ и цѣлуетъ ее, потомъ беретъ свою одежду и подходитъ къ ней.)* Ты одно пойми, дочка моя милая: Богъ соединилъ, человѣкъ не разлучаетъ. Отцы наши такъ жили—не жаловались, не роптали. Ужели мы умнѣе ихъ? Поѣдемъ къ мужу. *(Беретъ ее за руку и уходитъ; Степанида за ними.)*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Груша и Спиридоновна.

Груша *(плача)*.

Матушка, да, вѣдь, онъ женатый!

Спиридоновна.

Кто онъ-то?

Груша (*сидясь къ столу и закрывая
лицо руками*).

Петръ Ильичъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

С ц е н а 1.

Комната второго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Груша (*сидитъ у стола*), Спиридоновна (*входитъ*).

Спиридоновна.

Что ты сидишь-то тутъ, безстыдница! Тамъ сосѣдки пришли, а ты и глазъ не кажешь.

Груша.

Не пойду я къ нимъ.

Спиридоновна.

Вотъ еще что выдумала! На что это похоже? Сама звала, а теперь прячешься.

Груша.

Да, хорошо имъ!... Имъ весело.

Спиридоновна.

А у тебя, поди-ка, какое горе!... Плюнуть, да и все тутъ. Вотъ погоди, приди онъ только, мы его такъ турнемъ, что онъ своихъ не узнаетъ... чтобы онъ мелкимъ бѣсомъ не разыгрался, да дѣвокъ не сманивалъ.

Груша.

Что онъ не идетъ-то! Ужъ мнѣ бы поскорѣй сердце сорвать! Такъ бы изругала, такъ бы изругала! Ужъ подвернись онъ только теперь мнѣ!.. Погоди-жь ты, постылый ты человѣкъ!

Спиридоновна.

Да, нужно очень связываться-то!... Велика невидаль! Мой обычай: поворотъ отъ воротъ да изъ головы вонъ! Неужели-жь

еще думать!... Поставь-ка орѣшковъ на столъ, да позови дѣвокъ-то сюда. Полно дурачиться-то, что за слезы!...

Груша (*встаетъ и ставитъ на столъ закуски*).

Вотъ только съ сердцемъ не сообразишь, а то не стоитъ онъ того, чтобы объ немъ плакать-то. Пойду пѣсню запою, со зла, во все горло, что только духу есть! (*Уходитъ; слышится заунывная пѣсня.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Спиридоновна, потомъ Груша и дѣвушки.

Спиридоновна.

Молодецъ у меня Груша! Вся въ меня, вотъ какъ я была смолоду... Еще погулять хочется, молода очень. Ну, что-жъ, пускай погуляетъ, себя потѣшитъ. За этой дѣвкой матери нечего смотрѣть, мать спи спокойно: ее не скоро оплетишь. Золото, а не дѣвка! (*Слышится хоровая пѣсня.*) Ну, загуляли мои дѣвушки!.. Эхъ, не прежніе мои года! подурачилась бы съ ними. (*Входятъ Груша и дѣвушки.*) Ну, что-жъ замолчали? Попойте, повеселитесь, а я пойду велю вамъ двои сани запрячь; кататься поѣдете.

Нѣкоторыя дѣвушки.

Благодаримъ покорно, Анна Спиридоновна! Вотъ весело! (*Спиридоновна уходитъ.*)

Груша.

Дѣвушки! Я нынче гулять хочу! Всю ночь проѣздимъ, пѣсни прокричимъ.

Одна дѣвушка.

Что такъ?

Груша.

Хочу себя потѣшить, своему сердцу волю дать. О! да что тутъ разговаривать! Давайте винца выпьемъ, пока матушка не пришла. (*Достаетъ изъ поставца вино.*)

Нѣкоторыя дѣвушки.

Что ты, что ты!

Груша.

Я впередъ дорогу покажу. Ну-ка, впервой съ роду... (*Пьетъ.*) Ой, какъ горько! Какъ это люди-то пьютъ! Дайте

пряничка. Такъ ужъ съ горя выпила, обидѣлъ меня одинъ человекъ. Пейте, дѣвушки, не ломайтесь, только поскорѣй! (*Подноситъ вино; нѣкоторые пьютъ; всѣ хохочутъ; входитъ Еремка съ балалайкой.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ ЖЕ И ЕРЕМКА.

Еремка.

Нашъ атласъ нейдетъ отъ насъ. Всѣ ли вы здѣсь?

Дѣвушки.

Ахъ, ахъ! Еремка пришелъ! Еремка пришелъ!

Груша.

Ты зачѣмъ сюда? Непрошенный гость хуже татарина.

Еремка.

Да ты что? Какіе нынче дни-то! Ты вспомни! А еще хозяйка! Ты меня сперва-на-перво винцомъ попотчуй, а потомъ я съ вами прощаться стану. (*Утираетъ губы.*)

Дѣвушки.

Ишь, ты что выдумалъ! Какъ же, дожидайся!

Груша (*поднося вина*).

На, выпей, да и убирайся, откуда пришелъ.

Еремка (*пьетъ*).

Нѣтъ ужъ, онъ, видно, не уйдетъ; мнѣ и здѣсь хорошо.

Груша.

Ну, какъ хочешь, мы тебя къ себѣ не пустимъ.

Еремка.

Не пустите? Я, вѣдь, колдунъ: я съ вами шутку сшучу, всѣхъ назадъ затылкомъ оборочу. (*Дѣвушки смѣются.*)

Груша.

Садитесь, дѣвушки. (*Дѣвушки садятся вокругъ стола.*) Тебѣ и мѣста нѣтъ.

Еремка.

Я и на полъ сяду, коли мѣста нѣтъ, не великъ [баринъ. (*Садится и запѣваетъ:*)

„Я на камушкѣ сижу,
Я топоръ въ рукахъ держу.
Ай люли, ай люли!
Я топоръ въ рукахъ держу...“

Груша.

Что его слушать-то, дѣвушки, запѣвайте пѣсню.

Дѣвушки (*поютъ*).

„Исходила младенька всѣ луга и болота,
Всѣ луга и болота, всѣ сѣнные покосы.
Пристигала младеньку меня темная ночь“.

(*Входитъ Петръ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ПЕТРЪ.

Петръ (*у двери*).

Вотъ я къ веселью-то какъ разъ. Миръ вамъ и я къ вамъ.

Груша.

Милости просимъ! А мы только хотѣли кошку въ лапти
обувать да за вами посылать.

Петръ.

Здравствуй, Груша! Здравствуй, моя лапушка! Здравствуйте,
дѣвушки!

Груша.

Здравствуйте и благодарствуйте!

Петръ.

Ну, дѣвушки, гуляйте, я вамъ гостинцу принесъ.

Груша.

Благодаримъ покорно, у насъ свой есть, намъ чужого не
надобно.

Еремка.

Давай мнѣ, коли имъ не надобно. (*Дѣвушки смѣются.*)

Петръ.

Что ты, Грушенька! Аль на тебя нашло что?

Груша.

Я пьяна! (*Хохочетъ.*)

Петръ.

Что ты, что ты! Подойди-ка ко мнѣ, поцѣлуемся.

Груша.

Какъ же, дожидайся!

Еремка.

Купецъ! ты легонько, сироту не задави. (*Всѣ смѣются.*)

Груша.

Послушайте, дѣвушки-красавицы, я вамъ притчу скажу. Была нѣкоторая дѣвка. Ну, вотъ, хорошо. Только дѣвка-то дура. Ходилъ парень къ этой дѣвкѣ, разные рѣчи говорилъ, только все обманывалъ: я, говоритъ, холостой, богатый, такой-сякой, немазанный. Я тебя люблю, за себя замужъ возьму... А выходить на дѣлѣ-то—онъ женатый.

Петръ (*строго*).

Что ты, шутишь, или смѣешься?

Груша.

Эхъ, совѣсть, совѣсть!

Петръ.

Аль насаказалъ тебѣ кто? Говори прямо.

Груша.

Кто бы ни сказалъ, да сказалъ.

Петръ.

Это тебя смущаютъ только, обманываютъ, а ты и рада вѣрить всякому.

Груша (*смѣется*).

Ну, хорошо! Обманули, такъ обманули. Будь ты честный человѣкъ, только отъ насъ подальше. Еремка, давай сироту споемъ.

Еремка.

Давай, запѣвай.

Груша (*поетъ*).

„Сирота-ль ты моя, сиротинушка,
Ты запой, сирота, съ горя пѣсенку“.

Еремка.

„Хорошо пѣсни пѣть пообѣдавши:
Ужъ и я-ль, сирота, да не завтракалъ,
Я не завтракалъ да вечеръ не ужиналъ“.

Груша.

„Разскажи, сирота, хоть намъ сказочку“.

Еремка.

„Хорошо говорить, вина выпивши,
Вина выпивши, вдоволь выпавшись:
Ужъ и я-ль, сирота, я не выпивши,
У меня, сироты, нѣту хлѣбушка,
Нѣту хлѣбушка, соли, нѣту кислыхъ щей“.

Купецъ, давай денегъ на капусту.

Петръ.

Пошелъ прочь! (*Садится у печи.*) Только-бъ мнѣ добратся, кто это тебѣ насаказалъ, ужъ не увернулся бы у меня, задалъ бы я ему память. Васька, что ли? Убью я его!

Груша.

Васю мы и въ глаза не видали. Что на людей-то сваливать, коли самъ виновать.

Петръ (*встаетъ*).

Нѣтъ, это, Груша, не то. Не вѣрь ты никому!... Все вороги мои, разлучить насъ съ тобой хотятъ, погубить меня хотятъ! Развяжи ты меня, скажи: шутишь, что ли?

Груша.

Не кажись ты мнѣ на глаза! Была глупа, теперь не обманешь! Только нашу бесѣду разстроилъ! Хоть бы Вася пришелъ, потѣшилъ бы насъ. (*Къ двѣшкамъ.*) Вотъ, дѣвушки, люблю парня: не надсмѣшникъ, не обманщикъ, милый человекъ, можно ему чести приписать; не то, что какъ есть люди, которые могутъ завсегда лгать, говорить одно, а на умѣ другое. (*Вася входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Вася.

Петръ.

Ты зачѣмъ?

Груша (*встаетъ и беретъ Васю за руку*).

А ты изъ чужого дома не гони, не спросясь хозяина. Поди сюда, Вася, не бойсь.

Вася.

Зачѣмъ? Тебѣ что за дѣло? Взялъ да и пришелъ. Что-жъ такое? Нынче масленица, ужъ и не погулять мнѣ. Ишь ты какой ловкой!

Груша.

Что-жъ ты, Вася, не цѣлуешься со мной! Цѣлуйся со всѣми: нынче дни прощенные.

Вася.

Ой, что вы! (*Цѣлуется со всѣми.*) Да, вѣдь, вотъ онъ тятенькѣ пожалуется. Что-жъ хорошаго.

Петръ.

Что-жъ вы со мной дѣлаете, окаянные! Али вамъ погубили моей хочется?

Груша.

Вѣдь, ты холостой?

Вася.

Извѣстно, холостой.

Петръ.

Прощай, Груша! Коли со мной что недоброе сдѣлается, на твоей душѣ грѣхъ будетъ. Я голова отпѣтая, ты меня знаешь. (*Подходитъ къ двери.*)

Груша.

Ты, Вася, женишься на мнѣ?

Вася.

Я бы радъ радостью, да какъ тятенька позволить.

Груша.

А ты попроси.

Вася.

Ужъ вотъ какъ буду просить! Въ ногахъ кланяться.

Петръ (*у двери*).

Ну, Васька, помни ты это! Ты лучше мнѣ и на глаза не попадайся! Я тебѣ напередъ говорю. Я теперь въ себѣ не властенъ.

Вася.

Да что ты присталъ-то? Я, братъ, ничего, право слово, ничего.

Петръ.

Ужъ я знаю что.

Груша.

Не знаешь ты ничего!

Спиридоновна (*въ дверяхъ*).

Ступайте, дѣвушки, кататься, лошади готовы.

Груша.

Пойдемте, дѣвушки; пойдемъ, Вася.

Петръ (*беретъ ее за руку*).

Груша, поѣдемъ со мной.

Груша.

Какъ не ѣхать!

Петръ.

Поѣдемъ, говорю я тебѣ.

Груша.

Что, ты разбойничать, что ли?

Петръ.

Не пуцу я тебя!

Груша.

И радъ бы не пустить, да пустишь. Воевать-то много не дадимъ. (*Тихо.*) Ты думаешь, мнѣ Вася сказалъ? Жена твоя была здѣсь. Понялъ ты теперь? Вотъ тебѣ и сказъ!

Петръ (*хватаетъ себя за голову*).

Жена!

Груша.

Запѣвайте, дѣвушки, пѣсню. (*Обращаясь къ Петру.*)
Ходите почаще—безъ васъ веселѣй! (*Обнимаетъ Васю.*)
Запѣвайте, дѣвушки, пѣсню, величайте насъ, будто жениха съ невестой.

Еремка.

Возьмите меня съ собой.

Груша.

Пожалуй, и не надо.

Еремка.

Ну, я не заплачу. (*Дѣвушки запѣваютъ пѣсню и уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ПЕТРЪ и ЕРЕМКА.

Петръ (*подходитъ къ окну; за сценой слышится продолженіе пѣсни, смѣхъ и звонъ бубенчиковъ*).

Уѣхали! (*Садится и задумывается.*)

Еремка.

Купецъ, а купецъ! видно, мы съ тобой здѣсь съ тараками остались.

Петръ (*тихо*).

Жена была здѣсь?! Зачѣмъ же она была? Ее привелъ кто-нибудь... Кто-нибудь да привелъ. (*Вскрикиваетъ.*) Чтò-жъ это со мной сдѣлали! (*Закрываетъ лицо руками и опускается на столъ.*)

Еремка.

Купецъ! Чтò-жъ ты приунылъ? Хочешь, потѣшу?

Петръ.

Искать меня! Слѣдить! Погоди-жъ ты теперь. А ужъ коли такъ, пропадай все на свѣтѣ! Покажу-жъ я себя!... Ужъ я теперь надѣлаю дѣлъ!...

Еремка.

Такъ ужъ, видно, тебѣ судьба.

Петръ.

Чтò?

Еремка.

Я говорю: ужъ видно, такъ тому дѣлу и быть. А ты брось, не думай, а то хуже. Хочешь, я тебѣ пѣсню спою?

Петръ (*взглянувъ на него*).

Пѣсню? Какую пѣсню?

Еремка.

Вотъ какую... (*Поетъ:*)

„Куманечекъ, побывай у меня,
Животочекъ, побывай у меня,
Побывай—бывай—бывай у меня!
У тебя, кума, собачка лиха!...
Охъ лиха, лиха, лиха, лиха!
Ха, ха, ха, ха, ха, ха!...“

Петръ (*приподнимаясь*).

Пошелъ прочь, пока живъ!...

Еремка.

Куда мнѣ итти-то? Я здѣшній; а тебѣ пора, дѣлать здѣсь нечего... Было дѣло, да собака съѣла.

Петръ.

Убью я тебя!...

Еремка.

Убьешь, такъ отвѣтишь... Купецъ, не плюй въ колодець, годится водицы напиться.

Петръ.

Да отвяжись ты, дьяволъ! Чтò тебѣ отъ меня нужно, а? Чтò ты за человѣкъ?

Еремка.

Изъ старыхъ нищихъ молодой обморокъ. (*Петръ смотритъ на него.*) Купецъ, я слово знаю.

Петръ.

Какое слово?

Еремка.

А такое слово, что все будетъ по-нашему, какъ намъ хочется.

Петръ.

Да ты вправду, аль шутя?

Еремка.

Ужъ за то берусь.

Петръ.

Слушай! Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу.

Еремка.

Зачѣмъ обманывать! Мы скоморохи, люди вѣжливые — обмануть не обманемъ, а своего не упустимъ, мимо рта не пронесемъ.

Петръ.

Бери ты съ меня послѣднюю рубашку, только дѣло сдѣлай. Вотъ мнѣ до которыхъ поръ приходить. Видишь? (*Показываетъ на шею.*)

Еремка.

Зачѣмъ рубашку! Сдѣлаемъ дѣло — деньги возьмемъ; а не сдѣлаемъ — не надо. Вотъ сперва-на-перво, значить, выпить

надоть, другой разговоръ пойдетъ. Ты-то, купецъ, нонче, можетъ быть, пообѣдалъ всласть, да и выпилъ что слѣдуетъ, такъ тебѣ можно разговаривать; а у меня натошакъ въ горлѣ пересохло, да и языкъ-то, признаться тебѣ сказать, не шевелится.

Петръ *(даётъ деньги)*.

На, выпей поди.

Еремка.

Ты только деньги-то дай, а еще выпить-то успѣю, наше отъ насъ не уйдетъ. *(Беретъ.)* Вотъ спасибо! Теперь говорить будемъ. Я вижу, ты, купецъ, человѣкъ хорошій, съ тобой знакомство водить можно. *(Садится подлѣ него.)*

Петръ.

Ну, говори, не томи.

Еремка.

Погоди. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Есть у тебя тоска-кручина, напущена эта кручина на тебя по вѣтру: тутъ безъ ворожбы дѣло не обойдется. Есть у меня такой человѣкъ, изъ простыхъ, да ловкій, половчѣй меня будетъ.

Петръ.

Страшно!

Еремка.

Страшно,, такъ не ходи.

Петръ.

И можетъ онъ приворожить дѣвку, чтобъ любила, чтобъ не она надо мной, а я надъ ней куражился, какъ душѣ угодно?

Еремка.

Можетъ; его приворотъ на тысячу верстъ дѣйствуетъ. Такъ приворожить, что она изъ дому убѣжитъ да къ тебѣ придетъ. Только къ нему съ пустыми руками не ходи, а надо штофъ вина да денегъ рубль. Да не со всякимъ онъ еще и разговаривать-то станетъ, а съ кѣмъ я прикажу.

Петръ.

Ну, такъ поѣдемъ.

Еремка.

Ты не больно торопись, не во всякій часъ это дѣлается, надобно знать время. Теперь еще не тотъ часъ, а мы прежде пойдёмъ погуляемъ. У тебя есть деньги?

Петръ.

Эхъ, голова! ты въ жизнь такой гульбы не видывалъ, что отъ меня увидишь.

Еремка.

А я тебѣ такія мѣста покажу, только—ухъ! Дымъ коро-мысломъ. Только деньги припасай.

Петръ.

Деньги съ нами.

Еремка.

Ну и ладно. Пойдемъ. Вотъ я и съ праздникомъ. (*Поетъ:*)

„Ужъ и я ли твоему горю помогу!

Помогу—могу—могу—могу—могу!“

(*Уходятъ.*)

С ц е н а II.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ Даша и Афимья со свѣчкою въ рукахъ.

Даша.

Тетенька, словно кто-то стучитъ, не онъ ли? Посмотри-ка.

Афимья.

Какъ же, онъ, дожидайся! Ужъ теперь закатился, такъ всю ночь прогуляетъ. (*Заллядывая въ двери.*) Я говорю, что никого нѣтъ. Пойдетъ онъ домой, коли ему въ людяхъ весело. Не такое чадо, чтобъ ему дома сидѣть. (*Ставитъ свѣчу на столъ.*)

Даша (*сидясь къ столу*).

Пьетъ онъ мою кровь! Легко ли дѣло, ночь на дворѣ, а онъ шатается.

Афимья.

А ты что сидишь-то? Поди спать, я его одна подожду. А то еще, на грѣхъ, придетъ хмельной, брань заведете, что хорошаго!

Даша.

Нѣтъ, ужъ я подожду, у меня что-то сердце не на мѣстѣ: не случилось бы съ нимъ чего-нибудь!

Афимья.

Извѣстно, гульба до добра не доведетъ... Ужъ не сносить ему своей головы.

Даша.

Ахъ, тетушка, не говори, и такъ страшно! *(Молчаніе.)* Поужинать-то приготовить, неравно спросить.

Афимья.

У меня ужъ готово, только подать. Еще съ какимъ народомъ-то водится, кто его знаетъ. Вѣдь, народъ всякой есть: навяжется какой оборотень, тому научить, что и подумать-то грѣхъ, не къ ночи будь сказано. *(Зѣваетъ.)* Ишь ты, какъ спать хочется, ровно какъ передъ бѣдой; говорятъ, передъ бѣдой-то сонъ одолеваетъ... Или такъ ужъ, старость-то, что-ли? Ты бы почитала поученьице какое на сонъ-то грядущій, я бы послушала.

Даша *(беретъ книгу)*.

Что бы почитать-то? *(Прислушивается.)* Тетушка, стучать.

Афимья.

И то стучать. *(Беретъ свѣчу и идетъ къ двери.)*

Даша *(у двери)*.

Что, онъ?

Афимья.

Охъ, нехорошъ! Поди-ка лучше спрячься отъ грѣха, нехорошъ пришелъ, и на меня-то ровно медвѣдь зарычалъ. *(Даша уходитъ; Петръ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Афимья и Петръ.

Петръ *(сидясь)*.

Ужинать!

Афимья.

Сейчасъ, батюшка, сейчасъ! *(Ставитъ на столъ ужинъ.)*

Петръ.

Зажигай огня!

Афимья.

Да гдѣ-жъ теперь? Ужъ спать всѣ.

Петръ.

Дѣлай, что я приказываю! Разобью все въ прахъ... Щепки цѣлой не оставлю!

Афимья.

Ну, ужъ не сердись, погоди, принесу.

Петръ (*нѣтъ*).

Смѣяться надо мной! Нѣтъ, шалишь!.. Не позволю! Будетъ съ меня, посмѣялись, выгнали, а я здѣсь дома... Нѣтъ, погоди! Я имъ не дуракъ достался!.. Весь домъ на ноги подниму! Ты мнѣ тетка, а ты меня не трожь, а то... ухъ!.. Не дыши передо мной, не огорчай меня! (*Нѣтъ.*) Говори правду: ходила жена со двора? (*Молчаніе.*) Я тебя спрашиваю—говори!

Афимья.

Да вотъ что, Петръ Ильичъ, по правдѣ тебѣ сказать, не то, что она со двора ходила, а вовсе было къ своимъ собралась да уѣхала.

Петръ.

Ну, и пропадай она пропадомъ! Провались она!.. И на духъ мнѣ ее не нужно...

Афимья.

Да со стариками на дорогѣ встрѣтилась и воротилась.

Петръ.

И не кажись она мнѣ на глаза! Убью! Своими руками душу! Она мнѣ врагъ, а не жена! Мнѣ нынче человѣкъ сказывалъ про нее, все сказывалъ, онъ все знаетъ, онъ колдунъ...

Афимья.

Что ты?.. Богъ съ тобой! Съ кѣмъ ты водишься!.. Что съ тобой?

Петръ.

Молчать! Онъ говоритъ, не жена она тебѣ, а змѣя лютая! Вотъ и кореньевъ мнѣ далъ... Горючъ камень алатырь... Привороты всѣ знаетъ, пускаетъ по вѣтру... Тетенька!..

Афимья.

Что ты? Голубчикъ!

Петръ.

Страшно мнѣ! Страшно!.. Поди, сядь со мной. (*Пла-*

четъ.) Обижаютъ меня! Никто меня не любить, извести меня хотятъ!.. Всѣ на меня, и жена, и всѣ.

Афимья.

Самъ всему причиной, не на кого пенять.

Петръ.

Я пьяница, я безпутный, ну, убейте меня!.. Ну, убейте, мнѣ легче будетъ. Кто меня пожалѣетъ? а, вѣдь, я человѣкъ тоже! (Плачетъ.)

Афимья.

Ну, полно, полно!

Петръ.

Не то мнѣ обидно, что меня, молодца, Груша не любить, а то мнѣ обидно—не доставайся она никому!

Афимья.

Про какую тамъ Грушу ты говоришь, безпутный?.. Какая тамъ еще Груша?

Петръ.

Какая Груша? Вотъ такая Груша: нѣтъ такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ! Я душу свою погубилъ за нее! Ну, какъ мнѣ съ ней разстаться? Насъ разлучить хотятъ... вотъ онъ!

Афимья.

Кто онъ? Никого тутъ нѣтъ.

Петръ.

Васька!

Афимья.

Поди усни. Ишь, тебѣ ужъ мерещится.

Петръ.

Я его убью!... А жена... она не смѣй противъ мужа! Гдѣ жена? Подай сюда жену! она моя жена, она моя раба!

Афимья.

Ее нѣтъ; она ушла съ своими, съ отцомъ да съ матерью.

Петръ (встаетъ и беретъ въ руки ножъ).

Куда она ушла? Я ее найду! Изъ землю вытащу, со дна моря достану!

Афимья.

Куда ты пойдешь ночью? Чтò за срамъ! Ступай спать.

Петръ.

Не говори ты мнѣ! Жену подай!... Жену подай, говорю я тебѣ!

Афимья.

Ну, да нѣтъ ее, такъ и нѣгдѣ взять!

Петръ.

Я ее найду, я ее найду!

Афимья.

Что ты ножомъ-то махаешь, ну тебя! Съ тобой страсть одна, да и только.

Петръ.

Я ее по слѣду найду!... Я ее по слѣду найду! Теперь зима, снѣгъ, по слѣду все видно, мѣсяцъ свѣтитъ, все равно, что днемъ. (*Садится.*) Страшно мнѣ, страшно! Вонъ мятель поднялась... Ухъ! такъ и гудѣтъ! Вонъ завыли... вонъ, вонъ собаки завыли. Это они на мою голову воютъ, моей гибели ждутъ... Ну, что-жъ, войте! Я проклятый человѣкъ!... Я окаянный человѣкъ! (*Встаетъ.*)

Афимья.

Ишь ты, ишь ты! Ахъ, батюшки, какъ страшно!

Петръ.

Нѣтъ, не то, тетушка, все не то! Все я не то говорю. Вотъ что: кабы я не былъ женатъ, развѣ-бъ меня Груша не любила? Я бы женился на ней. Стало быть, жена мнѣ помѣха, и во всемъ мнѣ она поперекъ... Вотъ за это я ее и убью... за это за самое...

Афимья.

Что мнѣ дѣлать-то съ нимъ, ума не приложу. (*Въ комнату вдругъ появляется Еремка, котораго видитъ только одинъ Петръ.*)

Петръ.

А, благопріятель! Что-жъ ты смотришь-то на меня? Что-жъ ты такъ смотришь? Вѣдь, самъ научилъ, какъ жену извести!

Афимья.

Съ кѣмъ онъ это говорить-то—никого нѣту. Наше мѣсто свято! Чуръ меня! Чуръ меня! Пойти разбудить всѣхъ! (*Уходитъ.*)

Петръ (Еремкѣ).

Что ты говоришь, а? Ну, да! И я то же говорю, чудака человекъ! Вмѣстѣ пойдемъ! Поскорѣй! поскорѣй! (Останавливается). Ха, ха, ха! Смѣшной ты человекъ! Вотъ онъ, ножикъ-то! (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Агаѳонъ, Степанида, Даша и Афимья (входятъ).

Афимья (взянувъ въ дверь).

Ушелъ, ушелъ! и двери всѣ настежь растворилъ. Послать людей за нимъ. (Уходитъ.)

Даша.

Вотъ, матушка, сама ты погляди, какъ сладко мнѣ жить-то!

Степанида.

Ахъ, ты дитятко мое родимое, головка побѣдная!

Агаѳонъ.

Погоди, дочка, не ропщи. Живешь замужемъ-то безъ году недѣля, а ужъ на жизнь жалуешься.

Даша.

Да чего мнѣ ждать и впередъ-то, коли отецъ отъ него отступился совсѣмъ?

Агаѳонъ.

Отецъ отступился, да, можетъ, Богъ не отступился. Потерпи.

Даша.

Рада бы я терпѣть, да мука-то моя нестерпимая. Я его не виню, Богъ съ нимъ, а жить съ нимъ не хочу.

Агаѳонъ.

Все это не дѣло, все это не дѣло! Охъ, охъ, охъ! Не хорошо! Ты сама права, что-ль? Дѣло сдѣлала, что насъ со старухой бросила? Говори, дѣло сдѣлала? Такъ это и надо? Такъ это по закону и слѣдуетъ? Врагъ васъ обуялъ! Вы точно какъ не люди! Вотъ ты и терпи, и терпи! Да наказанье-то съ кротостью принимай да съ благодарностію. А то что это? что это? Бѣжать хочетъ! Какой это порядокъ? Гдѣ это ты видала, чтобъ мужа съ женами порознь жили? Ну, ты его оставишь, бросишь его, а онъ въ отчаяніе придетъ—

кто тогда виновать будетъ, кто? Ну, а захвораетъ онъ—кто за нимъ уходить? Это, вѣдь, первый твой долгъ. А застигнетъ его смертный часъ, захочетъ онъ съ тобой проститься, а ты по гордости ушла отъ него...

Даша (*бросаясь на шею*).

Батюшка!..

Агаѳонъ.

Ты подумай, дочка милая, помякай хорошенько. (*Плача.*) Глупы, вѣдь, мы люди, охъ, какъ глупы!... Горды мы! (*Вася и Афимья входятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ, ВАСЯ И АФИМЬЯ.

Вася.

Боже мой! Что это такое! Что у васъ случилось?

Афимья.

А что?

Вася.

Да Петръ Ильичъ попался мнѣ на Москвѣ-рѣкѣ, такой страшный, безъ шапки, бѣгаетъ съ ножомъ; вѣдь, того и гляди въ прорубь попадетъ.

Даша.

Что же это? батюшки мои!

Вася.

Вы бы хоть людей послали за нимъ.

Афимья.

По всѣмъ концамъ разосланы, посылать больше нѣкого.

Агаѳонъ.

Пойдемте сами, други мои, пойдемте!

Даша.

Пойдемте! (*Петръ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ПЕТРЪ.

Петръ (*озирается*).

Кто тутъ? Что вы за люди? Жена!... Живые вы люди, или нѣтъ? Скажите мнѣ, ради Бога.

Даша.

Что съ тобой?

Петръ.

Не стою я, окаянный, того, чтобы глядѣть-то на васъ! Да и не глядѣлъ бы, кабы не чужія молитвы. Простите меня, добрые люди, ради Господа! (*Становится на колѣни*).

Агаѳонъ (*подымая его*).

Что ты, что ты, Петръ Ильичъ! Встань, встань.

Петръ.

Я, вѣдь, грѣшникъ, злой грѣшникъ!.. Ужъ я покаюсь передъ вами, легче мнѣ будетъ на душѣ моей. Вотъ до чего гульба-то доводитъ: я, вѣдь, хотѣлъ жену убить... безвинно убить хотѣлъ. Взялъ я тутъ, пьяный-то, ножикъ, да и иду будто за ней. Мерещатся мнѣ разныя диковины да люди какіе-то незнакомые, я за ними... я за ними... Спрашиваю: гдѣ жена? Они смѣются да куда-то показываютъ. Я все шелъ, шелъ... вдругъ гдѣ-то въ колоколь... Я только-что поднялъ руку, гляжу—я на самомъ-то юру Москвы-рѣки стою надъ прорубемъ. Вспомнить-то страшно! И теперь морозъ по кожѣ подираетъ! Жизнь-то моя прошлая, распутная-то, вся вотъ, какъ на ладонѣ, передо мной! Натерпѣлся я страху, да и подѣломъ. Вспомнилъ я тутъ и батюшкины слова, что хожу я, злодѣй, надъ пропастью. Вотъ они, правдивыя-то слова. Такъ оно и вышло! Ужъ не забыть мнѣ этой ночи, кажется, до самаго гроба! Батюшка, матушка, поживите у насъ!.. Помогите мнѣ, добрые люди, замолить этотъ грѣхъ!.. Да и къ батюшкѣ-то сходите, скажите ему... самъ-то я не смѣю итти.

Всѣ.

Помоги тебѣ Богъ!

Агаѳонъ.

Что, дочка, говорилъ я тебѣ!

Даша (*бросаясь къ Петру*).

Голубчикъ, Петръ Ильичъ!

ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ.

КОМЕДІЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА ВЪ ПЕРВОМЪ ДѢЙСТВІИ:

Иванъ Ксенофонтычъ Ивановъ, отставной учитель, 60 лѣтъ.

Лизавета Ивановна, его дочь, 20 лѣтъ.

Аграфена Платоновна, вдова, губернская секретарша, хозяйка квартиры, занимаемой Ивановымъ.

Титъ Титычъ Брусковъ, богатый купецъ.

Андрей Титычъ, его сынъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Сцена представляетъ бѣдную комнату въ квартирѣ Ивановыхъ. Налѣво на первомъ планѣ окно, дальше дверь въ комнату хозяйки, прямо дверь выходная, направо дверь въ комнату Лизаветы Ивановны.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Иванъ Ксенофонтычъ (*входитъ, размахивая руками*),
за нимъ *Аграфена Платоновна*.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Невѣжество! Невѣжество! И слышать не хочу невѣжества! (*Садится за столъ и раскрываетъ книгу.*)

Аграфена Платоновна.

У васъ все невѣжество. А сами-то что? Только слава, что ученый человѣкъ! А что въ немъ проку, въ ученыи-то въ вашемъ? Только одно мнѣніе, что я ученый человѣкъ, а хуже насъ неученыхъ. Живете какъ бобыль—ни кола, ни двора.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Невѣжество! Невѣжество!

Аграфена Платоновна.

Наладилъ одно! Невѣжество да невѣжество! Я къ вашей пользѣ говорю. Мнѣ что! Я женщина посторонняя.

Иванъ Ксенофонтычъ.

А коли вы, сударыня, посторонняя женщина, такъ и не мѣшайтесь въ чужія дѣла. Оставьте меня; видите, я дѣломъ занимаюсь.

Аграфена Платоновна (*помолчавъ*).

Мнѣ какъ хотите. Я жалѣючи васъ говорю. Куда вы дѣнетесь съ дочерью-то? Дѣвушкѣ двадцать лѣтъ; нынче безъ приданаго-то никто не возьметъ; а у васъ ни кругомъ, ни около, все нѣтъ ничего, бѣдность непокрытая.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Какъ ничего? У меня есть пенсія, есть уроки.

Аграфена Платоновна.

Что ваша пенсія! Что ваши уроки! Развѣ это приданое? Пока живы, ну, конечно, на пропитаніе хватить; а вы то разсудите: вы пожилой человѣкъ, ну, сохрани Богъ, помрете—куда будетъ Лизаветѣ Ивановнѣ голову приклонить?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Она куда пойдетъ? Она будетъ дѣтей учить. Будетъ заниматься, сударыня, тѣмъ благороднымъ дѣломъ, которымъ отецъ занимался всю свою жизнь.

Аграфена Платоновна.

Ужъ куда какая невидаль! Хорошее житье—по чужимъ людямъ шлаться изъ-за куска хлѣба! Чужой-то хлѣбъ горекъ! А вы послушайте-ка меня глупую, давайте-ка я примусь сватать вамъ жениха; благо, здѣсь сторона купеческая.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Какое же это благо? Въ чемъ тутъ благо? Кромѣ невѣжества, я ничего не вижу.

Аграфена Платоновна.

А я вижу. Вотъ, напримѣръ, Андрей Титычъ, что къ намъ ходитъ, чѣмъ не женихъ? И молодъ, и богатъ, и изъ себя красавецъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

И дуракъ набитый, читать по-русски не умѣть. Это вашъ женихъ, а не Лизинъ. Васъ будетъ пара.

Аграфена Платоновна.

Ужъ какой онъ мнѣ женихъ! Очень нужно ему старуху-то брать! Онъ съ своими деньгами-то получше вашей Лизы найдеть. Ему ужъ давно отъ невѣстъ проходу нѣтъ, отъ богатыхъ; да не хочетъ, потому влюбленъ до чрезвычайности въ Лизавету Ивановну. Вотъ что!

Иванъ Ксенофонтычъ (*вскочивъ*).

Что? Да какъ же онъ смѣлъ, скажите вы мнѣ? Кто ему позволилъ? Это житья нѣтъ! Лиза моя... вѣдь, это сокровище, это совершенство! А онъ, безграмотный, смѣлъ влюбиться! Мужикъ! Невѣжа!

Аграфена Платоновна.

Ахъ, батюшка, да развѣ кому закажешь! Вѣдь, она не королева какая! А почему знать, дѣло женское мудреное, можетъ она и сама его любить. Чужая душа-то темна. Дѣвушки объ этомъ не сказываютъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Вздоръ, вздоръ! Этого быть не можетъ. Я и слушать не хочу. (*Подходитъ къ другому столу.*) Не мѣшайте мнѣ заниматься, Аграфена Платоновна; вы видите, у меня дѣло есть.

Аграфена Платоновна (*переходитъ за нимъ*).

А можетъ, и вздоръ; я такъ говорю, по своему понятію. А жаль малаго-то, ужъ очень сокрушается. Дома-то радости нѣтъ, отецъ-то у него такой дикій, властный человѣкъ, крутой сердцемъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Что такое: крутой сердцемъ?

Аграфена Платоновна.

Самодуръ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Самодуръ! Это чортъ знаетъ что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это lingua barbara, варварскій языкъ.

Аграфена Платоновна.

Ужъ и вы, Иванъ Ксенофонтычъ, какъ погляжу я на васъ, заучились до того, что русскаго языка не понимаете. Самодуръ—это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужъ всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда...

Иванъ Ксенофонтычъ.

O tempora, o mores!

Аграфена Платоновна.

Такъ вотъ Андрюша-то и боится, что отецъ ему жениться не позволить... Ну, да это ничего, я баба огневая, я обломаю дѣло, только было бы ваше согласіе. Я за двумя мужьями была, Иванъ Ксенофонтычъ, всѣми дѣлами правила. Я теперь хоть въ судѣ, какое хочешь, дѣло обдѣлаю. Стряпчаго не нанимай. По всѣмъ кляузнымъ дѣламъ ходокъ. Во всѣхъ судахъ надоѣла. Прямо до енарала хожу...

Иванъ Ксенофонтычъ.

Объ чемъ вы говорите, я не понимаю.

Аграфена Платоновна.

Все объ томъ же объ Брусковѣ, объ купцѣ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Послушайте: Плутархъ въ одной книгѣ...

Аграфена Платоновна.

А насчетъ плутовства—это точно, онъ старикъ хитрый.

Иванъ Ксенофонтычъ (*обращая глаза къ потолку*).

О, невѣжество!

Аграфена Платоновна.

И это есть. Хоть онъ и плутовать, а человѣкъ темный. Онъ только въ своемъ домѣ свирѣпъ, а то съ нимъ что хочешь дѣлай, дуракъ дуракомъ; на пустомъ спугнуть можно. Теперь, какъ хотите, Иванъ Ксенофонтычъ, такъ и сдѣлаемъ. Честно, такъ честно, а то и на штуку поймемъ. Такъ запутаемъ, что, хоть плачь, а жени сына на Лизаветѣ Ивановнѣ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Что я слышу! Громы небесные! И вы не поразите эту женщину!

Аграфена Платоновна.

За что-жъ вы бранитесь? Я васъ люблю, вамъ добра желаю (*утираетъ слезы*), а вы меня всяческими словами ругаете.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Какъ хотите, Аграфена Платоновна, любите или не любите, только оставьте насъ съ дочерью въ покоѣ.

Аграфена Платоновна (*покачавъ головой*).

Эхъ, Иванъ Ксенофонтычъ, Иванъ Ксенофонтычъ! Жаль мнѣ тебя! Человѣкъ-то ты добрый, да больно ты простъ. Бѣденъ ты ужъ больно. Вотъ и одежонка-то...

Иванъ Ксенофонтычъ.

Я бѣденъ, да честенъ, бѣднымъ и останусь. Не хочу я знаться съ твоими съ богатыми.

Аграфена Платоновна.

А нынче такъ жить-то нельзя. (*Отходитъ отъ стола.*) Какъ хочешь ты, Иванъ Ксенофонтычъ, обижай меня, а я, все-таки, всякое добро для васъ готова сдѣлать, да и за-всегда буду дѣлать, за вашу кротость и сиротство. Мнѣ за это Богъ пошлетъ. (*Уходитъ въ свою комнату. Въ среднюю дверь входитъ Лизавета Ивановна, скидаетъ шляпку и кладетъ на столъ. Иванъ Ксенофонтычъ, не замѣчая ее, читаетъ съ жаромъ и размахиваетъ руками.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Иванъ Ксенофонтычъ и Лизавета Ивановна.

Лизавета Ивановна.

Здравствуй, папа!

Иванъ Ксенофонтычъ.

А, здравствуй! Подай мнѣ шляпу.

Лизавета Ивановна.

Куда ты, папа? Отдохни немного! Ты и такъ много трудишься.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Нельзя, Лиза, нельзя! Отдыхать некогда. Молодымъ людямъ учиться надобно, и такъ, Лиза, у насъ мало учатся, мало. Достань-ка мнѣ Горація, да подсыпь табачку, весь

вышелъ. (Лиза достаетъ ему книгу и насыпаетъ табаку.) Ну, прощай! Чай пить не дожидайтесь, можетъ быть, затолкуюсь съ ребятами.

Лизавета Ивановна.

Бѣдный папаша!

Иванъ Ксенофонтычъ (надѣваетъ шляпу, идетъ къ дверямъ и возвращается).

Лиза, ты меня извини, я тебѣ задамъ вопросъ...

Лизавета Ивановна.

Что такое, папа?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Давеча вотъ эта глупая женщина (показывая на комнату хозяйки) говорила, только не утвердительно, а такъ одно предположеніе, что, можетъ быть, ты... Только ты, Лиза, не сердись!

Лизавета Ивановна.

Что же она говорила?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Она говорила, что, можетъ быть, ты влюблена въ этого молодого купца, который ходитъ къ намъ за книгами. Ну, разумѣется, я не повѣрилъ.

Лизавета Ивановна.

Охота тебѣ, папа, слушать ее!

Иванъ Ксенофонтычъ.

Я ее и не слушаю, она вздорная болтунья, необразованная женщина. Только вотъ что, Лиза: ты теперь въ такомъ возрастѣ... молодая дѣвушка, тебѣ скучно со мной, со старикомъ... ты, сдѣлай милость, прыгай... веселись... влюбись въ кого-нибудь, я тебя прошу объ этомъ. Только ты не скрывай отъ меня, скажи мнѣ—я самъ съ тобой помолодѣю; я все за книгами, Лиза, у меня душа зачерствѣла.

Лизавета Ивановна.

Ахъ, папаша! Если-бъ я полюбила кого, я-бъ тебѣ сказала... А то нѣтъ еще... Этотъ молодой человѣкъ... такъ себѣ; только ужъ очень необразованъ, ни стать, ни сѣсть не умѣетъ. И ты, папаша, могъ подумать?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Ну, ну, ну, виновать! (*Цѣлуеъ ее.*) Въ послѣдній разъ, больше не буду. (*Смотритъ на часы.*) Пора, пора... (*Бѣжитъ бѣгомъ изъ комнаты, Лизавета Ивановна смотритъ вслѣдъ ему.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Лизавета Ивановна (*одна*).

(*Подходитъ къ столу, садится и беретъ работу. Молчаніе.*) Нѣтъ, ужъ мы очень много трудимся! Чтò ни говори, какъ себя не утѣшай, а тяжело, право, тяжело! Ужъ я не говорю о деньгахъ, не говорю о томъ, что за наши труды намъ платятъ мало; хоть бы уваженіе-то намъ за нашъ честный трудъ оказывали, такъ и этого нѣтъ. На чтò ужъ наша хозяйка, и та смотритъ на насъ съ какимъ-то сожалѣніемъ! А всего мнѣ обиднѣе, что смѣются надъ папашей. Онъ, точно, немного страненъ, да, вѣдь, онъ всю жизнь провелъ за книгами, его можно извинить. И что въ этомъ смѣшного, что человѣкъ ходитъ въ старой шинели, въ старой шляпѣ? А у насъ такая сторона, чуть не въ глаза хохочутъ. Конечно, это невѣжество, съ образованіемъ это пройдетъ; а все-таки тяжело. Вотъ вчера, какъ я шла изъ церкви, какіе-то молодые купцы вслухъ смѣялись надъ моимъ салопомъ. Гдѣ же я лучше возьму? Ты же приносишь людямъ пользу почти безкорыстно, тебя же презираютъ. (*Подноситъ платокъ къ глазамъ. Андрей Титычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лизавета Ивановна и Андрей Титычъ.

Андрей Титычъ.

Съ нашимъ почтеніемъ-съ, Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна.

Здравствуйте, Андрей Титычъ! Садитесь.

Андрей Титычъ (*утираясь*).

Шокорнѣйше благодаримъ-съ. Летѣлъ къ вамъ скоропалительно, инда взопрѣлъ-съ. Тятеньки нѣтъ-съ?

Лизавета Ивановна.

Нѣтъ; ушелъ на урокъ.

Андрей Титычъ.

По-латыни два алтына, а по-русски шесть копѣекъ-съ.

Лизавета Ивановна.

Что вы такое говорите?

Андрей Титычъ.

У насъ въ ряду одинъ учитель ходитъ, горькой, такъ надъ нимъ смѣются, дразнятъ, значить. Ты, говорятъ, окромя свинячьяго, на семь языковъ знаешь.

Лизавета Ивановна.

Какъ же вамъ не стыдно смѣяться надъ людьми почтенными? Какъ это дурно!

Андрей Титычъ.

Что-жъ такое! Шутка не вредить-съ, хорошій человекъ на свой счетъ не приметъ.

Лизавета Ивановна.

Бросьте эту привычку, не хорошо. Зачѣмъ обижать!

Андрей Титычъ.

Нельзя нашему брату не смѣяться-съ, потому эти стрюцкіе такія дѣла-съ съ нами дѣлають, что смѣху подобно.

Лизавета Ивановна.

Что у васъ за слова такія! Какіе-то стрюцкіе!

Андрей Титычъ.

Ужъ это слово имъ не даромъ дано-съ. Другой весь-то грошъ стоитъ, а такого изъ себя барина доказываетъ, и не подступайся—засудить; а даль ему цѣлковый, или тамъ больше, глядя по дѣлу, да подпоилъ, такъ онъ хотъ спирю плясать пойдетъ. (*Помолчавъ.*) Я теперь отъ тятеньки скрываюсь-съ.

Лизавета Ивановна.

Какъ скрываетесь? Зачѣмъ же?

Андрей Титычъ.

Женить хотятъ... насильственнымъ образомъ.

Лизавета Ивановна.

Что-жъ, развѣ вамъ невѣста не нравится?

Андрей Титычъ.

Такую нашли, съ ума сойдешь! Тысячъ триста серебра денегъ, рожа, какъ тарелка—на огородъ поставить, воронъ

пугать. Я у нихъ былъ какъ-то разъ съ тятенькой, еще не знавши ничего этого; вышла дѣвка пудовъ въ пятнадцать вѣсу, вся въ веснушкахъ; я сейчасъ съ политичнымъ разговоромъ къ ней: „чѣмъ, говорю, вы занимаетесь?“ Я, говорить, люблю жестокіе романы пѣть. Да какъ запѣла, глаза это раскосила; такъ-то убѣдила народъ, хоть взвой, на нее глядя. Унеси ты мое горе на гороховое поле.

Лизавета Ивановна.

Да развѣ вы своей воли не имѣете? Не нравится вамъ дѣвушка, ну, и не женитесь, такъ и скажите отцу.

Андрей Титычъ.

Какая тутъ воля! Ахъ, Лизавета Ивановна! Нешто у насъ такъ, какъ у людей! (*Махнувъ рукой.*) Крылья у меняшибены, то-есть, обрублены, какъ есть. Уродомъ сдѣлали, а не человекомъ. Словно угорѣлый хожу по землѣ. У насъ такъ не водится, чтобъ сынъ смѣлъ выбрать себѣ невѣсту по душѣ, значить, какъ слѣдуетъ; а привезутъ тебя, покажутъ, ну, и женись. А коли скажешь, что, молъ, тятенька, эта невѣста не нравится: а, говорить, въ солдаты отдамъ! Ну, и шабашъ! Ужъ не то, что въ этакоемъ дѣлѣ, и въ другомъ-то въ чемъ воли не даютъ. Я вотъ помоложе былъ, учиться захотѣлъ, такъ и то не велѣли.

Лизавета Ивановна.

Неужели это правда? Право, мнѣ не вѣрится. Чтò-нибудь да не такъ.

Андрей Титычъ.

Ужъ это такъ точно-съ, будьте покойны. Диви бы, негдѣ было учиться, али бы денегъ не было; а то денегъ уголь непочатый лежитъ, дѣвать куда, не сообразимъ; Коммерческая академія существуетъ на Покровскомъ бульварѣ. На чтò-жъ она построена? Смотрѣть на нее? Кабы у насъ, значить, вообще по купечеству такое заведеніе было, чтобы дѣтей не учить, такъ бы и не обидно. А то этого нѣтъ. Передъ другимъ-то передъ своимъ братомъ и совѣстно. Вотъ у тятеньки пріятель былъ, тоже русскій купецъ, съ бородой ходилъ, а сына-то въ Англію посылалъ. Теперь свое дѣло, по машинной части, лучше ихъ знаетъ. Стало быть, ихъ выписывать не надо и денегъ имъ не платить. Чтò ихъ баловать-то! Я, можетъ, не глупѣй его, а теперь смотри да казись. Кажется, если бы меня учить, я бы до всего на

свѣтъ дошелъ: потому страсть имѣю. Вотъ тятенька меня поѣдомъ ѣстъ, а за чтò? Самъ не знаетъ. По фабрику кто первый? Все я. Я впередъ знаю, что требуется. (*Молчаніе.*) Лизавета Ивановна, вы, вѣдь, не повѣрите, что я вамъ скажу: я къ скрипкѣ очень пристрастіе имѣю.

Лизавета Ивановна.

Ну, такъ чтò-жъ?

Андрей Титычъ.

Вотъ теперь пятый годъ учусь... знаете, гдѣ? На чердакѣ, въ чуланѣ. Бѣда, какъ узнаеть... „Да чтò это! Да къ чему это! Да съ твоимъ ли рыломъ, скажетъ, такія нѣжности разводить!“ Въ театръ никогда не допросишься. А и допросишься, да опоздаешь немножко, такъ бѣда. У насъ все равно, что загулялъ, что въ театрѣ просидѣлъ—это на одномъ счету. Ту причину пригоняють, что у насъ одинъ братъ помѣшанный отъ театру; а онъ совсѣмъ не отъ театру; такъ, съ малолѣтства заклотили очень.

Лизавета Ивановна.

Знаете ли, Андрей Титычъ, я васъ научу. Когда вы замѣтите, что вашъ отецъ въ хорошемъ расположеніи духа, вы ему откровенно и выскажите все: что вы чувствуете, что у васъ есть способности, что вы учиться хотите.

Андрей Титычъ.

Онъ такую откровенность задастъ, что мѣста не найдешь. Вы думаете, онъ не знаетъ, что ученый лучше неученаго, только хочетъ на своемъ поставить. Одинъ капризъ, одна только амбиція, что вотъ я неучень, а ты умнѣе меня хочешь быть.

Лизавета Ивановна.

Мнѣ, право, васъ жалко, Андрей Титычъ! Ходите къ намъ почаще. Вы моего отца знаете, онъ образованный человекъ, онъ вамъ можетъ много пользы принести, да и я, съ своей стороны, постараюсь, чтò могу.

Андрей Титычъ.

Эхъ, Лизавета Ивановна, жаль только, что мнѣ развязки никакой не дано.

Лизавета Ивановна.

Какой развязки?

Андрей Титычъ.

Не умѣю я по-французски говорить и походки настоящей не имѣю. Вонъ теперь въ магазинахъ приказчики разговариваютъ по-французски, ногами шаркаютъ, барышни имъ глазки дѣлаютъ.

Лизавета Ивановна.

Полноте вздоръ говорить!

Андрей Титычъ.

Да какъ-же-съ! Ужъ коли знаешь французскій языкъ да есть походка, такъ тутъ можно смѣло... значить, что только завидѣлъ, орелъ ли въ небѣ, щука ли въ морѣ—все наше.

Лизавета Ивановна.

Вы мнѣ, пожалуйста, глупостей не говорите, я васъ прошу.

Андрей Титычъ.

Вѣдь, женщины, онѣ души въ человѣкѣ понять не могутъ-съ: только ловкость нужна, ну и насчетъ одежды, чтобы первый сортъ-съ.

Лизавета Ивановна.

Я вамъ откровенно скажу, Андрей Титычъ, съ вами очень мудрено разговаривать. Вы, не подумавши, говорите такія вещи, которыя могутъ показаться обидными. Неужели вы думаете, что мы принимаемъ и ласкаемъ васъ за ваше платье?

Андрей Титычъ.

Да что со мной, дуракомъ, толковать-съ; я просто пропащій человѣкъ, отъ своего собственнаго необразованія. Болтаю, что въ голову придетъ, всякія наши рядскія глупости. Вы думаете, что я не чувствую вашей ласки, да только выразить я не умѣю. Мнѣ какъ-то разъ показалось, Лизавета Ивановна, что вы на меня повеселѣй взглянули, такъ я загулялъ на три дня, такихъ вертуновъ надѣлалъ, бѣда! Одному извозчику что денегъ заплатилъ.

Лизавета Ивановна.

Ну, зачѣмъ же это? Развѣ вы не знаете, что это дурно?

Андрей Титычъ.

А что-жъ мнѣ дѣлать-то? Куда мнѣ дѣваться-то? Я какъ сумасшедшій сдѣлался. Я въ жизнь ни отъ кого хорошаго слова не слыхалъ. *(Подходитъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ.)* Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна.

Что вамъ угодно?

Андрей Титычъ.

Дайте мнѣ ручку поцѣловать.

Лизавета Ивановна.

Что вы за вздоръ говорите! Ну, для чего это?

Андрей Титычъ.

Да что-жъ за важность! Можетъ, въ послѣдній разъ. Вѣдь, васъ не убудеть.

Лизавета Ивановна.

Да не хорошо, и совсѣмъ не нужно... ну, а впрочемъ...
(*Оглядываясь, протягиваетъ ему руку.*)

Андрей Титычъ (*цѣлуетъ*).

Умеръ бы у васъ, и домой не пшелъ! Ужъ очень тяжело мнѣ!
Эхъ, доля, доля! (*Плачетъ. Входитъ Аграфена Платоновна.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Лизавета Ивановна, Андрей Титычъ и Аграфена
Платоновна.

Аграфена Платоновна.

Здравствуй, Андрюша! Что съ тобой?

Андрей Титычъ.

Такъ, ничего.

Аграфена Платоновна.

Какъ ничего? Ты, словно, какъ мокрая курица.

Андрей Титычъ.

Подвѣсить себя хочу-съ.

Аграфена Платоновна.

Какъ такъ?

Андрей Титычъ.

Извѣстно какъ: за петельку на гвоздикъ.

Аграфена Платоновна.

Что за напасть такая?

Андрей Титычъ.

Да что, разговаривать-то не хочется. Женить хотятъ, вотъ и все-съ.

Аграфена Платоновна.

Плохо твое дѣло.

Андрей Титычъ.

Обидно-съ! (*Раскланивается.*) А впрочемъ, прощайте-съ.

(Подходитъ къ Аграфенъ Платоновнъ.) Что-жь, отдайте энту штуку-то; еще, пожалуй, исторія выдетъ.

Аграфена Платоновна.

Ну вотъ, на что она тебѣ?

Андрей Титычъ.

А то, пожалуй, и не надо; дѣлайте, что хотите. Ужъ семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ. До пріятнѣйшаго свиданія. (Кланяется и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна.

Видали вы, что мужики-то значать? Такъ вотъ посмотрите. Насильно хотятъ малаго женить. Самое низкое обыкновеніе! Нешто человѣкъ можетъ любить противъ желанія? Какія на это права? Какіе законы? Живутъ неопратно, ну, ничего и не понимаютъ. Ломятъ по-своему, что на умъ взбрело съ про-сонковъ... А я было его, барышня, признаться, для васъ прочила.

Лизавета Ивановна.

Я думаю, Аграфена Платоновна, прежде нужно было меня спроситься.

Аграфена Платоновна.

Да что спрашивать-то? Дѣло видимое. Человѣкъ хорошій, богатый, васъ любитъ. Куражу не имѣетъ сказать вамъ, потому что умныхъ словъ не знаетъ отъ своего отъ дурацкаго воспитанія. А случится, когда ко мнѣ въ комнату зайдетъ, такъ и заливается-плачетъ: все бы я, говоритъ, сидѣлъ у васъ, все бы глядѣлъ на Лизавету Ивановну, жизни готовъ рѣшиться, только бы жениться на ней. Сколько мнѣ подарковъ переносилъ, чтобы я вамъ за него словечко замолвила.

Лизавета Ивановна.

Какой еще онъ женихъ, ему учиться надобно въ школѣ гдѣ-нибудь.

Аграфена Платоновна.

Любовь-то не спрашиваетъ, всѣ ли науки знаешь. Влюбляются и вовсе безграмотные. А что-жь ему дѣлать? Онъ бы и радъ учиться, да батюшка-то у него ишь какой сахаръ!

Лизавета Ивановна.

Мнѣ смѣшно васъ слушать, Аграфена Платоновна. Ну, разсудите вы сами, какая же мнѣ неволя итти въ такую семью: сынъ необразованный, а отецъ дуракъ.

Аграфена Платоновна.

Не тысячу же лѣтъ этотъ старый хрычъ жить будетъ. Потерпите маленько, а потомъ сами барыней будете. Оно точно, вамъ будетъ не сладко; да денегъ-то у нихъ, у лѣшихъ, больно много. За то, что захотите, мужъ все для васъ будетъ дѣлать, развѣ только птичьяго молока не достанетъ.

Лизавета Ивановна.

Неужели вы, Аграфена Платоновна, до сихъ поръ меня не знаете? Я ни за какія сокровища не захочу терпѣть униженія. Вѣдь, они за каждую копейку выместятъ оскорбленіемъ; а я не хочу ихъ переносить ни отъ кого. То ли дѣло, какъ мы живемъ съ папашей! Хоть бѣдно, да независимо. Мы никого не трогаемъ, и насъ никто не смѣетъ тронуть. (*Работаетъ.*)

Аграфена Платоновна (*взглянувъ въ окно*).

Къ намъ дрожки подъѣхали. Ахъ, батюшки! Да, вѣдь, это онъ!

Лизавета Ивановна.

Кто онъ?

Аграфена Платоновна.

Андрюшинъ отецъ, Титъ Титычъ.

Лизавета Ивановна.

Это, должно быть, къ вамъ; а къ намъ ему незачѣмъ. (*Титъ Титычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА, АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА И ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Титъ Титычъ.

Гдѣ Андрюшка? Сказывайте скорѣй, а то искать примусъ.

Аграфена Платоновна.

Почемъ мы знаемъ, гдѣ твой Андрюшка. Ступай, откуда пришелъ; нечего тебѣ здѣсь дѣлать!

Титъ Титычъ.

Не съ тобой говорятъ. Барышня, выдавай Андрюшку! Да не вертись; видишь, я самъ за нимъ пришелъ; я шутить не люблю, у меня слово—законъ.

Лизавета Ивановна (*встаетъ*).

Я васъ не знаю и знать не хочу. Подите вонъ отсюда!

Титъ Титычъ (*садится*).

Полно вилять-то! Всѣ сусѣди говорятъ, что онъ у тебя скрывается. Ты, надо полагать, за него замужъ поровишь; такъ нѣтъ, шалишь, не пообѣдаешь!

Лизавета Ивановна (*закрываетъ лицо платкомъ*).

Господи! Что же это такое!

Аграфена Платоновна.

Ступайте, барышня, къ себѣ въ комнату. Что вамъ съ мужикомъ разговаривать! Я одна съ нимъ управлюсь. (*Лизавета Ивановна уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Аграфена Платоновна и Титъ Титычъ.

Аграфена Платоновна.

Ты что буянишь-то! Ты куда, въ кабакъ, что-ли, зашелъ? Кричи поди у себя дома, а здѣсь языкъ-то прикусишь. Я, братъ, такъ раскассирую...

Титъ Титычъ.

А вотъ я обыскъ и сдѣлаю, квартальнаго позову.

Аграфена Платоновна.

Такъ тебѣ и позволять въ благородномъ домѣ безобразничать!.. Да ну, коли на то пошло, дѣлай обыскъ. А не найдешь, чѣмъ отвѣтишь?

Титъ Титычъ.

Не ваша печаль, это наше дѣло. За безобразіе заплатимъ.

Аграфена Платоновна.

Ты думаешь деньгами отъѣхать? Нѣтъ, вѣдь, старикъ-то не алтынникъ, онъ съ тебя ничего не возьметъ. Чѣмъ ты смо-

тришь—и того не возьметъ. Онъ заслуженный человѣкъ, за тридцать лѣтъ пряжку имѣетъ. Онъ тебя въ смиренный упрячетъ.

Титъ Титычъ.

Видали мы виды-то! Чортъ Ваньку не обманетъ, Ванька самъ слово знаетъ. Вы мнѣ Андрюшку подайте; видишь, я самъ за нимъ пришелъ.

Аграфена Платоновна.

Самъ съ усамъ! Жалко вотъ, что тебя не боится здѣсь никто; а то такъ бы тебѣ Андрюшку и представили, невидимой силой. да коли нѣтъ его, чудакъ человѣкъ, значить, негдѣ взять. Онъ дома давно.

Титъ Титычъ.

Да ты врешь, можетъ быть?

Аграфена Платоновна.

А ты сходи посмотри, либо пошли кого-нибудь.

Титъ Титычъ.

Нѣтъ ужъ, я лучше самъ пойду, только если не найду его, я ужъ за тебя примусь. Слышишь! *(Беретъ шапку.)*

Аграфена Платоновна.

Погоди, куда ты? Еще мнѣ съ тобой поговорить надо. Ты думаешь, ты скоро раздѣлаешься. *(Вынимаетъ изъ стола бумагу.)* Ты это видишь?

Титъ Титычъ.

Что это такое? Кажи!

Аграфена Платоновна.

Читай! Только изъ рукъ не выпущу; мы вашего брата знаемъ.

Титъ Титычъ *(надѣвъ очки)*.

„Я, нижеподписавшійся, купеческій сынъ Андрей Титовъ, сынъ Брусковъ, обязуюсь жениться на дочери титулярнаго совѣтника, дѣвицѣ, Елизаветѣ Ивановнѣ Ивановой, въ семъ и даю сію расписку“. *(Перестаетъ читать и снимаетъ очки.)*

Аграфена Платоновна.

Понялъ?

Тить Титычъ.
Какъ не понять! Это, то-есть, насчетъ грабежу. Ну, народецъ! Чтò-жъ вы съ эвтой бумагой дѣлать будете?

Аграфена Платоновна (*запираетъ въ столъ бумагу*).

Ужъ старикъ знаетъ, чтò дѣлать. Порядокъ извѣстный: дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ.

Тить Титычъ (*почесавъ затылокъ*).
По формѣ? Нѣтъ ужъ, лучше мы такъ, между себя сдѣлаемся.

Аграфена Платоновна.
Извѣстно, лучше; только, вѣдь, съ тобой честью-то мудрено.

Тить Титычъ.
Ужъ и вашъ-то братъ намъ солонъ приходится. А вы пожалѣйте душу человѣческую.

Аграфена Платоновна.
Чтò тебя жалѣть-то! Давай три тысячи цѣлковыхъ, вотъ и квитъ.

Тить Титычъ.
Ишь ты, ишь ты заломила! Вѣдь, я не самъ деньги-то дѣлаю; трудами доставалъ, потомъ.

Аграфена Платоновна.
Да, потѣете вы въ трактирѣ за чаемъ. Ты лучше и не торгуйся; а то самъ придетъ, пожалуй, и трехъ не возьметъ. Ужъ это я такъ беру смѣлость, хочу безъ него дѣло сдѣлать.

Тить Титычъ.
Полтора́ста рубликовъ.
Аграфена Платоновна.
Чтò? За такое дѣло полтора́ста рублей! Да какъ у тебя языкъ-то поворотился!

Тить Титычъ.
За чтò деньги-то давать, ты сама разсуди. Вѣдь, задаромъ-то жалко.

Аграфена Платоновна.
За чтò? За твое нравство! Не ходи по лавкѣ... Говорю, не торгуйся, а то прогоню; такъ ни съ чѣмъ уйдешь.

Тить Титычъ.

Ты меня выведешь изъ терпимости, въ тѣ поры я въ себѣ не властенъ: я тебя прибую.

Аграфена Платоновна.

Любопытно это будетъ посмотрѣть! Я карауль-то на всю Зацѣпу закричу. Свяжемъ тебѣ лапки назадъ, да еще три тысячи заплатишь.

Тить Титычъ.

Надоѣла ужъ ты мнѣ. Говори послѣднюю цѣну.

Аграфена Платоновна.

Послѣднюю?

Тить Титычъ.

Да, послѣднюю.

Аграфена Платоновна.

Безъ разговору—двѣ тысячи.

Тить Титычъ.

Возьми пятьсотъ.

Аграфена Платоновна.

И говорить не хочу, что за торговля! (Молчаніе.) Ну, давай полторы.

Тить Титычъ.

Семьсотъ-пятьдесятъ.

Аграфена Платоновна.

Ну, вотъ тебѣ послѣднее слово: тысячу рублей — и ни копейки меньше.

Тить Титычъ.

Ни копейки?

Аграфена Платоновна.

Ни копейки.

Тить Титычъ.

Ну, по рукамъ!

Аграфена Платоновна.

Давай деньги.

Тить Титычъ

Давай бумагу.

Аграфена Платоновна.

Клади деньги на столъ, и я положу. (Тить Титычъ отсчитываетъ деньги и кладетъ на столъ, Аграфена Платоновна

вынимаетъ изъ стола бумагу. Размѣниваются. Аграфена Платоновна кладетъ деньги въ столъ и запираетъ, Титъ Титычъ кладетъ бумагу въ карманъ.)

Титъ Титычъ (садится.)

Разбойники, грабители!

Аграфена Платоновна.

Ну, теперь ступай съ Богомъ. Дѣла всѣ покончили, больше не объ чемъ съ тобой толковать.

Титъ Титычъ.

Нѣтъ, погоди, дай хоть поругаться-то за свои деньги. Разбойники, грабители! За что только вы съ насъ денегъ не берете? Обмануть, ограбить, обольстить челоуѣка!

Аграфена Платоновна.

Какъ съ тебя не взять-то! Вѣдь, ужъ ты жила извѣстный, самъ норовишь на грошъ пятаковъ купить. (Лизавета Ивановна проходитъ изъ боковой двери въ переднюю.) Должно быть, старикъ пришелъ. Ступай, ступай!

Титъ Титычъ.

Обманули мальчишку, дурака, опутали, а съ отца деньги взяли. Честно это, благородно? А еще благородствомъ похвалаетесь! (Иванъ Ксенофонтычъ и Лизавета Ивановна входятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Титъ Титычъ, Аграфена Платоновна, Лизавета Ивановна и Иванъ Ксенофонтычъ.

Лизавета Ивановна.

Папаша, посмотри, что у насъ дѣлается. (Иванъ Ксенофонтычъ молча смотритъ на Брускова.)

Титъ Титычъ.

Ты что на меня смотришь? На мнѣ, братъ, ничего не написано. Деньги-то взять умѣли! Вы меня хоть попотчуйте чѣмъ за мои деньги-то.

Иванъ Ксенофонтычъ (смотритъ на всѣхъ вопросительно).

Онъ сумасшедшій? Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь, оставьте насъ.

Титъ Титычъ.

Обобрали, а теперь гоните. (*Показывая на Лизавету Ивановну.*) Ишь, какая красавица! Какъ не прельститься на нее. Ловушку для нашего брата подстроили. У васъ тутъ такая шайка подобрана, что вы и старика какого изъ ума выведете, а не то что мальчишку глунаго.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Поди вонъ!

Титъ Титычъ.

Что ты кричишь-то! И, вѣдь, ничего, я такъ, шучу съ тобой.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Поди вонъ, говорю я тебѣ.

Титъ Титычъ (*встаетъ*).

Пойду. (*Подходитъ къ Ивану Ксенофонтычу и ударяетъ его по плечу.*) Поѣдемъ ко мнѣ! Выпьемъ вмѣстѣ, пріятели будемъ. Чтò ссориться-то!

Иванъ Ксенофонтычъ.

Уйди ты отъ насъ.

Титъ Титычъ.

Ну, прощай. (*Подходитъ къ двери*) Ишь, ты какой сердитый! Да ужъ теперь не испугаете. Вотъ она, бумага-то, здѣсь въ карманѣ. Разбойники, грабители! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Иванъ Ксенофонтычъ, Лизавета Ивановна и
Аграфена Платоновна.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Чтò это за человѣкъ?

Аграфена Платоновна.

Титъ Титычъ Брусковъ, Андрюшинъ отецъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Чтò онъ говорилъ? Какія деньги? Какіе грабители? Кто его ограбилъ?

Аграфена Платоновна.

Ну, да за дѣло, чтобъ не шумѣлъ въ чужомъ домѣ. За

дѣло ему! Такъ ихъ и надо. Я-таки признаться, сорвала съ него малую толику. Жаль, что мало! Намъ годится, а съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Да за что?

Аграфена Платоновна.

Все жалѣючи васъ, Иванъ Ксенофонтычъ, да вашу дочку; глядя на вашу бѣдность, рѣшилась на такое дѣло. Что-жь, вѣдь, тутъ дурного ничего нѣтъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Да какимъ образомъ? Не мучьте вы меня, говорите.

Аграфена Платоновна.

А вотъ какимъ образомъ: какъ Андрюша-то ужъ очень влюбленный былъ, вотъ какъ-то разъ и зашелъ ко мнѣ и расплакался, а я ему нарочно и говорю: тебѣ, молъ, нельзя къ намъ ходить, будутъ сосѣди говорить и то и сѣ. Что хорошаго! Наше, молъ, дѣло женское, мы никакого такого разговору про себя не хотимъ. Ты, говорю, оставь, не ходи. Онъ это, сударь мой, сталъ меня просить, плакать, руки цѣловать. Я взяла подпоила его, да и говорю: все можетъ, Андрюша, случиться, отецъ твой не нынче, завтра умереть, ты будешь на волѣ, тогда, пожалуй, насъ съ Лизаветой Ивановной и забудешь, другихъ найдешь. А онъ-то божится, онъ-то разныя клятвы произносить. А у меня на ту пору случись листъ гербовой бумаги.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Ну!

Аграфена Платоновна.

Ну, я своей рукой написала расписку, что онъ обѣщается жениться на Лизаветѣ Ивановнѣ, все какъ слѣдуетъ, по формѣ, а онъ и подписалъ.

Лизавета Ивановна.

Какой стыдъ! Какой срамъ! Папаша, что мнѣ дѣлать!
(Рыдая, падаетъ на грудь отцу.)

Иванъ Ксенофонтычъ.

Ну, ну...

Аграфена Платоновна.

Ну, вотъ за это и взяла съ Тита Титыча тысячу цѣлковыхъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

А расписка гдѣ?

Аграфена Платоновна.

Я ему отдала.

Иванъ Ксенофонтычъ (*обнимая дочь*).

Бѣдное дитя мое! (*Плачетъ.*)

Аграфена Платоновна.

Да объ чемъ вы плачете?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Куда намъ дѣться съ тобой отъ грубости, отъ оскорбленій, отъ невѣжества!

Лизавета Ивановна.

Папаша, уѣдемъ отсюда поскорѣй!

Иванъ Ксенофонтычъ.

Уѣдемъ, уѣдемъ,

Лизавета Ивановна.

Ты поди, брось ему деньги. (*Садится у стола.*)

Иванъ Ксенофонтычъ.

Да, и расписку возьму. Онъ мнѣ ее отдастъ, я ему деньги возвращу. Какъ ты думаешь, вѣдь, онъ отдастъ? Отдастъ? Онъ не смѣетъ не отдать—мы не виноваты! Я разорву ее, вотъ и конецъ, и не объ чемъ намъ плакать съ тобой! (*Къ Аграфенѣ Платоновнѣ.*) Подай деньги!

Аграфена Платоновна.

Иванъ Ксенофонтычъ, пригодятся.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Подай деньги! Подай!

Аграфена Платоновна (*вынимая изъ стола*).

А чѣмъ завтра топить будете? (*Отдаетъ.*)

Иванъ Ксенофонтычъ.

Прощай, Лиза!

Лизавета Ивановна.

Прощай, папаша. (*Обнимаетъ его. Идутъ къ двери.*)
Поди, выкупай наше безчестье.

Аграфена Платоновна (*вслѣдъ имъ*).

Вотъ хлопочи для людей, старайся, сама-жъ виновата останешься. Кто же васъ зналъ, что вы такіе сумасшедшіе!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА ВО ВТОРОМЪ ДѢЙСТВІИ.

*Титъ Титычъ Брусковъ.**Настасья Понкратъевна, жена его.**Андрей Титычъ**Капитонъ Титычъ*

} сыновья ихъ.

*Ненила Сидоровна, знакомая Брусковой.**Иванъ Ксенофонтычъ Ивановъ.**Захаръ Захарычъ, стряпчій.**Луша, горничная дѣвушка.*

Богатая гостиная въ домѣ купца Брускова.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

*Луша, (стираетъ пыль) и Капитонъ Титычъ (крадется къ двери.)**Капитонъ Титычъ.**Луша, здѣсь никого нѣтъ?**Луша.**Никого.**Капитонъ Титычъ.**Какъ тутъ хорошо, просторно, а въ кухнѣ сегодня угарно. Чтò въ кухнѣ-то сидѣть за охота. Я такой же сынъ, какъ и Андрюша, а меня все въ кухнѣ взаперти держать.**Луша.**Захотѣлъ ты сравняться съ Андреемъ Титычемъ! Андрей Титычъ у насъ молодецъ, а ты чтò? Такъ, дурачокъ.**Капитонъ Титычъ.**Да, дурачокъ, какъ же! У васъ будешь дурачокъ. На цѣпь еще посадите. (Ходитъ по комнатѣ и дѣлаетъ трагическіе жесты.)**Луша.**Купидонъ Титычъ, представь что-нибудь изъ тіатральнаго**Капитонъ Титычъ (становится въ позу).**„Прочь съ дороги! Посторонитесь! Левъ ушелъ изъ клѣтки! Быкъ съ бойни сорвался! Посторонитесь!“ (Разгорячившись.)*

Давай теперь сюда, кто меня дуракомъ сдѣлалъ, убью съ разу. (Луша хохочетъ, Капитонъ Титычъ, услышавъ, что идутъ, крадется къ двери и скрывается. Настасья Панкратьевна и Ненила Сидоровна входятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Луша.

Настасья Панкратьевна.

Милости просимъ, Ненила Сидоровна, садиться покорнѣйше прошу. Луша, принеси-ка намъ вареньица.

Луша.

Сейчасъ-съ. (Уходитъ.)

Настасья Панкратьевна.

Какъ дѣла ваши?

Ненила Сидоровна.

Дѣла ничего, слава Богу. Одна печаль у меня: дочерей больно много.

Настасья Панкратьевна.

Видно, матушка, Ненила Сидоровна, всякому своя ноша тяжела. Вотъ вы объ дочеряхъ, а я о сыновьяхъ. Чтò у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. А по-моему, дочери, все-таки, легче.

Ненила Сидоровна.

Глазъ да и глазъ нужно, Настасья Панкратьевна. Вѣдь, нынче время-то такое! Люди-то какіе! Вѣрите ли, боишься въ садъ выпустить.

Настасья Панкратьевна.

Чтò дочери! Дочерей и запереть можно, да и хлопотъ съ ними меньше, ни учить, ни чтò. Ну, конечно, замужъ выдавать хлопотно, возни много. А вамъ и то сполáгоря, Ненила Сидоровна, вѣдь, вы денегъ много даете за дочерьми-то, такъ вамъ нечего бояться, что въ дѣвкахъ засидятся.

Ненила Сидоровна.

Про это чтò толковать. Дочь не домашній товаръ; какъ не какъ, а надо съ рукъ сбывать. Ну, тамъ ужъ не наша бѣда; живи, какъ хочешь. А покедова то вотъ! Вѣдь, у насъ приказчики, ну, и другого посторонняго народу много.

Настасья Панкратьевна.

Присмотръ нуженъ, я про это вамъ и докладываю, за то ужъ больше-то никакихъ хлопотъ. Мальчики, вѣдь, на волѣ, Ненила Сидоровна, какъ за ними усмотришь; вездѣ ходятъ. У меня всего-то два сына: Андрюша да Купидоша, да и то голова кругомъ идетъ. Андрюша мальчикъ шустрый, проворный, до всего понятливый, такъ, сударыня моя, отъ дому совсѣмъ отбивается; то не хорошо, другое не по немъ, учиться, говорить, хочу. Чтò-жъ, мы развѣ его не учили! И рихметикъ и грамматикъ гимназистъ училъ. На чтò ему много-то знать? И такъ боекъ, а какъ обучать-то всему, тогда съ нимъ и не сговоришь; онъ мать то и уважать не станетъ; хоть изъ дому бѣги.

Ненила Сидоровна.

Да, вотъ насчетъ ученья-то. У насъ сосѣдка отдала сына учиться, а онъ глазъ и выкололъ.

Настасья Панкратьевна.

Это долго ли. А вотъ теперь влюбился. Да въ кого, Ненила Сидоровна, въ кого! Во чтò влюбиться-то! Такъ, одна непокорность къ родителямъ.

Ненила Сидоровна.

Въ кого же, Настасья Панкратьевна? Скажите по секрету.

Настасья Панкратьевна.

Чтò за секретъ; весь околотокъ въ трубы трубить. Знаете учителя Иванова, такъ въ его дочь; ну, и погибаетъ совсѣмъ.

Ненила Сидоровна.

Знаю, знаю, видала. Скажите! Гдѣ же глаза-то у него были! Такъ твореніе какое-то... ни живности, ничего.

Настасья Панкратьевна.

Ну, вотъ сами разсудите.

Ненила Сидоровна.

Чтò говорить!

Настасья Панкратьевна.

Каково матери-то?

Ненила Сидоровна.

Подсыпали чего-нибудь. Это бываетъ.

Настасья Панкратьевна.

Ужъ я и сама такъ думаю.

Ненила Сидоровна.

А вы вотъ что... не хорошо только говорить-то...

Настасья Панкратьевна.

Ничего.

Ненила Сидоровна.

А съ-разу снимаетъ. (*Шепчетъ ей на ухо.*)

Настасья Панкратьевна.

Помогаетъ?

Ненила Сидоровна.

Помогаетъ. То-то вотъ, хитры они, анъ хитрѣй ихъ есть. На всякій приворотъ средство есть; только знать нужно. Я много знаю: и отъ глазу, и отъ запоя, и противъ бородавокъ у меня симпатія есть.

Настасья Панкратьевна.

Такъ надоть попробовать, а то что хорошаго! Мы теперь его женить хотимъ; намъ надо неvěсту съ большими деньгами, потому сами богаты. Что за неволя намъ бѣдную-то брать.

Ненила Сидоровна.

Разумѣется.

Настасья Панкратьевна.

Ну, вотъ, матушка моя, теперь есть такая на примѣтѣ, отецъ нашель; а онъ скрывается отъ отца-то. Всякая мать баловница; другой разъ расплачется, глядишь, и жалко, и сама его прикрываю по малости. А все-таки, не хорошо.

Ненила Сидоровна.

Нельзя похвалить.

Настасья Панкратьевна.

А другой, Купидоша, такъ совсѣмъ какой-то ума рехнувшій по театру. Да табакъ курить, Ненила Сидоровна, такой крѣпкій, просто дышать нельзя. Въ комнатахъ такого курить нельзя ни подъ какимъ видомъ, кого хочешь стошнить, — такъ все больше въ кухниъ пребываетъ. Вотъ иногда скучно, позовешь его, а онъ-то и давай кричать по-тіатральному, ну, и утѣшаешься на него. Съ пѣвчими поетъ басомъ, голосъ такой громкій, такъ какъ словно изъ ружья выпалить.

Ненила Сидоровна.

Говорятъ, маленькихъ нехорошо по головѣ бить, глупѣютъ отъ этого.

Настасья Панкратьевна.

Кто ихъ знаетъ, можетъ, и правда. (*Капитонъ Титычъ вылядываетъ изъ-за двери.*) Да вотъ онъ.

Ненила Сидоровна.

Кто? Дурачокъ-то? Позовите, Настасья Панкратьевна.

Настасья Панкратьевна.

Купидоша, Купидоша! (*Капитонъ Титычъ робко входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и
Капитонъ Титычъ.

Настасья Панкратьевна.

Что ты, Купидоша?

Капитонъ Титычъ.

Я такъ, ничего... Пятачокъ мнѣ надо.

Настасья Панкратьевна.

На что?

Капитонъ Титычъ.

Табачку купить... Безъ табаку-то скучно.

Настасья Панкратьевна.

Ну, хорошо, дамъ. Представь что-нибудь намъ съ Ненилой Сидоровной.

Капитонъ Титычъ (*трагически*).

„Изумлю міръ злодѣйства, и упокойники въ гробахъ спасибо скажутъ, что умерли!“

Ненила Сидоровна.

Что это, матушка! Что это такое! Страсть какая! Онъ у васъ, должно быть, порченый! (*Андрей Титычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, НЕНИЛА СИДОРОВНА,
КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ И АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Настасья Панкратьевна.

А вотъ мой другой сынъ, Немила Сидоровна.

Ненила Сидоровна.

Этотъ умный?

Настасья Панкратьевна.

Умный. (Сыну.) Отецъ тебя нынче цѣлый день ищетъ, никакъ хочетъ вечеромъ къ невѣстѣ ѣхать.

Андрей Титычъ.

Я опять убѣгу-съ.

Настасья Панкратьевна.

Что ты, что ты! Ужъ отъ своей судьбы не уйдешь! Что кому суждено, тому и быть.

Андрей Титычъ.

Да почему же вы, маменька, знаете, что мнѣ суждено жениться на дурѣ неотесанной!

Настасья Панкратьевна.

Ну, вотъ, изволите видѣть, Немила Сидоровна, можно съ нимъ разговаривать?

Ненила Сидоровна.

Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

Настасья Панкратьевна.

Что ты, умнѣй отца съ матерью хочешь быть! Выше лба глаза не растутъ, яицы курицу не учать.

Андрей Титычъ.

Маменька, да, вѣдь, мнѣ съ ней жить-то будетъ!

Настасья Панкратьевна.

Какъ ты можешь грубить! Кто съ тобой говорить-то? Мать, али нѣтъ? Долженъ ты это понимать.

Андрей Титычъ.

Да что понимать-то? Понимать-то нечего.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ видите, какую заразу на него напустили.

Ненила Сидоровна.

Послушайте, молодой человѣкъ, я постарше васъ, всѣ эти штуки, всѣ эти подходы и всѣ эти дѣла видала.

Настасья Панкратьевна.

Такъ, такъ, Ненила Сидоровна. А ты слушай, что старшіе-то говорятъ. И ты тоже, Купидоша. Все это вамъ на пользу.

Андрей Титычъ.

Да что слушать-то? Слыхалъ я эти разговоры-то.

Настасья Панкратьевна.

Не груби, говорю тебѣ, не груби!

Ненила Сидоровна.

Молодой человѣкъ, вы мало жили, мало видѣли свѣтъ; вы еще не знаете, какъ люди хитры.

Настасья Панкратьевна.

Да, да. У насъ у кучера поддевку украли въ одну минуточку. И кто же укралъ-то? Пріятель его.

Ненила Сидоровна.

Вотъ вы теперь влюблены, мнѣ ваша маменька говорила: вы думаете, это спроста?

Андрей Титычъ.

Этотъ разговоръ надоть кончить-съ.

Ненила Сидоровна.

Нѣтъ, позвольте-съ. Мы тоже бывали молоды, у меня у самой семь дочерей.

Настасья Панкратьевна.

Да, да, вотъ слушай, что умные-то люди говорятъ, и ты тоже, Купидоша, слушай.

Ненила Сидоровна.

Будемъ прямо говорить. Кругомъ васъ, по сосѣдству, есть какіе грузди! Изъ всякаго сословія. Ужъ можно сказать, что наша сторона этимъ отличается! Чего-бъ, кажется, лучше! Такъ нѣтъ, вамъ не по сердцу. А эта что? Диви бы собой... (*дѣлаетъ жестъ руками*) или что другое! Вотъ только стыдно

говорить-то, а то бы сказала. Во что влюбиться-то молодому человѣку?

Настасья Панкратьевна.

Да, да.

Ненила Сидоровна.

Значить, механика и выходить... съ ихъ стороны.

Андрей Титычъ.

Говорите, что угодно, мнѣ все равно-съ. Ей моею женой не быть. Такія дѣвушки не про насъ-съ. Гдѣ намъ, дуракамъ! Мы ихъ и понимать-то не умѣемъ. Говорить-то всякій умѣетъ, кто почаще, кто порѣже, да толку-то въ этомъ немного; слушать-то нечего. Вотъ кабы я умѣлъ вамъ объяснить, какая въ этомъ разница — образованная дѣвушка, или необразованная, такъ бы другой разговоръ былъ. А то не умѣю. Да хоть бы и умѣлъ, такъ вы не поймете ничего. Значить, лучше молчать.

Ненила Сидоровна (*Настасья Панкратьевна*).

Попробуйте, что я говорила.

Настасья Панкратьевна.

Непремѣнно попробую.

Андрей Титычъ.

Вы хотите меня теперича женить, такъ найдите невѣсту, чтобъ хоть мало-мальски была на человѣка похожа. Я, пожалуй, женюсь, вѣдь, ужъ не отбѣгаешься. А эта ваша мнѣ ужъ очень противна. Маменька, спрячьте меня куда-нибудь отъ тятеньки! А то ужъ жените, что ли, поскорѣй, чтобъ я не мучился.

Настасья Панкратьевна.

Какая же въ этомъ мѣла, глупый? Ничего, окромя хорошаго. Ты, я вижу, такой же дуракъ, какъ и Купидошка.

Капитонъ Титычъ.

„Умолкни, чернь непросвѣщенна!“

Настасья Панкратьевна.

Полно орать-то! Ишь затрубилъ.

Капитонъ Титычъ.

Братъ, дай три гривенника, пойду нынче въ театръ, душу отвести.

Андрей Титычъ.

На, Капитоша. (*Достаетъ деньги изъ кармана и отдаетъ Капитону Титычу.*)

Луша (*вбѣгая*).

Самъ прѣхаль! (*Уходитъ, Капитонъ Титычъ за ней прокрадывается въ дверь.*)

Настасья Панкратьевна (*Андрею Титычу*).

Поди, спрячься въ спальню, тамъ и сиди. Я скажу, когда выйти. (*Андрей Титычъ уходитъ.*)

Ненила Сидоровна.

Прощайте, Настасья Панкратьевна. Къ намъ какъ-нибудь.

Настасья Панкратьевна.

Прощайте, Ненила Сидоровна. Вы такая, право, умная и обходительная женщина, что мнѣ завсегда очень пріятно васъ видѣть. Я, признаться вамъ сказать, сама-то не изъ дальнихъ, вѣдь, ужъ не скроешь; такъ мнѣ лестно позаняться отъ умныхъ-то. Какъ-нибудь на-дняхъ безпремѣнно заѣду. (*Провожаетъ ее до двери. Ненила Сидоровна уходитъ. Титъ Титычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Настасья Панкратьевна и Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ (*садится молча на стулъ*).

Фу ты, чортъ возьми! Впервой отъ роду со мной такая бѣда! Меня не уважать! Меня ругать! Меня! Брускова! Нѣтъ, погоди!

Настасья Панкратьевна.

Кто тебя не уважилъ, Кить Китычъ? Кто смѣлъ?

Титъ Титычъ.

Молчи, не твое дѣло! За мои же деньги да меня обругали! Меня выгнали! (*Топаетъ ногой.*) Живъ быть не хочу! Настасья!

Настасья Панкратьевна.

Что прикажете, Кить Китычъ?

Титъ Титычъ.

Отыскать Захарыча сію минуту.

Настасья Панкратьевна.

Да онъ тутъ гдѣ-то путается; я его въ окно сейчасъ видѣла. (*Подходитъ къ окну.*) Эй, Луша! (*За сценой смѣхъ.*) Что ты тамъ съ молодцами все играешь! Нѣтъ на васъ времени! (*Луша за сценой: „Я ничего-съ. Чего изволите?“*) Сыщи сейчасъ Захарыча да приведи сюда.

Тить Титычъ.

Чтобъ я перенесъ такую обиду надъ собой! Отъ дряни, отъ училишки! Да что-жъ это за времена пришли! Нѣтъ, стой! Я съ роду ни отъ кого обиды не видывалъ. Настасья! Смѣетъ меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна.

Никто, батюшка, Кить Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

Тить Титычъ.

Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денегъ заплатилъ на своемъ вѣку.

Настасья Панкратьевна.

Много, Кить Китычъ, много.

Тить Титычъ.

Молчи! Они только тѣмъ и взяли, что я въ чужой квартирѣ былъ. А ты, поди-ка, здѣсь со мной потолкуй, такъ я тебя уонтентую по-своему (*Захаръ Захарычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тить Титычъ, Настасья Панкратьевна и Захаръ Захарычъ.

Тить Титычъ.

Эй ты, Сахаръ Сахарычъ, благодѣтель я тебѣ, али нѣтъ?

Захаръ Захарычъ.

Благодѣтель, батюшка, Тить Титычъ.

Тить Титычъ.

Ты человѣкъ вниманія нестоющій, потерянный человѣкъ, а я тебя призрѣлъ. Не гнушаюсь тобой, къ себѣ въ домъ пущаю. (*Захаръ Захарычъ кланяется.*) Дочь твою при-

строилъ... за межевого, за вольнопрактикующаго. Ужъ не моя это вина, что онъ пьяница.

Захаръ Захарычъ.

Былъ вольнопрактикующій, а теперь праздношатающійся.

Титъ Титычъ.

Все-таки, я тебѣ благодѣтель. А ты отчего у меня давно не былъ?

Захаръ Захарычъ.

Нѣтъ никакихъ возможностей, Титъ Титычъ, терпѣнья никакого не хватаетъ. Мальчишки очень одолѣваютъ. Какъ только къ рынку подходишь, и откуда ихъ нанесетъ, туча тучей, бѣгутъ, укаютъ: у-у-у-у. Приказчики изъ лавокъ под-свищутъ: такой гамъ подымутъ, что сквозь землю провались.

Титъ Титычъ.

А ты вечеромъ ходи. Да не въ томъ дѣло. Можешь ты такое прошеніе написать, чтобы въ Сибирь сослать по этому прошенію?

Захаръ Захарычъ.

Кого, Титъ Титычъ?

Титъ Титычъ.

Троихъ человѣкъ. Тебѣ все равно, что одного, что троихъ?

Захаръ Захарычъ.

Все равно, Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ.

Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку ихъ. Я такъ хочу.

Захаръ Захарычъ.

Что же писать прикажете?

Титъ Титычъ.

А ты вотъ что пиши: что обидѣли такого-то купца, а съ сына онаго купца учитель, противъ всякихъ правъ, взялъ расписку, чтобы жениться на его дочери. Вотъ тебѣ и расписка. Я никакихъ денегъ не пожалѣю, коли сдѣлаешь. Можешь ты это сдѣлать?

Захаръ Захарычъ.

Могу-съ.

Титъ Титычъ.

Ну, такъ садись и пиши при мнѣ. Вотъ тебѣ чернила и бумага на столѣ. (*Захаръ Захарычъ садится за столъ.*) Да дай ему графинъ водки!.. Нѣтъ, не надо.

Захаръ Захарычъ.

Для воображенія, Титъ Титычъ!

Титъ Титычъ.

Нѣтъ, послѣ, а то я тебя знаю. (*Женъ.*) Ну, теперь ты мнѣ сына подай. (*Захару Захарычу.*) А ты строчи!

Настасья Панкратьевна.

Да его нѣту дома, Кить Китычъ.

Титъ Титычъ.

Настасья! Кто я?

Настасья Панкратьевна.

Кить Китычъ Брусковъ.

Титъ Титычъ.

Чтò я приказываю? Ты знаешь, у меня слово—законъ!

Настасья Панкратьевна.

Слушаю, Кить Китычъ. (*Подходитъ къ двери.*) Андрюша, Андрюша, поди, отецъ кличетъ. (*Андрей Титычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна, Захаръ Захарычъ и Андрей Титычъ

Титъ Титычъ.

Ну, Андрей, чтò мнѣ теперича съ тобой дѣлать?

Андрей Титычъ.

Чтò вамъ угодно-съ, вся ваша воля.

Титъ Титычъ.

Ты благодари Бога, что сердце у меня прошло. Попадись ты мнѣ давеча, я бы тебя изуродоваль. Ты для чего скрываешься?

Андрей Титычъ.

Тятенька, можно съ вами говорить откровенно?

Титъ Титычъ.

Ты, что хочешь, говори, только дѣло, а то смотри!

Андрей Титычъ.

Я вамъ, тятенька, во всю жизнь свою ни въ одномъ словѣ не перечилъ.

Титъ Титычъ.

Еще бы ты смѣлъ!

Андрей Титычъ.

Конечно, я долженъ повиноваться своимъ родителямъ. А коли которую вы мнѣ теперь невѣсту сватаете, да ежели она мнѣ не нравится, что же долженъ я дѣлать?.. На всю жизнь страждать? Ежели мнѣ нравится другая?

Титъ Титычъ.

Знаю, знаю.

Андрей Титычъ.

Почемъ же вы ихъ знаете?

Титъ Титычъ.

Сейчасъ самъ былъ у нихъ.

Андрей Титычъ.

А сами видѣли, такъ лучше всего-съ. Истинно достойная дѣвушка, можно чести приписать. Не то что...

Титъ Титычъ.

Вотъ я тебѣ такое достоинство задамъ! Ты ужъ лучше меня не серди. Молчи, я тебѣ говорю! Вонъ, видишь, строчило писать. Это вотъ прощеніе на нихъ. (*Захаръ Захарычу.*) Пиши хорошенько! (*Сыну.*) Они съ тебя, дурака, расписку взяли, а съ меня за нее тысячу цѣлковыхъ вытребовали.

Андрей Титычъ.

Кто же это-съ?

Титъ Титычъ.

Все они же. И красавица твоя тутъ же. Такъ васъ, дураковъ, и обманываютъ. А ты ротъ-то разинулъ, ты думаешь, тебя такъ, даромъ стануть любить, на красоту свою надѣешься. Какъ же не такъ. Еще хорошо, что на тысячѣ помирились, а то заломили было три.

Андрей Титычъ.

Кому-жъ теперь на свѣтѣ вѣрить послѣ этого! Истинная правда, тятенька, что насъ кругомъ обманываютъ.

Титъ Титычъ.

Вотъ для этого-то для самаго я и хочу тебя женить, чтобы ты не баловался. Ну, теперь что ты еще будешь разговаривать, я послушаю.

Андрей Титычъ.

Ничего не могу говорить противъ васъ, потому самъ кругомъ виноватъ-съ.

Титъ Титычъ.

Такъ-то вотъ лучше. Собирайся къ невѣстѣ. (*Иванъ Ксенофонтычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна, Андрей Титычъ, Захаръ Захарычъ и Иванъ Ксенофонтычъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Милостивый государь, извините, я ничего не зналъ...

Титъ Титычъ.

А, теперь извините, за разумъ взялся! Нѣтъ, ужъ поздно. Видишь, вонъ пишетъ! Это прошеніе на васъ съ дочерью.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Милостивый государь, ни я, ни дочь тутъ ни въ чемъ не виноваты. Это, безъ нашего вѣдома, сдѣлала глупая женщина... Мы живемъ смирно, мы никого не трогаемъ, мы занимаемся своимъ дѣломъ.

Титъ Титычъ.

Знать ничего не хочу!

Андрей Титычъ.

Тятенька, что-жъ вы мнѣ говорили? Вотъ она правда-то, наружу выходитъ.

Титъ Титычъ (*топнувъ*).

Молчи, не дыши!

Иванъ Ксенофонтычъ.

Вотъ ваши деньги, возьмите ихъ.

Титъ Титычъ.

Деньги! Ты деньги принесъ? Что за диковина такая! Деньги назадъ принесъ! Тутъ нѣтъ ли подвоху какого? Сахарычъ, какъ ты думаешь, взять деньги, али нѣтъ? Обману нѣтъ ли?

Захаръ Захарычъ.

Деньги возьмите, ничего.

Титъ Титычъ.

Ну, давай деньги. (*Иванъ Ксенофонтычъ отдаетъ.*) Всѣ ли? На, Андрей, сочти.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Всѣ, всѣ. Не мучьте вы меня, не считайте.

Титъ Титычъ.

Такъ тебѣ и повѣрить! Какъ же!

Андрей Титычъ.

Всѣ-съ.

Титъ Титычъ (*беретъ деньги*).

Ну, теперь ступай! А за обиду я съ тобой разочтусь. Видишь, пишетъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Отдайте мнѣ расписку.

Титъ Титычъ.

Какую это расписку? Чтò Андрей-то далъ?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Эту самую.

Титъ Титычъ.

Чтò, ты очумѣлъ, чтò ли. Слышишь, Сахаръ Сахарычъ, расписку просить.

Захаръ Захарычъ.

Какъ можно-съ! Онъ ее представить, тогда хлопотъ-то не оберешься.

Титъ Титычъ.

Ишь, ты что выдумалъ! Какую штуку гнетъ! Нѣтъ, братъ, насъ не надуешь! Мы тоже волки-то травленные! (*Смотритъ на него.*) Ха-ха-ха-ха-ха!

Захаръ Захарычъ (*тоже глядя на Ивана Ксенофонтыча*).

Ха-ха-ха-ха-ха!

Титъ Титычъ.

Онъ, должно быть, для того и деньги-то принесъ, чтобы расписку выручить, а потомъ за нее вдвое заломить. Ему мало показалось. Надувательная система.

Иванъ Ксенофонтычъ (*потерявшись*).

Нѣтъ, я потому деньги принесъ, что намъ чужихъ не надобно... мы живемъ бѣдно... мы живемъ своими трудами... мы смирно живемъ. Я вамъ еще денегъ принесу, сколько у меня есть... я достану, заработаю.

Титъ Титычъ.

Ишь ты, какъ распѣваетъ. Ха-ха-ха!

Захаръ Захарычъ.

Ха-ха-ха!

Иванъ Ксенофонтычъ (*бросается къ Титу Титычу*).

Подай расписку, подай! Я у васъ отниму ее, я вырву... мое дѣло правое... мы не виноваты...

Титъ Титычъ (*отстраняя его рукой*).

Тише, тише! Сахарычъ! Ловкій народъ, а? Ха-ха-ха!...

Захаръ Захарычъ.

Ха-ха-ха!

Иванъ Ксенофонтычъ (*падая на колѣни*).

Отдайте, Христа ради, отдайте! Я ее изорву, при васъ же изорву.

Андрей Титычъ.

Маменька, попросите. У меня сердце все изорвалось, да говорить-то я не смѣю.

Настасья Панкратьевна.

Отдайте, Китъ Китычъ. Вѣдь, онъ старичокъ, жалко старичка-то.

Титъ Титычъ.

Ты молчи! Не твое дѣло... Аль отдать? Сахарычъ, отдать?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Отдайте, отдайте! Я не выду безъ этого! Какъ мнѣ показать глаза дочери! Это сдѣлала глупая хозяйка. Развѣ моя Лиза можетъ? Она плачетъ теперь... Да что я говорю! Гдѣ я говорю объ ней! Я съ ума сойду!...

Захаръ Захарычъ.

Ни, ни, ни!...

Титъ Титычъ.

А я говорю, что отдать. Ты молчи, не смѣй разговаривать! А то еще дѣло заводить, путаться. Какъ же, нужно очень!

Захаръ Захарычъ.

Чтò вамъ дѣла бояться! Наше дѣло правое. Я за него возьмусь.

Титъ Титычъ.

Да, тебѣ еще деньги платить! Нѣтъ! не надо! Подай расписку. (*Захаръ Захарычъ подаетъ.*) Ступай домой, прощай! Когда надо будетъ, пришлю. Улепетывай! (*Захаръ Захарычъ беретъ картузъ и становится у двери. Учителю.*) Такъ ты говоришь, что вы не знали этого дѣла?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Не знали, не знали.

Титъ Титычъ.

Значить, это хозяйка обработала. Ну, бой-баба! На твою расписку. Я не въ тебя. (*Подаетъ расписку.*)

Иванъ Ксенофонтычъ (*разрываетъ ее и съ хохотомъ топчетъ ногами*).

Будьте вы прокляты! Какъ это васъ земля-то терпитъ! Какъ эти стѣны не обвалятся на васъ! Дочь моя! Сокровище мое! (*Убѣгаетъ.*)

Титъ Тытычъ.

Чтò онъ говоритъ? Какъ онъ смѣетъ! Держи его! Вотъ видишь ты, съ какой сволочью связываешься. Подите всѣ вонъ! А ты, Андрей, собирайся къ невѣстѣ ѣхать. (*Всѣ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Титъ Титычъ одинъ.

(*Сидитъ довольно долго молча, потомъ ударяетъ кулакомъ по столу.*) Деньги и все это — тлѣнь, металлъ звенящій! По-прежнему — все останется. Такъ тому и быть. Мое слово — законъ. Жена, Андрей, подите сюда! (*Настасья Панкратьевна и Андрей Титычъ входятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна и Андрей Титычъ

Титъ Титычъ.

Андрей, я тебя отдѣляю; полтора ста тысячъ тебѣ серебра и живи, какъ знаешь.

Андрей Титычъ.

Тятенька...

Титъ Титычъ.

Молчи! Не смѣй со мной разговаривать!

Настасья Панкратьевна.

Какъ это можно, Кить Китычъ! онъ у насъ еще ребенокъ совсѣмъ.

Титъ Титычъ.

Не твое дѣло. Я мальчишкой изъ деревни привезенъ, на всѣ четыре стороны безъ копейки пущенъ; а вотъ нажилъ себѣ капиталъ и другихъ устроилъ. Хорошій человекъ нигдѣ не пропадетъ, а дурного и не жаль. Слушай ты, Андрей, вели заложить пару вороныхъ въ коляску, одѣнься хорошенько, возьми мать съ собой да поѣзжай къ учителю, проси, чтобы дочь отдалъ за тебя. Онъ человекъ хорошій.

Андрей Титычъ.

Помилуйте, тятенька, онъ и прежде-то бы не отдалъ, а теперь мнѣ и глаза показать нельзя.

Титъ Титычъ.

Я тебѣ приказываю, слышишь! Проси, кланяйся въ ноги. Онъ и постарше тебя, да кланялся. Какъ онъ смѣетъ не отдать, когда я этого желаю! Я на приданое ей денегъ дамъ. Ступай! Небось, не откажется.

Андрей Титычъ.

Да они никакихъ денегъ не возьмутъ.

Титъ Титычъ.

Молчи!

Настасья Панкратьевна.

А какъ же, Кить Китычъ, та-то невѣста?

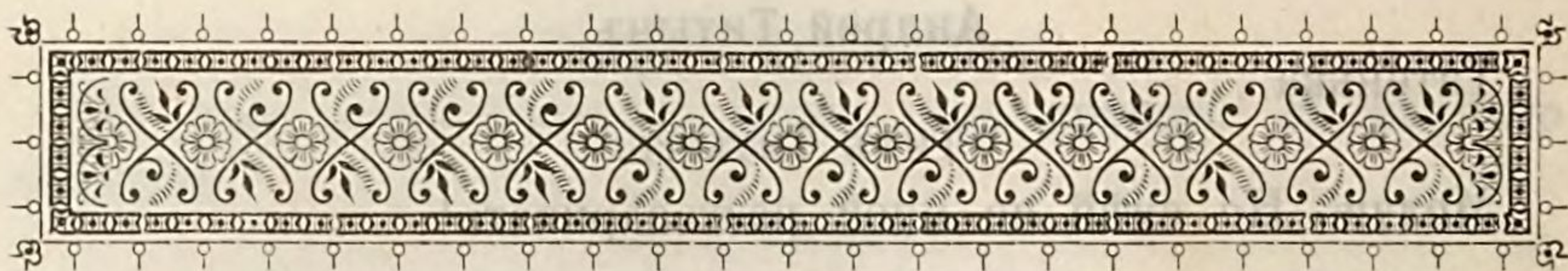
Титъ Титычъ.

Вы со мной не смѣйте разговаривать! (*Идетъ къ двери.*) Если онъ не отдастъ за тебя, ты мнѣ лучше и на глаза не показывайся (*Уходитъ.*)

Андрей Титычъ.

Что только за жизнь моя! (*Махнувъ рукой.*) Ахъ, маменька, поѣдьте! Ужъ знаю, что толку ничего не будетъ, одна мѣла. (*Уходятъ.*)

ДОХОДНОЕ МѢСТО.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА ВЪ ПЕРВОМЪ ДѢЙСТВІИ:

Аристархъ Владиміръичъ Вышневскій, одряхлѣвшій старикъ, съ признаками подагры.

Анна Павловна, жена его, молодая женщина.

Василій Николаичъ Жадовъ, молодой человекъ, племянникъ его.

Акимъ Акимычъ Юсовъ, старый чиновникъ, служащій подъ начальствомъ Вышневскаго.

Онисимъ Панфилычъ Бѣлогубовъ, молодой чиновникъ, подчиненный Юсову.

Антонъ, человекъ въ домѣ Вышневскаго.

Мальчикъ.

Большая зала въ домѣ Вышневскаго, богато меблированная. Налѣво дверь въ кабинетъ Вышневскаго, направо въ комнаты Анны Павловны; по обѣ стороны на стѣнахъ по зеркалу и подъ ними столики; прямо входная дверь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВЫШНЕВСКІЙ въ байковомъ сертукѣ и безъ парика и ВЫШНЕВСКАЯ въ утреннемъ нарядѣ. Выходятъ изъ половины Вышневской.

Вышневскій.

Какая неблагодарность! Какая злоба! (*Садится.*) Пять лѣтъ вы за мной замужемъ, и въ пять лѣтъ я не могу ничѣмъ заслужить вашего расположенія. Странно! Можетъ быть, вы недовольны чѣмъ-нибудь?

Вышневецкая.

Нисколько.

Вышневецкій.

Я думаю. Не для васъ ли я купилъ и отдѣлалъ великолѣпно этотъ домъ? Не для васъ ли я выстроилъ въ прошломъ году дачу? Чего у васъ мало? Я думаю, ни у одной купчихи нѣтъ столько брильянтовъ, сколько у васъ.

Вышневецкая.

Благодарю васъ. Впрочемъ, я ничего отъ васъ не требовала.

Вышневецкій.

Вы не требовали, но я долженъ былъ чѣмъ-нибудь вознаградить васъ за разность въ лѣтахъ. Я думалъ найти въ васъ женщину, способную оцѣнить жертвы, которыя я вамъ принесъ. Я, вѣдь, не волшебникъ, я не могу строить мраморныхъ палатъ однимъ жестомъ. На шелкъ, на золото, на соболь, на бархатъ, въ который вы окутаны съ головы до ногъ, нужны деньги; ихъ нужно доставать. А онѣ не всегда легко достаются.

Вышневецкая.

Мнѣ ничего не нужно. Я ужъ говорила вамъ не одинъ разъ объ этомъ.

Вышневецкій.

Но мнѣ нужно же, наконецъ, покорить ваше сердце. Ваша холодность меня сводитъ съ ума. Я страстный человѣкъ: изъ любви къ женщинѣ я способенъ на все! Я купилъ вамъ въ нынѣшнемъ году подмосковную. Знаете ли, что деньги, на которыя я ее купилъ... какъ бы это вамъ сказать?... ну, однимъ словомъ, я рискнулъ болѣе, нежели позволяло благоразуміе. Я могу подлежать отвѣтственности.

Вышневецкая.

Ради Бога, не дѣлайте меня участницею вашихъ поступковъ, если они не совсѣмъ честны. Не оправдывайте ихъ любовью ко мнѣ. Я васъ прошу. Для меня это невыносимо. Впрочемъ, я не вѣрю вамъ. Пока вы меня не знали, вы жили и поступали точно такъ же. Я даже передъ своею совѣстью не хочу отвѣчать за ваше поведеніе.

Вышневецкій.

Поведеніе! Поведеніе! Изъ любви къ вамъ я готовъ даже на преступленіе. Чтобы только купить вашу любовь, я го-

товъ заплатить своимъ безчестіемъ. (*Встаетъ и подходитъ къ Вышневецкой*).

Вышневецкая.

Аристархъ Владимірычъ, я притворяться не могу.

Вышневецкій (*беретъ за руку*).

Притворитесь! Притворитесь!

Вышневецкая (*отвернувшись*).

Никогда.

Вышневецкій.

Но, вѣдь, я васъ люблю!... (*Дрожа, опускается на колѣни*.) Я васъ люблю!

Вышневецкая.

Аристархъ Владимірычъ, не унижайтесь! Вамъ одѣваться пора. (*Звонитъ. Вышневецкій поднимается. Входитъ Антонъ изъ кабинета.*) Одѣваться Аристарху Владимірычу.

Антонъ.

Пожалуйте, готово-сь. (*Уходитъ въ кабинетъ. Вышневецкій идетъ за нимъ.*)

Вышневецкій (*въ дверяхъ*).

Змѣя! Змѣя! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вышневецкая (*одна, сидитъ нѣсколько времени задумавшись*).

*Входитъ мальчикъ, по-
саетъ письмо и уходитъ.*

Отъ кого это? (*Распечатываетъ и читаетъ.*) Вотъ еще мило! Любовное посланіе. И отъ кого же! Пожилой человѣкъ, жена красавица. Мерзко! Оскорбительно! Что дѣлать женщинѣ въ такомъ случаѣ? И какія пошлости написаны! Какія глупыя нѣжности! Послать его назадъ? Нѣтъ, лучше показать его кое-кому изъ знакомыхъ да посмѣяться вмѣстѣ, все-таки развлеченіе... фу, какъ гадко! (*Уходитъ. Антонъ выходитъ изъ кабинета и становится у двери; входитъ Юсовъ, потомъ Бьлогубовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Антонъ, Юсовъ и Бѣлогубовъ.

Юсовъ (съ портфелемъ).

Доложи-ка, Антоша. (Антонъ уходитъ. Юсовъ поправляется передъ зеркаломъ.)

Антонъ (въ дверяхъ).

Пожалуйте. (Юсовъ уходитъ.)

Бѣлогубовъ (входитъ, вынимаетъ изъ кармана гребенку и причесывается).

Что, Акимъ Акимычъ здѣсь-съ?

Антонъ.

Сейчасъ прошли въ кабинетъ.

Бѣлогубовъ.

А сами-то какъ сегодня? Ласковы-съ?

Антонъ.

Не знаю. (Уходитъ. Бѣлогубовъ стоитъ у стола подл. зеркала.)

Юсовъ (выходя, замѣтно важничаетъ).

А, ты здѣсь.

Бѣлогубовъ.

Здѣсь-съ.

Юсовъ (просматривая бумагу).

Бѣлогубовъ!

Бѣлогубовъ.

Чего изволите-съ?

Юсовъ.

Вотъ, братецъ ты мой, возьми домой, перепиши это почье. Приказали.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ приказали переписать-съ?

Юсовъ (сидясь).

Тебѣ. У него, сказали, почеркъ хорошъ.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ очень пріятно слышать-съ!

Юсовъ.

Такъ ты слушай, братецъ: ты не торопись. Главное, чтобы было почище. Видишь, куда посылать...

Бѣлогубовъ.

Я, вѣдь, Акимъ Акимычъ, понимаю-съ. Каллиграфически напишу-съ, всю ночь просижу.

Юсовъ (*вздыхаетъ*).

Охо-хо-хо! охо-хо-хо!

Бѣлогубовъ.

Мнѣ, Акимъ Акимычъ, только бы обратили вниманіе.

Юсовъ (*строго*).

Что, ты шутишь этимъ, что ли?

Бѣлогубовъ.

Какъ можно-съ!...

Юсовъ.

Обратили вниманіе... легко сказать! Чего еще нужно чиновнику? Чего еще онъ желать можетъ?

Бѣлогубовъ.

Да-съ.

Юсовъ.

Обратили на тебя вниманіе, ну, ты и человекъ, дышишь; а не обратили—что ты?

Бѣлогубовъ.

Ну, что ужъ-съ.

Юсовъ.

Червь!

Бѣлогубовъ.

Я, кажется, Акимъ Акимычъ, стараюсь-съ.

Юсовъ

Ты? (*Смотритъ на него.*) Ты у меня на хорошемъ замѣчаніи.

Бѣлогубовъ.

Я, Акимъ Акимычъ, даже въ пищѣ себѣ отказываю, чтобы быть чисто одѣтымъ. Чисто одѣтый чиновникъ, вѣдь, всегда на виду у начальства-съ. Вотъ извольте посмотрѣть, какая таля... (*Поворачивается.*)

Юсовъ.

Постой. (*Оглядываетъ его и нюхаетъ табакъ.*) Талія хороша... Да еще, Бѣлогубовъ, смотри, пограмотнѣй.

Бѣлогубовъ.

Вотъ правописаніе-то я, Акимъ Акимычъ, плохо-съ... Такъ что, повѣрите ли, самому обидно.

Юсовъ.

Эка важность правописаніе! Не все вдругъ, привыкнешь. Напиши сначала черновую, да и попроси поправить, а потомъ ужъ съ этого и пиши. Слышишь, что я говорю?

Бѣлогубовъ.

Ужъ попрошу кого-нибудь-съ поправить, а то все Жадовъ смѣется-съ.

Юсовъ.

Кто?

Бѣлогубовъ.

Жадовъ-съ.

Юсовъ (*строго*).

Да самъ-то онъ что такое? Что за птица? Еще смѣется!

Бѣлогубовъ.

Какъ же-съ, вѣдь, надо показать, что ученый-съ.

Юсовъ.

Тьфу! Вотъ что онъ.

Бѣлогубовъ.

Я даже никакъ не могу опредѣлить его, Акимъ Акимычъ, что онъ за человѣкъ-съ.

Юсовъ.

Ничтожество!... (*Молчаніе.*) Сейчасъ я тамъ былъ (*показывая на кабинетъ*), такъ говорили (*тихо*): не знаю, что съ племянникомъ дѣлать! Пойми изъ этого.

Бѣлогубовъ.

А, вѣдь, какъ о себѣ-то много мечтаетъ-съ.

Юсовъ.

Высоко летаетъ, да гдѣ-то сядетъ! Ужъ чего лучше: жилъ здѣсь на всемъ на готовомъ. Что-жъ ты думаешь, благодарность онъ чувствовалъ какую-нибудь? Уваженіе отъ него видѣли? Какъ же не такъ! Грубость, вольнодумство... Вѣдь,

хоть и родственникъ ему, а все-таки — особа... кто же станетъ переносить? Ну, вотъ ему и сказали, другу милому: поди-ка поживи своимъ разумомъ, на десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, авось, поумнѣе будешь.

Бѣлогубовъ.

Вотъ глупость-то до чего доводитъ-съ, Акимъ Акимычъ! Кажется, то-есть... Господи... этакое счастье! Поминутно долженъ Бога благодарить. Вѣдь, такъ я говорю, Акимъ Акимычъ, долженъ онъ Бога благодарить-съ?

Юсовъ.

Еще бы!

Бѣлогубовъ.

Самъ отъ своего счастья бѣгаетъ. Чего ему еще нужно-съ! Чинъ имѣеть, въ родствѣ съ такимъ человѣкомъ, содержаніе имѣль готовое; кабы захотѣль, могъ бы мѣсто имѣть хорошее, съ большимъ доходомъ-съ. Вѣдь, Аристархъ Владимірычъ ему не отказали бы!

Юсовъ.

Ну, вотъ поди же!

Бѣлогубовъ.

Мое мнѣніе такое, Акимъ Акимычъ, что другой человѣкъ, съ чувствомъ, на его мѣстѣ, сталъ бы сапоги чистить Аристарху Владимірычу, а онъ еще огорчаетъ такого человѣка.

Юсовъ.

Все гордость да разсужденіе.

Бѣлогубовъ.

Какое же разсужденіе! Объ чемъ мы можемъ разсуждать? Я, Акимъ Акимычъ, никогда...

Юсовъ.

Еще бы ты-то!

Бѣлогубовъ.

Я никогда-съ... потому это ни къ чему не ведетъ къ хорошему, окромя непріятности.

Юсовъ.

Какъ же ему не разговаривать! Надобно же ему показать-то, что въ университетѣ былъ.

Бѣлогубовъ.

Какая же польза отъ ученья, когда въ человѣкѣ нѣтъ страху... никакого трепету передъ начальствомъ?

Юсовъ.

Чего?

Бѣлогубовъ.

Трепету-съ.

Юсовъ.

Ну, да.

Бѣлогубовъ.

Меня бы, Акимъ Акимычъ, столоначальникомъ-съ.

Юсовъ.

У тебя губа-то не дура.

Бѣлогубовъ.

Я, вѣдь, больше потому-съ, что у меня теперь невѣста есть-съ. Барышня и отлично образованная-съ. Только безъ мѣста нельзя-съ, кто-жъ отдастъ.

Юсовъ.

Что-жъ не покажешь?

Бѣлогубовъ.

Первымъ долгомъ-съ... хоть нынче же... какъ вмѣсто родственника-съ.

Юсовъ.

А объ мѣстѣ я доложу. Мы подумаемъ.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ бы ужъ это мѣсто на всю жизнь-съ. Я хоть подписку дамъ, потому выше я не могу-съ. Мнѣ не по способностямъ. *(Входитъ Жадовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Жадовъ.

Жадовъ.

Что, дядюшка занять?

Юсовъ.

Занять.

Жадовъ.

Ахъ, жалко! А мнѣ очень нужно его видѣть.

Юсовъ.

Можно и подождать, у нихъ дѣла-то поважнѣй вашихъ.

Жадовъ.

Почемъ вы знаете мои дѣла?

Юсовъ (смотритъ на него и смѣется).

Какія у васъ дѣла! Такъ, вздоръ какой-нибудь.

Жадовъ.

Съ вами лучше не говорить, Акимъ Акимычъ; вы всегда на грубость напрашиваетесь. (Отходитъ и садится на авансцену.)

Юсовъ (Бѣлогубову).

Каковъ!

Бѣлогубовъ (громко).

Не стоитъ вниманія разговаривать-то! Только вамъ, на старости лѣтъ, себя беспокоить. Прощайте-съ. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Жадовъ и Юсовъ.

Юсовъ (про-себя.)

Ха, ха, ха! Жили, жили, да, слава Богу, дожили. Мальчишки стали носъ поднимать.

Жадовъ (оглядывается).

Что вы тамъ ворчите?

Юсовъ (продолжаетъ).

Дѣлать, что приказано, мы не любимъ, а разсуждать вотъ наше дѣло. Какъ можно намъ въ канцеляріи сидѣть! Насъ бы всѣхъ министрами сдѣлать! Ну, что-жъ дѣлать, ошиблись, извините, пожалуйста, не знали вашихъ талантовъ. Сдѣлаемъ министрами, непременно сдѣлаемъ... погодите немножко... завтра же.

Жадовъ (про-себя).

Надоѣлъ!

Юсовъ.

Боже мой! Боже мой! Ни стыда, ни совѣсти. У другого еще и губы не обсохли, а ужъ амбицію показываетъ. Кто я! Не тронь меня! (Входитъ Антонъ.)

Антонъ (Юсову).

Пожалуйте къ барину. (Юсовъ уходитъ въ кабинетъ.)

Жадовъ.

Скажи Аннѣ Павловнѣ, что я хочу ихъ видѣть.

Антонъ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Жадовъ (*одинъ*).

Что́ этотъ старый хрычъ разворчался! Что́ я ему сдѣлалъ! Университетскихъ, говорить, терпѣть не могу. Да развѣ я виновать? Вотъ и служи подъ такимъ начальствомъ. А впрочемъ, что́ же онъ мнѣ сдѣлаетъ, коли я буду себя вести хорошо? А вотъ какъ вакансія откроется, такъ, пожалуй, мѣстомъ и обойдутъ. Отъ нихъ станется. (*Вышневецкая входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Жадовъ и Вышневецкая.

Вышневецкая.

Здравствуйте, Василій Николаичъ!

Жадовъ.

Ахъ, тетенька, здравствуйте! (*Цѣлуетъ у нея руку.*) Я вамъ новость скажу.

Вышневецкая.

Садитесь. (*Садятся.*) Что́ за новость?

Жадовъ.

Я жениться хочу.

Вышневецкая.

Не рано ли?

Жадовъ.

Влюбленъ, тетушка, влюбленъ. И какая дѣвушка-то! Совершенство!

Вышневецкая.

А богата она?

Жадовъ.

Нѣтъ, тетушка, у ней ничего нѣтъ.

Вышневецкая.

Чѣмъ же вы жить-то будете?

Жадовъ.

А голова-то, а руки-то на что? Неужели мнѣ весь вѣкъ жить на чужой счетъ? Конечно, другой былъ бы радъ, благо случай есть, а я не могу. Ужъ не говоря прѣ то, что для этого я долженъ, изъ угожденія дядѣ, противорѣчить собственнымъ убѣжденіямъ. А кто-жъ будетъ работать-то? За чѣмъ же насъ учили-то! Дядя совѣтуетъ прежде нажить денегъ, какимъ бы то ни было образомъ, купить домъ, завести лошадей, а потомъ ужъ завести и жену. Могу ли я согласиться съ нимъ? Я полюбилъ дѣвушку, какъ любятъ только въ мои лѣта. Неужели я долженъ отказаться отъ счастья оттого только, что она не имѣетъ состоянія?

Вышневецкая.

Страдаютъ не отъ одной бѣдности, страдаютъ и отъ богатства.

Жадовъ.

Помните наши разговоры съ дядей? Чтò ни скажешь, бывало, противъ взятокъ или вообще противъ всякой неправды, у него одинъ отвѣтъ: поди-ка, поживи, не то заговоришь. Ну, вотъ я и хочу пожить, да еще не одинъ, а съ молодой женой.

Вышневецкая (*вздыхая*).

Да, позавидуешь женщинамъ, которыхъ любятъ такіе люди, какъ вы.

Жадовъ (*цѣлуя руку*).

Ужъ какъ я буду трудиться, тетушка! Большого, вѣроятно, жена отъ меня не потребуетъ. А если и случится даже нѣкоторое время перенести нужду, такъ, вѣроятно, Полина, изъ любви ко мнѣ, не покажетъ и вида неудовольствія. Но, во всякомъ случаѣ, какъ бы жизнь ни была горька, я не уступлю даже миллионной доли тѣхъ убѣжденій, которыми я обязанъ воспитанію.

Вышневецкая.

За васъ-то можно поручиться; но ваша жена... молодая женщина! Ей трудно будетъ перенести какой бы то ни было недостатокъ. У насъ очень дурно воспитываютъ дѣвушекъ. Вы, молодые люди, представляете насъ ангелами, а повѣрьте,

Василій Николаичъ, что мы хуже мужчинъ. Мы корыстнѣе, пристрастнѣе. Чтò дѣлать! нужно признаться: въ насъ чувства чести и строгой справедливости гораздо меньше. Чтò еще въ насъ не хорошо, такъ это—недостатокъ деликатности. Женщина способна упрекнуть, что рѣдкій развитой мужчина позволить себѣ. Самыя обидныя колкости нерѣдки между короткими пріятельницами. Иногда глупый попрекъ женщины тяжелѣе всякой обиды.

Жадовъ.

Это правда. Но я самъ буду ее воспитывать. Она еще совсѣмъ ребенокъ, изъ нея еще можно сдѣлать все. Только надобно ее поскорѣй вырвать изъ семейства, пока не успѣли ее испортить пошлымъ воспитаніемъ. А какъ сдѣлають ее барышней, въ полномъ смыслѣ этого слова, тогда ужъ поздно.

Вышневецкая.

Не смѣю сомнѣваться и не хочу васъ разочаровывать. Было бы неблагородно съ моей стороны охлаждать васъ на первыхъ порахъ. Давайте больше воли вашему сердцу, пока оно еще не зачерствѣло. Не бойтесь бѣдности. Богъ васъ благословитъ. Повѣрьте, что никто такъ не пожелаетъ вамъ счастья, какъ я.

Жадовъ.

Я всегда былъ въ этомъ увѣренъ, тетушка.

Вышневецкая.

Одно меня беспокоитъ: ваша нетерпимость. Вы постоянно наживаете себѣ враговъ.

Жадовъ.

Да, мнѣ всѣ говорятъ, что я нетерпимъ, что отъ этого я много теряю. Да развѣ нетерпимость недостатокъ? Развѣ лучше равнодушно смотрѣть на Юсовыхъ, Бѣлогубовыхъ и на всѣ мерзости, которыя постоянно кругомъ тебя дѣлаются? Отъ равнодушія не далеко до порока. Кому порокъ не гадокъ, тотъ самъ понемногу втянется.

Вышневецкая.

Я не называю нетерпимость недостаткомъ, только знаю по опыту, какъ она неудобна въ жизни. Я видѣла примѣры... когда-нибудь вы узнаете.

Жадовъ.

Какъ вы думаете, откажетъ мнѣ дядюшка, или нѣтъ? Я хочу попросить прибавки жалованья. Мнѣ бы теперь очень кстати.

Вышневская.

Не знаю. Попросите. (*Входятъ Вышневскій въ фракъ и парикъ, за нимъ Юсовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же, Вышневскій и Юсовъ.

Вышневскій (*Жадову*).

А, здравствуй! (*Садится.*) Садись! Садись, Акимъ Акимычъ! Ты все лѣнишься, на службу рѣдко ходишь.

Жадовъ.

Дѣлать нечего. Не даютъ дѣла.

Юсовъ.

Мало ли дѣла у насъ!

Жадовъ.

Переписывать-то? Нѣтъ ужъ, я слуга покорный! На это у васъ есть чиновники способнѣе меня.

Вышневскій.

Ты все еще не уходился, мой милый! Все проповѣди читаешь. (*Къ женѣ.*) Представьте: читаетъ въ канцеляріи писарямъ мораль, а тѣ, натурально, ничего не понимаютъ, сидятъ, разиня ротъ, выпуча глаза. Смѣшно, любезный!

Жадовъ.

Какъ я буду молчать, когда на каждомъ шагу вижу мерзости? Я еще не потерялъ вѣру въ человѣка; я думаю, мои слова произведутъ на нихъ дѣйствіе.

Вышневскій.

Они ужъ и произвели; ты сталъ посмѣшищемъ всей канцеляріи. Ты ужъ достигъ своей цѣли, успѣлъ сдѣлать такъ, что всѣ съ улыбкой переглядываются и перешептываются, когда тыходишь, и распространяется общій хохотъ, когда ты уйдешь.

Юсовъ.

Да-съ.

Жадовъ.

Однако, что же смѣшного въ моихъ словахъ?

Вышневскій.

Все, мой другъ, начиная отъ излишняго, нарушающаго приличіе увлеченія, до ребяческихъ, непрактическихъ выводовъ. Повѣрь, что каждый писецъ лучше тебя знаетъ жизнь; знаетъ, по собственному опыту, что лучше быть сытымъ, чѣмъ голоднымъ философомъ, и твои слова, естественно, кажутся имъ глупыми.

Жадовъ.

А мнѣ кажется, что они знаютъ только то, что взяточникомъ быть выгоднѣе, нежели честнымъ человѣкомъ.

Юсовъ.

Гмъ, гмъ...

Вышневскій.

Глупо, мой милый! И дерзко, и глупо.

Жадовъ.

Позвольте, дядюшка! Для чего же насъ учили, для чего же въ насъ развивали такія понятія, которыхъ нельзя выговорить вслухъ безъ того, чтобы вы не обвинили въ глупости или дерзости?

Вышневскій.

Не знаю, кто васъ тамъ и чему училъ. Мнѣ кажется, что лучше учить дѣлать дѣло и уважать старшихъ, чѣмъ болтать вздоръ.

Юсовъ.

Да-съ, гораздо бы лучше.

Жадовъ.

Извольте, я буду молчать; но разстаться съ моими убѣжденіями я не могу: они для меня единственное утѣшеніе въ жизни.

Вышневскій.

Да, на чердакѣ, за кускомъ чернаго хлѣба. Славное утѣшеніе! Съ голоду восхвалять свою добродѣтель и ругать товарищей и начальниковъ за то, что они умѣли устроить свою жизнь и живутъ въ довольствѣ, семейно и счастливо. Прекрасно! тутъ и зависть пособить.

Жадовъ.

Боже мой!

Вышневецкая.

Это жестоко

Вышневецкій.

Пожалуйста, не думай, чтобы ты говорилъ что-нибудь новое. Всегда это было и всегда будетъ. Человѣкъ, который не умѣлъ или не успѣлъ нажить себѣ состояніе, всегда будетъ завидовать человѣку съ состояніемъ—это въ натурѣ человѣка. Оправдать зависть тоже легко. Завидующіе люди обыкновенно говорятъ: я не хочу богатства; я бѣденъ, но благороденъ.

Юсовъ.

Медоточивыя уста!

Вышневецкій.

Благородная бѣдность хороша только на театрѣ. А попробуй перенести ее въ жизни. Это, мой другъ, не такъ легко и пріятно, какъ намъ кажется. Ты же привыкъ слушаться только самого себя, пожалуй, еще женишься. Что тогда будетъ? Вотъ любопытно!

Жадовъ.

Да, дядюшка, я женюсь, и хотѣлъ объ этомъ говорить съ вами.

Вышневецкій.

И, вѣроятно, по любви, на бѣдной дѣвушкѣ, а еще, пожалуй, и на дурѣ, которая объ жизни имѣетъ столько же понятія, сколько и ты; но, ужъ навѣрно, она образована и поетъ подъ разстроенное фортепіано: „съ милымъ рай и въ шалашѣ“.

Жадовъ.

Да, она бѣдная дѣвушка.

Вышневецкій.

И прекрасно.

Юсовъ.

Для размноженія нищихъ-съ...

Жадовъ.

Акимъ Акимычъ, не оскорбляйте меня. Я вамъ не давалъ на это никакого права. Дядюшка, бракъ дѣло великое, и я думаю, что каждый въ этомъ дѣлѣ долженъ слѣдовать собственному внушенію.

Вышневскій.

Сдѣлай милость, тебѣ никто не мѣшаетъ. Только подумалъ ли ты вотъ объ чемъ? Ты, конечно, любишь свою не-вѣсту?

Жадовъ.

Разумѣется, люблю.

Вышневскій.

Что же ты готовишь для нея, какія радости въ жизни? Нищету, всевозможныя лишенія. По моему мнѣнію, кто любить женщину, тотъ старается усыпать путь ея, такъ сказать, всѣми наслажденіями.

Юсовъ.

Да-съ.

Вышневскій.

Вмѣсто шляпокъ тамъ и разныхъ модъ, которыя женщины считаютъ необходимыми, ты будешь ей читать лекціи о добродѣтели. Она, конечно, изъ любви, тебя выслушаетъ, а шляпокъ и салоновъ у нея, все-таки, не будетъ.

Вышневская.

Въ его лѣта еще любовь не покупаютъ.

Жадовъ.

Тетушка говоритъ правду.

Вышневскій.

Я согласенъ, покупать любовь тебѣ нѣтъ надобности; но вознаградить ее, отплатить за любовь обязанъ всякій, иначе самая безкорыстная любовь остынетъ. Пойдутъ попреки, сѣтованія на судьбу. Не знаю, каково будетъ тебѣ переносить, когда жена поминутно будетъ раскаиваться вслухъ, что, по неопытности, связала свою судьбу съ нищимъ. Однимъ словомъ, ты обязанъ составить счастье женщины, которую ты любишь. А безъ богатства или, по крайней мѣрѣ, довольства нѣтъ счастья для женщины. Ты, можетъ быть, по своему обыкновенію, станешь мнѣ противорѣчить; такъ я тебѣ докажу, что это правда. Оглянись вокругъ себя. какая умная дѣвушка задумается выйти замужъ за богатаго старика или урода? Какая мать усомнится выдать дочь такимъ образомъ, даже противъ ея воли, считая слезы своей дочери за глупость, за ребячество, и благодаря Бога, что онъ послалъ

ея Машенькѣ или Аннушкѣ такое счастье. Каждая мать напередъ увѣрена, что дочь послѣ будетъ благодарить ее. Да и для собственнаго спокойствія, которое тоже что-нибудь стоить, мужъ долженъ обезпечить жену совершенно въ матеріальномъ отношеніи; тогда даже... даже если жена и не совсѣмъ счастлива, такъ не имѣетъ права... не смѣетъ жаловаться. (*Съ жаромъ.*) Женщинѣ, взятой изъ бѣдности и окруженной попеченіями и роскошью, кто же повѣритъ, что она несчастлива? Спроси у жены, правду ли я говорю.

Вышневецкая.

Ваши слова такъ умны и убѣдительны, что могутъ обойтись и безъ моего согласія. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же безъ Вышневецкой.

Жадовъ.

Не всѣ же женщины таковы, какъ вы говорите.

Вышневецкій.

Почти всѣ. Есть, конечно, исключенія; но мудрено, чтобъ на твою долю выпало это исключеніе. Для этого надобно пожить, поискать, а не влюбляться, какъ ты, въ первую встрѣчную. Послушай, я съ тобой буду говорить, какъ родственникъ, потому что мнѣ жаль тебя. Что ты въ самомъ дѣлѣ о себѣ думаешь? Какъ ты будешь жить съ женой безъ средствъ?

Жадовъ.

Я буду жить трудомъ. Я надѣюсь, что спокойствіе совѣсти можетъ замѣнить для меня земныя блага.

Вышневецкій.

Труда твоего мало будетъ для поддержки семейства. Мѣста хорошаго ты не получишь, потому что ты съ своимъ глупымъ характеромъ не сумѣешь ни одного начальника расположить въ свою пользу, а скорѣе вооружишь. Спокойствіе совѣсти тоже не спасетъ тебя отъ голода. Вотъ видишь, мой другъ, въ обществѣ замѣтно распространяется роскошь, а ваши спартанскія добродѣтели не живутъ вмѣстѣ съ роскошью. Мнѣ твоя мать поручила заботиться о тебѣ, и я обязанъ для тебя

сдѣлать все, что могу. Вотъ что я тебѣ совѣтую въ послѣдній разъ: укроти немного свой характеръ, брось завиральныя идеи, брось, глупо, вѣдь; служи, какъ служатъ всѣ порядочные люди, то-есть, гляди на жизнь и на службу практически. Тогда я могу тебѣ помочь и совѣтомъ, и деньгами, и протекціей. Ты ужъ не маленькій—жениться собираешься.

Жадовъ.

Никогда!

Вышневскій.

Какъ это громко—„никогда!“ и какъ это глупо вмѣстѣ съ тѣмъ. Я такъ думаю, что ты возьмешься за умъ; я довольно видѣлъ такихъ примѣровъ, только, смотри, не опоздай. Теперь у тебя есть случай и покровительство, а тогда можетъ не быть; ты испортишь карьеру, товарищи твои уйдутъ впередъ, трудно будетъ тебѣ начинать опять сначала. Я говорю тебѣ, какъ чиновникъ.

Жадовъ.

Никогда, никогда!

Вышневскій.

Ну, такъ живи, какъ знаешь, безъ поддержки. На меня ужъ не надѣйся. Мнѣ надоѣло и говорить-то съ тобой.

Жадовъ.

Боже мой! Поддержка будетъ для меня въ общественномъ мнѣніи.

Вышневскій.

Да, дожидайся! У насъ общественнаго мнѣнія нѣтъ, мой другъ, и быть не можетъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты понимаешь. Вотъ тебѣ общественное мнѣніе: не пойманъ—не воръ. Какое дѣло обществу, на какіе доходы ты живешь, лишь бы ты жилъ прилично и вѣдь себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Ну, а если ты будешь ходить безъ сапогъ и читать всѣмъ мораль, такъ ужъ извини, если тебя не примутъ въ порядочныхъ домахъ и будутъ говорить о тебѣ, какъ о пустомъ человѣкѣ. Я служилъ въ губернскихъ городахъ: тамъ короче знаютъ другъ друга, чѣмъ въ столицахъ; знаютъ, что каждый имѣетъ, чѣмъ живетъ, слѣдовательно, легче можетъ составиться общественное мнѣніе. Нѣтъ, люди—вездѣ люди. И тамъ смѣялись при мнѣ надъ однимъ чиновникомъ, который жилъ только на жалованье съ большою семьей,

и говорили по городу, что онъ самъ себѣ шьетъ сертуки; и тамъ весь городъ уважалъ первѣйшаго взяточника за то, что онъ жилъ открыто и у него по два раза въ недѣлю бывали вечера.

Жадовъ.

Неужели это правда?

Вышневскій.

Поживи, такъ узнаешь. Пойдемъ, Акимъ Акимычъ. (*Встаетъ.*)

Жадовъ.

Дядюшка!

Вышневскій.

Что такое?

Жадовъ.

Я получаю очень мало жалованья, мнѣ нечѣмъ жить. Теперь есть вакансія; позвольте мнѣ занять ее, я женюсь...

Вышневскій.

Гмъ... Для этого мѣста нужно мнѣ не женатаго, а способнаго человѣка. Я не могу, по совѣсти, дать тебѣ больше жалованья: во-первыхъ, ты его не стоишь, а во-вторыхъ—ты мой родственникъ, сочтутъ лицепріятіемъ.

Жадовъ..

Какъ вамъ угодно. Буду жить на тѣ средства, какія имѣю.

Вышневскій.

Да вотъ еще, мой милый! скажу тебѣ одинъ разъ навсегда: мнѣ твой разговоръ не нравится, выраженья твои рѣзки и непочтительны, и я не вижу никакой надобности для тебя разстроиваться. Не думай, чтобы я считалъ твои мнѣнія оскорбительными—это слишкомъ много чести для тебя, я просто считаю ихъ глупыми. И потому всѣ мои отношенія къ тебѣ, кромѣ начальническихъ, ты можешь считать совершенно конченными.

Жадовъ.

Такъ я перейду лучше въ другое мѣсто.

Вышневскій.

Сдѣлай милость. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Жадовъ и Юсовъ.

Юсовъ (*смотря ему въ глаза*).

Ха, ха, ха, ха.

Жадовъ.

Чему вы смѣетесь?

Юсовъ.

Ха, ха, ха!... Да какъ же не смѣяться-то? Съ кѣмъ вы спорите? ха, ха, ха! Да на что же это похоже?

Жадовъ.

Что же тутъ смѣшного?

Юсовъ.

Что-жъ, дядюшка-то глупѣе васъ? а? глупѣе? Меньше васъ понимаетъ въ жизни? Да, вѣдь, это курамъ на смѣхъ. Вѣдь, этакъ вы когда-нибудь уморите со смѣху. Помилуйте, пощадите, у меня семейство.

Жадовъ.

Вы этого, Акимъ Акимычъ, не понимаете.

Юсовъ.

Понимать-то тутъ нечего. Хоть тысячу человѣкъ приведите, всѣ бы померли со смѣху, глядя на васъ. Этого человѣка вамъ бы слушать надобно было, разиня ротъ, чтобы словечка не проронить, да слова-то его на носу зарубить, а вы спорите! Вѣдь, это комедія, ей-Богу комедія, ха, ха, ха!... Вотъ васъ дядюшка-то и отдѣлали, хе, хе, хе! Да еще мало. То ли бы слѣдовало. Будь я на его мѣстѣ... (*Дѣлаетъ строгую гримасу и уходитъ въ кабинетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Жадовъ (*одинъ, подумавъ*).

Да, разговаривайте! Не вѣрю я вамъ. Не вѣрю и тому, чтобы честнымъ трудомъ не могъ образованный человѣкъ обезпечить себя съ семействомъ. Не хочу вѣрить и тому, что общество такъ развратно! Это обыкновенная манера стариковъ

разочаровывать молодых людей: представлять имъ все въ черномъ свѣтѣ. Людямъ стараго вѣка завидно, что мы такъ весело и съ такою надеждой смотримъ на жизнь. А, дядюшка! я васъ понимаю. Вы теперь всего достигли — и знатности, и денегъ, вамъ некому завидовать. Вы завидуете только намъ, людямъ съ чистою совѣстью, съ душевнымъ спокойствіемъ. Этого вы не купите ни за какія деньги. Рассказывайте, что хотите, а я, все-таки, женюсь и буду жить счастливо. (*Уходитъ. Вышневскій и Юсовъ выходятъ изъ кабинета.*)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Юсовъ и Вышневскій.

Вышневскій.

На комъ онъ женится?

Юсовъ.

На Кукушкиной. Дочь вдовы коллежскаго ассесора.

Вышневскій.

Ты знакомъ съ ней?

Юсовъ.

Такъ-съ съ мужемъ былъ знакомъ. Бѣлогубовъ на другой сестрицѣ жениться хочетъ.

Вышневскій.

Ну, Бѣлогубовъ другое дѣло. Во всякомъ случаѣ ты къ ней съѣзди. Растолкуй ей, чтобы она не губила своей дочери, не отдавала за этого дурака. (*Киваетъ головой и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Юсовъ (*одинъ*).

Что это за время такое! Что теперь на свѣтѣ дѣлается, глазамъ своимъ не повѣришь! Какъ жить на свѣтѣ! Мальчишки стали разговаривать! Кто разговариваетъ-то? Кто спорить-то? Такъ, ничтожество! Дунуль на него, фу! (*дуетъ*) вотъ и нѣтъ человѣка. Да еще съ кѣмъ спорить-то! Съ геніемъ. Аристархъ Владимірычъ геній... геній, Наполеонъ. Ума необъятнаго, быстрота, смѣлость въ дѣлахъ. Одного недостаетъ: въ законѣ не совсѣмъ твердъ, изъ другого вѣдом-

ства. Кабы Аристархъ Владимірычъ, при его умѣ, да зналъ законы и всѣ порядки такъ, какъ его предшественникъ, ну и конецъ... конецъ... и разговаривать нечего. Поѣзжай за нимъ, какъ по желѣзной дорогѣ. Такъ ухватись за него, да и ступай. И чины, и ордена, и всякія угоды, и дома, и деревни съ пустошами... Духъ захватываетъ! (*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА ВО ВТОРОМЪ ДѢЙСТВІИ:

Фелисата Герасимовна Кукушкина, вдова коллежскаго ассессора.

Юлинька }
Полина } ея дочери.

Акимъ Акимычъ Юсовъ.

Василій Николаичъ Жадовъ.

Онисимъ Панфилычъ Бьлогубовъ.

Стеша, горничная дѣвушка.

(Между первымъ и вторымъ дѣйствіями проходитъ около года.)

Комната въ домѣ Кукушкиной; обыкновенная гостиная въ небогатыхъ домахъ. Посрединѣ дверь и налѣво дверь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Юлинька, Полина (*стоятъ передъ зеркаломъ*) и Стеша (*со щеткой и крыломъ въ рукахъ*).

Стеша.

Ну, вотъ мои барышни и готовы. Хоть сейчасъ женихи наѣзжайте, какъ на выставку выставлены, первый сортъ. Такой форсъ покажемъ—въ носъ бросятся. Генералу какому не стыдно показать!

Полина.

Ну, Юлинька, по мѣстамъ; сядемъ, какъ умныя барышни сидятъ. Сейчасъ маменька будетъ намъ смотрѣ дѣлать. Товаръ лицомъ продаетъ.

Стеша (*стирая пыль*).

Да ужъ какъ ни смотри, все въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ, все подшпилено да подколото.

Юлинька.

Она у насъ такой ревизоръ; что-нибудь отыщеть. (Садятся.)

Стеша (останавливается посреди комнаты).

Ужъ и въ самомъ дѣлѣ, барышни, вамъ отъ нея житья нѣтъ вовсе. Муштруетъ, муштруетъ, какъ солдатъ на ученьи. Все на вытяжкѣ да на вытяжкѣ, только что ноги поднимать не заставляетъ. А ужъ надо мной-то измывается, измывается—одной только чистотой одолѣла. (Стираетъ пыль.)

Юлинька.

Нравится тебѣ твой женихъ Василій Николаичъ?

Полина.

Ахъ, просто душка! А тебѣ твой Бѣлогубовъ?

Юлинька.

Нѣтъ, дрянъ ужасная!

Полина.

Зачѣмъ же ты маменькѣ не скажешь?

Юлинька.

Вотъ еще! Сохрани Господи! Я рада-радѣхонька хоть за него выйти, телько бы изъ дому-то вырваться.

Полина.

Да, правда твоя! Не попадись и мнѣ Василій Николаичъ, кажется, рада бы первому встрѣчному на шею броситься: хоть бы плохонькой какой, только бы изъ бѣды выручилъ, изъ дому взялъ. (Смѣется.)

Стеша (наибаясь подъ диванъ).

Ужъ истинно мука мученическая. Вотъ ужъ правду, барышня, говорите.

Полина.

Другія дѣвушки плачутъ, Юлинька, какъ замужъ идутъ: какъ же это съ домомъ разстаться! Каждый уголокъ оплачутъ. А мы съ тобой, хоть за тридевять земель сейчасъ, хоть бы какой змѣй-горыничъ унесъ. (Смѣется.)

Стеша.

Вотъ, не сотри я здѣсь, такъ будетъ на орѣхи. А кто тутъ увидить, кому нужно! (Стираетъ подъ зеркаломъ.)

Юлинька.

Ты счастлива, Полина; тебѣ все смѣшно; а я такъ серьезно начинаю подумывать. Выйти замужъ не хитро—эта наука намъ извѣстна; надобно подумать и о томъ, какъ будешь жить замужемъ.

Полина.

А объ чемъ думать? Ужъ вѣрно не будетъ хуже, чѣмъ дома.

Юлинька.

Не хуже! этого мало. Надобно, чтобъ лучше было. Ужъ коли выйти замужъ, такъ чтобы быть дамой, какъ слѣдуетъ барыней.

Полина.

Оно бы очень хорошо, чего лучше, да только какъ это сдѣлать? Ты, вѣдь, у насъ умница: научи!

Юлинька.

Надобно замѣчать изъ разговора, у кого что есть, кто на что надѣется. Коли теперь нѣтъ, такъ въ виду чего не имѣть ли. Ужъ сейчасъ изъ словъ видно, кто какой человекъ. Твой Жадовъ что говоритъ съ тобой, какъ вы одни остаетесь?

Полина.

Ну ужъ, Юлинька, вотъ хоть сейчасъ голову на отсѣченіе, ничего не помню, что онъ говоритъ. Сожметъ руку такъ крѣпко и начнетъ говорить, и начнетъ... чему-то меня учить хочетъ.

Юлинька.

Чему же?

Полина.

Ужъ право, Юлинька, не знаю. Что-то очень мудрено. Погоди, можетъ быть, вспомню, только какъ бы не засмѣяться, слова такіа смѣшныя! Постой, постой, вспомнила! (*Передразнивая.*) „Какое назначеніе женщины въ обществѣ?“ Про какія-то еще гражданскія добродѣтели говорилъ. Я ужъ и не знаю, что такое. Насъ, вѣдь, этому не учили?

Юлинька.

Нѣтъ, не учили.

Полина.

Онъ, должно быть, въ тѣхъ книгахъ читалъ, которыя намъ не давали. Помнишь... въ пансіонѣ? Да мы, правда, никакихъ не читали.

Юлинька.

Есть объ чемъ [жалѣть! и безъ нихъ тоска смертная! Вотъ бы на гулянье или въ театръ—другое дѣло.

Полина.

Да, сестрица, да.

Юлинька.

Ну, Полина, признаться сказать, на твоего надежды мало. Нѣтъ, мой не таковъ.

Полина.

Какой же твой?

Юлинька.

Мой Бѣлогубовъ хоть и противень немного, а надежды подаетъ большія. „Вы, говоритъ, полюбите меня-съ. Теперь еще мнѣ жениться не время-съ, а вотъ какъ столоначальникомъ сдѣлаютъ, тогда женюсь“. Я у него спрашивала, что такое столоначальникъ. „Это, говоритъ, первый сортъ-съ“. Должно быть, что-нибудь хорошее. „Я, говоритъ, хоть и необразованный человѣкъ, да у меня много дѣлъ съ купцами-съ: такъ я вамъ буду изъ городу шелковыя и разныя матеріи возить, и насчетъ провіанту все будетъ-съ“. Что-жъ? это очень хорошо, Полина, пускай возить. Тутъ и думать нечего, за такого человѣка надо итти.

Полина.

А у моего, должно быть, нѣтъ знакомыхъ купцовъ, онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ. Ну, какъ онъ мнѣ не станетъ привозить ничего?

Юлинька.

Нѣтъ, должно быть, и у твоего есть. Вѣдь, онъ служащій, а служащимъ всѣмъ дарятъ, кому что нужно. Кому матеріи разныя, коли женатый; а коли холостой—сукна, трико; у кого лошади—тому овса или сѣна, а то такъ и деньгами. Прошлый разъ Бѣлогубовъ былъ въ жилеткѣ, помнишь, такая пестрая; это ему купецъ подарилъ. Онъ мнѣ самъ сказывалъ.

Полина.

Все-таки, надобно спросить, есть ли у Жадова знакомые купцы. (*Входит Кукушкина.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ТѢ ЖЕ И КУКУШКИНА.

Кукушкина.

Какъ себя не похвалить! У меня чистота, у меня порядокъ, у меня все въ струнѣ! (*Садится.*) А это что? (*Указываетъ горничной подъ диванъ.*)

Стеша.

Да помилуйте, силъ моихъ не хватаетъ, всю поясицу разломило.

Кукушкина.

Какъ ты смѣешь, мерзкая, такъ разговаривать! Ты за то жалованье получаешь. У меня чистота, у меня порядокъ, у меня по ниточкѣ ходи. (*Горничная подметаетъ и уходитъ.*) Юлинька! (*Юлинька встаетъ.*) Я съ вами хочу говорить.

Юлинька.

Что вамъ угодно, маменька?

Кукушкина.

Вы знаете, сударыня, что у меня ни за мной, ни передо мной ничего нѣтъ.

Юлинька.

Знаю, маменька.

Кукушкина.

Пора знать, сударыня! доходовъ у меня нѣтъ ни откуда, одна пенсія. Своди концы съ концами, какъ знаешь. Я себѣ во всемъ отказываю. Поворачиваюсь, какъ воръ на ярмаркѣ, а я еще не старая женщина, могу партію найти. Понимаете вы это?

Юлинька.

Понимаю-съ.

Кукушкина.

Я вамъ дѣлаю модныя платья и разныя бездѣлушки, а для себя перекрашиваю да перекраиваю изъ стараго. Не думаете ли вы, что я наряжаю васъ для вашего удовольствія,

для франтовства! Такъ ошибаетесь. Все это дѣлается для того, чтобы выдать васъ замужъ, съ рукъ сбыть. По моему состоянію, я васъ могла бы только въ ситцевыхъ да въ затрапезныхъ платьяхъ водить. Если не хотите или не умѣете себѣ найти жениха, такъ и будетъ. И для васъ обрывать да обрѣзывать себя понапрасну не намѣрена.

Полина.

Мы, маменька, давно это слышали. Вы скажите, въ чемъ дѣло.

Кукушкина.

Ты молчи! не съ тобой говорятъ. Тебѣ за глупость Богъ счастье далъ, такъ ты и молчи. Какъ бы не дуракъ этотъ, Жадовъ, такъ бы тебѣ вѣкъ горе мыкать, въ дѣвкахъ сидѣть за твое легкомысліе. Кто изъ умныхъ-то тебя возьметъ? Кому надо? Хвастаться тебѣ нечѣмъ, тутъ твоего ума ни на волосъ не было: ужъ нельзя сказать, что ты его приворожила—самъ набѣжалъ, самъ въ петлю лѣзетъ, никто его не тянулъ. А Юлинька дѣвушка умная, должна своимъ умомъ себѣ счастье составить. Позвольте узнать, будетъ отъ вашего Бѣлогубова толкъ, или нѣтъ?

Юлинька.

Я, маменька, не знаю.

Кукушкина.

Кто же знаетъ? Вамъ извѣстно, сударыня, что я постороннихъ молодыхъ людей въ домъ не принимаю. Я принимаю только жениховъ или тѣхъ, которые могутъ быть женихами. У меня коли мало-мальски похожъ на жениха, — милости просимъ, домъ открыть, а какъ завилялъ хвостомъ, такъ и поворотъ отъ воротъ. Намъ такихъ не надобно. Я свою репутацію берегу, да и вашу также.

Юлинька.

Что же, маменька, мнѣ дѣлать?

Кукушкина.

Дѣлать то, что приказано. Вы помните одно, что вамъ въ дѣвкахъ оставаться нельзя. Вы должны будете въ кухнѣ жить.

Юлинька.

Я, маменька, дѣлала все, что вы мнѣ приказали.

Кукушкина.

Что же вы дѣлали? Извольте говорить, я буду слушать васъ.

Юлинька.

Когда онъ пришелъ къ намъ во второй разъ, помните, еще вы его насильно привели, я сдѣлала ему глазки.

Кукушкина.

Ну, а онъ что?

Юлинька.

А онъ какъ-то странно сжималъ губы, облизывался. Мнѣ кажется, онъ такъ глупъ, что ничего не понималъ. Нынче всякій гимназистъ ловчѣе его.

Кукушкина.

Ужъ я тамъ вашихъ наукъ не знаю, а вижу, что онъ почтителенъ, и есть въ немъ этакое какое-то пріятное иска-
тельство къ начальству. Значить, онъ пойдетъ далеко. Я это
съ разу поняла.

Юлинька.

Когда онъ былъ у насъ въ третій разъ, помните, въ пят-
ницу, я ему стихи читала любовные; онъ тоже, кажется,
ничего не понималъ. А ужъ въ четвертый разъ я ему записку
написала.

Кукушкина.

Что же онъ?

Юлинька.

Онъ пришелъ и говорить: „мое сердце никогда отъ васъ
не отвращалось, а всегда было, есть и будетъ“. (*Полина
хохочетъ.*)

Кукушкина (*грозя ей пальцемъ*).

Что же дальше?

Юлинька.

Говорить: „Какъ только получу мѣсто столоначальника,
такъ буду у вашей маменьки слезно просить руки вашей“.

Кукушкина.

А скоро онъ получитъ?

Юлинька.

Говорить, что скоро.

Кукушкина.

Поди, Юлинька, поцѣлуй меня. (*Цѣлуетъ ее.*) Выйти замужъ, мой другъ, для дѣвушки великое дѣло. Вы это послѣ поймете. Я, вѣдь, мать, и мать строгая; съ женихомъ что хочешь дѣлай, я сквозь пальцы буду смотрѣть, я молчу, мой другъ, молчу; а ужъ съ постороннимъ, нѣтъ, шалишь, не позволю! Поди, Юлинька, сядь на свое мѣсто. (*Юлинька садится.*) А выйдете, дѣти, замужъ, вотъ вамъ мой совѣтъ: мужьямъ потачки не давайте, такъ ихъ поминутно и точите, чтобъ деньги добывали; а то облѣнятся, потомъ сами плакать будете. Много бы надо было наставленій сдѣлать; но вамъ теперь, дѣвушкамъ, еще всего сказать нельзя; коли случится что—пріѣзжайте прямо ко мнѣ, у меня всегда для васъ пріемъ, никогда запрету нѣтъ. Всѣ средства я знаю и всякій совѣтъ могу дать, даже и по докторской части.

Полина.

Маменька, кто-то пріѣхалъ.

Юлинька (*взянувъ въ окно*).

Бѣлогубовъ съ какимъ-то старикомъ.

Кукушкина.

Садитесь по мѣстамъ. Юлинька, спусти немного мантилью съ праваго плеча. (*Юсовъ и Бѣлогубовъ входятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Юсовъ и Бѣлогубовъ.

Бѣлогубовъ.

Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! (*Къ барышнямъ.*) Здравствуйте-съ. (*Показывая на Юсова.*) Вотъ-съ они же-лали-съ... Это-съ мой начальникъ и благодѣтель, Акимъ Акимычъ Юсовъ-съ. Все-таки, лучше-съ, Фелисата Герасимовна, когда начальство-съ...

Кукушкина.

Милости просимъ, милости просимъ! Садитесь покорно просимъ. (*Акимъ Акимычъ и Бѣлогубовъ садятся.*) Вотъ рекомендую вамъ: двѣ мои дочери, Юлинька и Полина. Совершенныя дѣти, ни объ чемъ понятія не имѣютъ; имъ бы еще въ куклы

играть, а не то, что замужъ выходить. И жаль разставаться, а нечего дѣлать. Такой товаръ дома не удержишь.

Юсовъ.

Да-съ, ужъ это законъ судебъ-съ, кругъ житейскій-съ! Чтò предначертано отъ вѣка, того ужъ человѣкъ не можетъ-съ...

Кукушкина.

Я вамъ правду скажу, Акинъ Акимычъ, онѣ у меня въ строгости воспитываются, отъ всего отдалены. Денегъ я не могу за ними дать много, но ужъ за нравственность мужья будутъ благодарны. Я люблю дѣтей, Акимъ Акимычъ, но строга, очень строга. (*Строго.*) Полина, подите, распорядитесь чаемъ.

Полина (*встаетъ*).

Сейчасъ, маменька. (*Уходитъ.*)

Юсовъ.

Я самъ строгъ-съ. (*Строго.*) Бѣлогубовъ!

Бѣлогубовъ.

Чего изволите-съ?

Юсовъ.

Вѣдь, я строгъ?

Бѣлогубовъ.

Строги-съ. (*Юлинька.*) У меня опять новая жилетка-съ. Вотъ посмотрите-съ.

Юлинька.

Очень хороша. Это вамъ тотъ же купецъ подарилъ?

Бѣлогубовъ.

Нѣтъ, другой-съ. У этого фабрика лучше.

Юлинька.

Пойдемте въ гостиную, я вамъ свою работу покажу. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Юсовъ и Кукушкина.

Кукушкина.

Какъ любить другъ друга, трогательно смотрѣть. Одного недостаетъ молодому человѣку—мѣста, говорить, нѣтъ хорошаго. Не могу, говорить, обезпечить жену всѣмъ полнымъ спокой-

ствіемъ. Кабы, говорить, столоначальникомъ сдѣлали, я бы, говорить, могъ жену содержать. А, вѣдь, жаль, Акимъ Акимычъ! Такой прекрасный молодой человѣкъ, такъ влюбленъ...

Юсовъ (*нюхая табакъ*).

Понемногу, Фелисата Герасимовна, понемногу.

Кукушкина.

Однако, вы должны знать, скоро ли онъ это мѣсто получить. Можетъ быть, даже это и отъ васъ зависитъ. Я за него просительница. (*Кланяется.*) Вамъ нельзя будетъ мою просьбу не уважить; я мать, нѣжная мать, хлопочу для счастья своихъ дѣтей, своихъ птенцовъ.

Юсовъ (*сдѣлавъ серьезную физіономію*).

Скоро, скоро будетъ. Я ужъ объ немъ докладывалъ нашему генералу. А генераль весь въ моихъ рукахъ: что я скажу, то и будетъ. Мы его сдѣлаемъ столоначальникомъ. Я захочу, будетъ столоначальникомъ, а не захочу, не будетъ столоначальникомъ... Хе, хе, будетъ, будетъ! Генераль у меня вотъ гдѣ. (*Показываетъ руку.*)

Кукушкина.

Признаться вамъ сказать, я даже не люблю холостыхъ. Что они дѣлаютъ? такъ только землю тяготятъ.

Юсовъ (*важно*).

Бремя на землѣ, бремя... и празднословіе.

Кукушкина.

Да-съ. Да и въ домъ опасно принимать холостого человѣка, особенно у кого есть дочери или молодая жена. Кто его знаетъ, что у него на умѣ. По-моему, молодого человѣка надо женить поскорѣй, онъ послѣ самъ будетъ благодаренъ, а то, вѣдь, они глупы, своей пользы не понимаютъ.

Юсовъ.

Да-съ. Отъ разсѣянности. Вѣдь, жизнь — это море житейское... поглощаетъ.

Кукушкина.

Холостой не можетъ завести хозяйства у себя, объ домѣ не заботится, ходить по трактирамъ.

Юсовъ.

Да, вѣдь, и мы ходимъ-съ... отдохновеніе отъ трудовъ...

Кукушкина.

Ахъ, Акимъ Акимычъ, большая разница. Вы поѣдете, когда васъ позовутъ, захотятъ васъ угостить, уваженіе свое показать вамъ, а на свои вы, вѣдь, ужъ не пойдете.

Юсовъ.

Какъ можно, нѣтъ-съ, не пойду.

Кукушкина.

Теперь возьмите: холостого человѣка проситель за какое-нибудь дѣло позоветъ въ трактиръ, угоститъ обѣдомъ, да и все тутъ. Денегъ истратятъ много, а пользы ни на грошъ. А женатый-то, Акимъ Акимычъ, скажетъ просителю: на что мнѣ твои обѣды, я пойду лучше съ женою пообѣдаю, семейнымъ образомъ, тихо, въ своемъ углу, а ты мнѣ дай чистыми. Да деньги-то принесетъ. Такъ оно двѣ выгоды: и трезвый придетъ, да и съ деньгами... Который вы годъ женаты?

Юсовъ.

Ссрокъ третій годъ-съ...

Кукушкина.

Скажите! А какъ вы молоды на лицо!

Юсовъ.

Регулярность въ жизни... банки вчера ставилъ.

Кукушкина.

Здоровому все здорово, особенно когда человѣкъ душой покоенъ, живетъ въ довольствѣ.

Юсовъ.

Я вамъ доложу, какая игра природы бываетъ... съ человекомъ... изъ бѣдности и въ богатство. Меня, сударыня,—давно ужъ это было—привели въ присутствіе въ затрапезномъ халатишкѣ, только что грамотѣ зналъ—читать да писать... Сидятъ, вижу, все люди пожилые, важные, сердитые, тогда брились-то не часто, такъ оно еще больше важности придаетъ. Страхъ на меня напалъ, слова выговорить не могъ. Года два былъ на побѣгушкахъ, разныя комиссіи исправлялъ: и за водкой-то бѣгалъ, и за пирогами, и за квасомъ, кому съ похмелья, и сидѣлъ-то я не у стола, не на стулѣ, а у окошка на связкѣ бумагъ, и писалъ-то я не изъ чернильницы, а изъ старой помадной банки. А вотъ вышелъ

въ люди. Конечно, все это не отъ насъ... свѣше... знать, ужъ такъ надобно было мнѣ быть человѣкомъ и занимать важный постъ. Иногда думаемъ съ женой: за что такъ насъ Богъ взыскалъ своей милостью? На все судьба... и добрыя дѣла нужно дѣлать... помогать немущимъ. Да-съ, имѣю теперь три домика, хотъ далеко, да мнѣ это не мѣшаетъ; лошадокъ держу четверню. Оно подальше-то лучше: и земли побольше, и не такъ шумно, да и разговору меньше, пересуду.

Кукушкина.

Да, конечно. Садикъ, чай, имѣете при домахъ-то?

Юсовъ.

Какъ-же-съ. Въ лѣтній зной и прохлада, и отдохновеніе членамъ. А гордости во мнѣ нѣтъ-съ. Гордость ослѣпляетъ... Мнѣ хотъ мужикъ... я съ нимъ, какъ съ своимъ братомъ... все равно, ближній... По службѣ нельзя... особенно верховлядовъ не люблю, нынѣшнихъ образованныхъ-то. Съ этими строгъ и взыскателенъ. Возмечтали очень. Предразсудкамъ этимъ я не вѣрю, будто ученые съ неба звѣзды хватаютъ. Видалъ я ихъ: не лучше насъ, грѣшныхъ, да и къ службѣ не такъ внимательны. У меня правило—всячески ихъ тѣснить для пользы службы... потому отъ нихъ вредъ. Какъ-то, Фелисата Герасимовна, къ простымъ людямъ больше сердце лежитъ. При нынѣшнихъ строгостяхъ случается съ человѣкомъ несчастіе, выгонять изъ уѣзднаго училища за неуспѣхи, или изъ низшихъ классовъ семинаріи: какъ его не призрѣть? Онъ и такъ судьбой убитъ, всего онъ лишенъ, всѣмъ обиженъ. Да и люди-то выходятъ по нашему дѣлу понятливѣе и подобострастнѣе, душа у нихъ открытѣе. По христіанскому долгу, выведешь такого человѣка въ люди, онъ тебѣ всю жизнь благодаренъ: и въ посаженные отцы зоветъ, и въ кумовья зоветъ. Ну, и въ будущемъ вѣкѣ мзда... Вотъ Бѣлогубовъ, вѣдь, грамоты не знаетъ, а я его люблю, Фелисата Герасимовна, какъ сына; въ немъ чувство есть. А признаться вамъ сказать, другой вашъ женихъ... онъ, вѣдь, тоже подъ начальствомъ у меня... Такъ я могу судить...

Кукушкина.

Что же такое?

Юсовъ (дѣлаетъ серьезное лицо).

Неблагонадеженъ.

Кукушкина.

Отчего же? Вѣдь, онъ не пьяница, не мотъ, къ службѣ не лѣнивъ?

Юсовъ.

Да-съ. Но... (нюхаетъ табакъ) неблагонадеженъ.

Кукушкина.

Какимъ же образомъ, растолкуйте мнѣ, батюшка, Акимъ Акимычъ, вѣдь, я мать.

Юсовъ.

А вотъ, изволите ли видѣть. Имѣетъ такого человѣка родственникомъ... Аристархъ Владимірычъ Вышневскій.

Кукушкина.

Знаю.

Юсовъ.

Особа, ужъ можно сказать, особа.

Кукушкина.

Знаю.

Юсовъ.

А онъ оказываетъ непочтеніе.

Кукушкина.

Знаю, знаю.

Юсовъ.

Противъ начальства грубъ... высокомеріе сверхъ границъ... и даже такія мысли... развращаетъ юношество... а особенно вольнодумство. Начальство должно строго смотрѣть.

Кукушкина.

Знаю.

Юсовъ.

А коли знаете, такъ сами можете разсудить. Какія времена пришли, Фелисата Герасимовна, житья нѣтъ! А отъ кого? Отъ дряни, отъ мальчишекъ. Сотнями выпускаютъ ихъ; заполоняютъ насъ совсѣмъ.

Кукушкина.

Эхъ, Акимъ Акимычъ, женится—перемѣнится. А не знать всего этого я не могла, я не такая мать, безъ оглядки ни-

чего не сдѣлаю. У меня такое правило: какъ только повадился къ намъ молодой человѣкъ, такъ и пошлю кого-нибудь узнать про него всю подноготную, или сама отъ стороннихъ людей развѣдаю. Всѣ эти глупости въ немъ, по-моему, происходятъ отъ холостой жизни. Вотъ какъ женится, да мы на него насядемъ, такъ и съ дядей помирится, и служить будетъ хорошо.

Юсовъ.

Онъ перемѣнится, и начальство къ нему перемѣнится... (*Шомолавъ.*) Нѣтъ прежнихъ чиновниковъ, Фелисата Герасимовна! Упадаетъ чиновничество. Духу того нѣтъ. А какая жизнь была, Фелисата Герасимовна, рай просто! Умирать не надо. Купались, просто купались, Фелисата Герасимовна. Прежніе-то чиновники были орлы, орлы, а теперь молодежь верхогляды, пустота какая-то. (*Жадовъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ЖАДОВЪ.

Кукушкина.

Милости просимъ, Василій Николаичъ, милости просимъ. Полина совсѣмъ стосковалась объ васъ. Всѣ глаза проглядѣла, то къ тому окошку подбѣжить, то къ другому. Ужъ такъ любить, такъ любить... Я, право, и не видывала. Счастливы вы, Василій Николаичъ. За что васъ такъ любятъ-то, скажите вы мнѣ?

Жадовъ.

Извините, Фелисата Герасимовна, я опоздалъ немного. Ахъ, Акимъ Акимычъ! (*Кланяется.*) Вы какимъ образомъ?

Кукушкина.

Акимъ Акимычъ такъ добры, такъ пекутся о своихъ чиновникахъ... я ужъ и не знаю, какъ быть имъ благодарною. Сами потрудились пріѣхать, познакомиться.

Жадовъ (*Юсову*).

Благодарю васъ. А впрочемъ, напрасно беспокоились.

Юсовъ.

Я, Фелисата Герасимовна, больше для Бѣлогубова. Родныхъ у него нѣтъ, я ему вмѣсто отца...

Кукушкина.

Ужъ не говорите, Акимъ Акимычъ, вы сами семейный человекъ, и я сейчасъ увидѣла, что вы стараетесь молодыхъ людей всячески поощрять къ семейной жизни. Я сама того же мнѣнія, Акимъ Акимычъ. (*Къ Жадову.*) Вы себѣ представить не можете, Василій Николаичъ, какъ я страдаю, когда вижу, что два влюбленныхъ сердца раздѣляютъ какія-нибудь препятствія. Когда читаешь романъ, видишь, какъ обстоятельства запрещаютъ влюбленнымъ видѣться, или родители не согласны, или состояніе не позволяетъ, какъ страдаешь въ эту минуту. Я плачу, просто плачу! И какъ жестоки бываютъ иногда родители, которые не хотятъ уважить чувства своихъ дѣтей. Нѣкоторые даже умираютъ отъ любви по этому случаю. Но когда видишь, что все идетъ къ благополучной развязкѣ, всѣ препятствія уничтожаются, (*восторженно*) любовь торжествуетъ, и молодые люди соединяются законнымъ бракомъ, какъ сладко становится на душѣ. Такъ даже нѣга какая-то по всѣмъ членамъ. (*Полина входитъ.*)

Полина.

Пожалуйте, чай готовъ. (*Увидавъ Жадова.*) Василій Николаичъ! Не стыдно ли заставлять такъ страдать? Я ждала, ждала васъ.

Жадовъ (*цѣлуетъ руку*).

Виновать.

Кукушкина.

Поди, дитя мое, поцѣлуй меня.

Полина (*Жадову*).

Пойдемте.

Кукушкина

Пойдемте, Акимъ Акимычъ! (*Уходятъ. Бѣлогубовъ и Юлинька входятъ съ чашками въ рукахъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Бѣлогубовъ и Юлинька.

Юлинька.

Какъ я вижу, вы все меня обманываете.

Бѣлогубовъ.

Какъ же я смѣю васъ обманывать-съ? Съ чѣмъ это сообразно? (*Садится.*)

Юлинька.

Мужчинамъ вѣрить ни въ чемъ нельзя, рѣшительно ни въ чемъ.

Бѣлогубовъ.

Отчего же такая критика на мужчинъ?

Юлинька.

Какая же критика, когда это истинная правда?

Бѣлогубовъ.

Не можетъ быть-съ. Это одинъ разговоръ; мужчины обыкновенно комплименты говорятъ, а барышни имъ не вѣрятъ, говорятъ, что мужчины обманщики.

Юлинька.

Вы все знаете. Вы, должно быть, сами очень много комплиментовъ говорили въ своей жизни.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ некому было, да и не умѣю-съ. Вамъ извѣстно, что я недавно сталъ вхожъ въ домъ-съ, а прежде этого и знакомства никакого не имѣлъ.

Юлинька.

И вы никого не обманывали?

Бѣлогубовъ.

Насчетъ чего вы спрашиваете?

Юлинька.

Не говорите. Я вамъ ни одного слова не вѣрю. (*Отворачивается.*)

Бѣлогубовъ.

Да за что-же-съ? Это даже обидно.

Юлинька.

Кажется, можете понять.

Бѣлогубовъ.

Не понимаю-съ.

Юлинька.

Не хотите! (*Закрываетъ глаза платкомъ.*)

Бѣлогубовъ.

Я васъ могу завѣрить, чѣмъ угодно-сь, что я всегда-сь... какъ былъ влюбленъ, такъ и теперь... Я вамъ ужъ докладывалъ...

Юлинька.

Любите, а медлите.

Бѣлогубовъ.

Да-сь... Теперь понимаю-сь. Такъ, вѣдь, это не такого рода дѣло-сь... скоро нельзя-сь.

Юлинька.

Отчего же Жадову можно?

Бѣлогубовъ.

Совсѣмъ другое дѣло-сь. У него дяденька богатый-сь, да и самъ онъ образованный человѣкъ, вездѣ можетъ мѣсто имѣть. Хоть и въ учителя пойдетъ—все хлѣбъ-сь. А я что-сь? Пока не дадутъ мѣста столоначальника, ничего не могу-сь... Да и вы сами не захотите щи да кашу кушать-сь. Это только намъ можно-сь, а вы барышни, вамъ нельзя-сь. А вотъ получу мѣсто, тогда совсѣмъ другой переворотъ будетъ.

Юлинька

Когда же этотъ переворотъ будетъ?

Бѣлогубовъ.

Теперь скоро-сь. Обѣщали. Какъ только получу мѣсто, такъ въ ту-жъ минуту... только платье новое сошью... Я ужъ и маменькѣ говорилъ-сь. Вы не сердитесь, Юлія Ивановна, потому что не отъ меня зависимо. Пожалуйста ручку. *(Юлинька протягиваетъ руку, не глядя на него. Онъ цѣлуетъ.)* Я ужъ и самъ жду не дождусь. *(Входятъ Жадовъ и Полина.)*

Юлинька.

Уйдемте, оставимте ихъ однихъ. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Жадовъ и Полина *(сидятъ)*.

Полина.

Знаете, что я вамъ скажу?

Жадовъ.

Нѣтъ, не знаю.

Полина.

Только вы, пожалуйста, маменькѣ не сказывайте.

Жадовъ.

Не скажу, будьте покойны.

Полина (*подумавъ*).

Я сказала бы вамъ, да боюсь, что вы меня разлюбите.

Жадовъ.

Васъ разлюбить? Да развѣ это можно?

Полина.

Да вы правду говорите?

Жадовъ (*беретъ за руку*).

Да ужъ не разлюблю, повѣрьте.

Полина.

Ну, смотрите же. Я вамъ по простотѣ скажу. (*Тихо.*) У насъ въ домѣ все обманъ, все, все, рѣшительно все. Вы, пожалуйста, ничему не вѣрьте, что вамъ говорятъ. За нами ничего нѣтъ. Маменька говоритъ, что насъ любитъ, а совсѣмъ не любитъ, только хочетъ поскорѣе съ рукъ сбыть. Женихамъ въ глаза льститъ, а за глаза ругаетъ. Насъ заставляетъ притворяться.

Жадовъ.

Васъ это возмущаетъ? Возмущаетъ?

Полина.

Только я не притворяюсь, я въ самомъ дѣлѣ васъ люблю.

Жадовъ.

Вы меня съ ума сведете! (*Цѣлуетъ руку.*)

Полина.

Да еще вотъ что я вамъ скажу: мы, вѣдь, совсѣмъ не образованы. Еще Юлія кой-что знаетъ, я такъ вовсе дурочка.

Жадовъ.

Кѣкъ дурочка?

Полина.

Такъ, какъ бываютъ дурочки. Ничего не знаю, ничего не читала... что вы иногда говорите, ничего не понимаю, рѣшительно ничего.

Жадовъ.

Вы ангелъ! (*Цѣлуетъ у ней руки.*)

Полина.

Я вотъ только добрѣ Юлиньки, а глупѣ ея гораздо.

Жадовъ.

За то-то я васъ и люблю, что васъ не успѣли ничему выучить, не успѣли испортить вашего сердца. Васъ надобно поскорѣй взять отсюда. Мы съ вами начнемъ новую жизнь. Я съ любовью займусь вашимъ воспитаніемъ. Какое наслажденіе ожидаетъ меня.

Полина.

Ахъ, поскорѣй бы!

Жадовъ.

Что же откладывать? Я ужъ рѣшился. (*Страстно смотритъ на нее. Молчаніе.*)

Полина.

У васъ есть знакомые купцы?

Жадовъ.

Что за вопросъ? На что вамъ?

Полина.

Такъ. Мнѣ хочется знать.

Жадовъ.

Я не понимаю, однако, для чего вамъ это?

Полина.

А вотъ для чего. Бѣлогубовъ говоритъ, что у него есть знакомые купцы и что они дарятъ ему жилетки, а когда онъ женится, тогда будутъ дарить матеріи женѣ на платье.

Жадовъ.

Вотъ что! Ну нѣтъ, намъ дарить не будутъ. Мы съ вами будемъ сами трудиться. Такъ, вѣдь, Полина?

Полина (*разсѣянно*).

Да-съ.

Жадовъ.

Нѣтъ, Полина, вы еще не знаете высокаго блаженства жить своимъ трудомъ; вы во всемъ обезпечены. Богъ дастъ, узнаете. Все, что мы приобрѣтаемъ, будетъ наше, мы ужъ

никому не будемъ обязаны. Понимаете вы это? Тутъ два наслажденія: наслажденіе трудомъ и наслажденіе свободно и съ спокойною совѣстью распоряжаться своимъ добромъ, не давая никому отчета. А это лучше всякихъ подарковъ. Не правда ли, Полина, вѣдь, лучше?

Полина.

Да-съ, лучше. (*Молчаніе.*) Хотите, я вамъ загадаю загадку?

Жадовъ.

Загадайте.

Полина.

Что идетъ безъ ногъ?

Жадовъ.

Вотъ какая загадка! Дождикъ.

Полина.

Какъ это вы все знаете! Досадно, право. Я такъ никакъ не могла отгадать, ужъ Юлинька сказала.

Жадовъ.

Дитя! Оставайтесь всегда такимъ ребенкомъ.

Полина.

А можно счесть звѣзды на небѣ?

Жадовъ.

Можно.

Полина.

Нѣтъ, нельзя. Я вамъ не повѣрю.

Жадовъ.

Да нечего и трудиться считать, онѣ ужъ сосчитаны.

Полина.

Вы смѣтесъ надо мной. (*Отворачивается.*)

Жадовъ (*нѣжно*).

Мнѣ смѣяться надъ вами, Полина! Я всю жизнь хочу посвятить вамъ. Посмотрите на меня хорошенько, могу ли я смѣяться надъ вами?

Полина (*смотритъ на него*).

Нѣтъ, нѣтъ...

Жадовъ.

Вы говорите, что вы дурочка,—я дуракъ. Смѣйтесь надо мной! Да ужъ многіе и смѣются. Безъ средствъ, безъ со-

стоянія, съ однѣми надеждами на будущее, я женюсь на васъ. Зачѣмъ ты женишься? говорятъ мнѣ. Зачѣмъ? Затѣмъ, что люблю васъ, что вѣрю въ людей. Что я поступаю необдуманно—съ этимъ я согласенъ. Когда же мнѣ думать, я такъ люблю васъ, что мнѣ некогда думать. (*Кукушкина и Юсовъ входятъ.*)

Полина (*съ нѣкоторымъ чувствомъ*).

Я сама васъ люблю. (*Жадовъ цѣлуетъ у ней руку.*)

Кукушкина (*Юсову*).

Посмотрите, точно голуби воркуютъ. Не мѣшайте имъ. Трогательно видѣть! (*Бѣлогубовъ и Юлинька входятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Жадовъ, Полина, Кукушкина, Юсовъ, Бѣлогубовъ и Юлинька.

Жадовъ (*оборачиваясь, беретъ Полину за руку и подводитъ къ Кукушкиной*).

Фелисата Герасимовна, отдайте мнѣ это сокровище.

Кукушкина.

Признаюсь вамъ, мнѣ тяжело съ ней разстаться. Это любимая моя дочь... она была бы мнѣ утѣшеніемъ на старости... но Богъ съ ней, возьмите ее... ея счастье для меня дороже. (*Закрываетъ лицо платкомъ. Жадовъ и Полина цѣлуютъ у ней руки. Бѣлогубовъ подаетъ ей стулъ. Садится.*)

Юсовъ.

Вы истинная мать, Фелисата Герасимовна.

Кукушкина.

Да, я этимъ похвастаться могу. (*Съ жаромъ.*) Нѣтъ, воспитаніе дочерей неблагодарное дѣло! Вырастишь, взлелѣешь подлѣ себя, и потомъ отдай чужому человѣку... останься сиротой... ужасно! (*Закрываетъ глаза платкомъ.*)

Бѣлогубовъ.

Маменька, мы васъ не оставимъ.

Полина и Юлинька (*вмѣстѣ*).

Маменька, мы васъ не оставимъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ДѢЙСТВІИ:

*Жадовъ.**Мыкинъ*, его пріятель, учитель.*Досужевъ.**Юсовъ.**Бѣлогубовъ.*

1-й	}	чиновники.
2-й		

<i>Григорій</i>	}	половые.
<i>Василій</i>		

Гости и половые въ другой комнатѣ.

(Между вторымъ и третьимъ дѣйствіями проходитъ около года.)

Трактиръ. Задняя завѣсъ на второмъ планѣ, посреди машина, направо отворенная дверь, въ которую видна комната, налѣво вѣшалка для платья, на авансценѣ по обѣ стороны столы съ диванами.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Василій стоитъ у машины и читаетъ газету, *Григорій* стоитъ у двери и смотритъ въ другую комнату. *Жадовъ* и *Мыкинъ* входятъ. *Григорій* ихъ провожаетъ, стираетъ со стола и стелетъ салфетку.

Мыкинъ.

Ну что, старый пріятель, какъ поживаешь?

Жадовъ.

Плохо, братъ. (*Григорію.*) Дай-ка намъ чаю. (*Григорій уходитъ.*) А ты какъ?

*Мыкинъ.*Ничего. Живу себѣ, учительствую понемногу. (*Садятся.*)*Жадовъ.*

Много ли ты получаешь?

Мыкинъ.

Двѣсти рублей.

Жадовъ.

Тебѣ довольно?

Мыкинъ.

Такъ и живу, соображаясь со средствами. Лишнихъ затѣй, какъ видишь, не завожу.

Жадовъ.

Да, холостому жить можно.

Мыкинъ.

И тебѣ надобно было жениться! Нашему брату жениться не слѣдъ. Гдѣ ужъ намъ, голякамъ! Сытъ, прикрытъ чѣмъ-нибудь отъ вліянія стихій—и довольно. Знаешь пословицу: одна голова не бѣдна, а хоть и бѣдна, такъ одна.

Жадовъ.

Дѣло сдѣлано.

Мыкинъ.

Посмотри ты на себя, такой ли ты былъ прежде. Чтò, братъ, видно, укатали сивку крутыя горки? Нѣтъ, нашему брату жениться нельзя. Мы работники. (*Григорій подаетъ чай. Мыкинъ наливаетъ.*) Ужъ служить, такъ служить; для себя пожить послѣ успѣемъ, коли придется.

Жадовъ.

Чтò-жъ дѣлать-то! Я полюбилъ ее очень.

Мыкинъ.

Мало ли чтò, полюбилъ! Развѣ другіе-то не любятъ? Эхъ, братъ, и я любилъ, да не женился вотъ. И тебѣ не слѣдовало жениться.

Жадовъ.

Да отчего же?

Мыкинъ.

Очень просто. Холостой человѣкъ думаетъ о службѣ, а женатый о женѣ. Женатый человѣкъ ненадеженъ.

Жадовъ.

Ну, вотъ вздоръ.

Мыкинъ.

Нѣтъ, не вздоръ. Я не знаю, чего бы я не сдѣлалъ для той дѣвушки, которую любилъ. Но я рѣшился лучше принести жертву. Лучше, братъ, заморить въ себѣ это весьма законное чувство, чѣмъ подвергнуться искушеніямъ.

Жадовъ.

Я думаю, тебѣ не легко было?

Мыкинъ.

Ну, да ужъ что говорить! Отказываться вообще не легко; а отказаться отъ любимой женщины, когда и препятствій никакихъ нѣтъ, кромѣ бѣдности... Ты очень любишь свою жену?

Жадовъ.

Безумно.

Мыкинъ.

Ну, плохо дѣло! Умна она?

Жадовъ.

Право, не знаю. Знаю только, что она мила необыкновенно. Какая-нибудь бездѣлица разстроитъ ее, она такъ мило, такъ искренно расплачется, что самъ, глядя на нее, заплачешь.

Мыкинъ.

Ты мнѣ скажи откровенно, какъ ты живешь. Я, вѣдь, тебя полтора года не видалъ.

Жадовъ.

Изволь. Исторія моя коротка. Я женился по любви, какъ ты знаешь, взялъ дѣвушку неразвитую, воспитанную въ общественныхъ предразсудкахъ, какъ и всѣ почти наши барышни, мечталъ ее воспитать въ нашихъ убѣжденіяхъ, и вотъ ужъ годъ женатъ...

Мыкинъ.

И что же?

Жадовъ.

Разумѣется, ничего. Воспитывать ее мнѣ некогда, да я и не умѣю приняться за это дѣло. Она такъ и осталась при своихъ понятіяхъ; въ спорахъ, разумѣется, я ей долженъ уступать. Положеніе, какъ видишь, незавидное, а поправить нечѣмъ. Да она меня и не слушаетъ, она меня просто не считаетъ за умнаго человѣка. По ихъ понятію, умный человѣкъ долженъ быть непременно богатъ.

Мыкинъ.

Вотъ куда пошло! Ну, а какъ насчетъ средствъ?

Жадовъ.

Работаю съ утра до ночи.

Мыкинъ.

И все не хватаетъ?

Жадовъ.

Нѣтъ, жить можно.

Мыкинъ.

Ну, а жена?

Жадовъ.

Дуется немного, а иногда поплачетъ. Чтò-жъ дѣлать!

Мыкинъ.

Жаль мнѣ тебя. Нѣтъ, братъ, намъ жениться нельзя. Я вотъ годъ былъ безъ мѣста, ѣлъ одинъ черный хлѣбъ. Чтò бы я съ женой-то дѣлалъ? (*Досужевъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Досужевъ.

Досужевъ (*сидя у другого стола*).

Гарсонъ, жизни!

Василій.

Какой прикажете?

Досужевъ.

Рябиновой. Съ приличною нашему званію закуской.

Василій.

Слушаю-съ. (*Идетъ къ двери.*)

Досужевъ.

Французской горчицы! Слышишь? Трактиръ запечатаю. Григорій, запусти шарманку.

Григорій.

Сейчасъ-съ. (*Заводитъ машину.*)

Мыкинъ.

Вотъ это, должно быть, холостой!

Досужевъ.

Чтò вы на меня смотрите? Я вотъ карася дожидаясь.

Жадовъ.

Какого карася?

Досужевъ.

Придетъ съ рыжей бородой, я его буду ѣсть. (*Василій приноситъ водку.*) Ты, Василій, поглядывай его тамъ. Какъ придетъ, такъ скажи мнѣ. (*Машина играетъ.*) Господа, видали, какъ пьяные нѣмцы плачутъ? (*Представляетъ плачущаго нѣмца. Жадовъ и Мыкинъ смѣются. Машина замолкаетъ.*)

Мыкинъ (*Жадову*).

Ну, прощай! Какъ-нибудь зайду къ тебѣ.

Жадовъ.

Прощай. (*Мыкинъ уходитъ.*)

Василій (*Досужеву*).

Пожалуйте, пришелъ-съ.

Досужевъ.

Позови сюда.

Василій.

Нейдетъ-съ. Сѣлъ въ заднюю комнату.

Досужевъ (*Жадову*).

Конфузится. Прощайте! Коли посидите здѣсь, я приду поговорить съ вами, мнѣ ваша фizioномія понравилась. (*Уходитъ.*)

Жадовъ (*Василью*).

Дай-ка что-нибудь почитать.

Василій (*подаетъ книгу*).

Извольте вотъ прочитать статейку. Одобряютъ-съ. (*Жадовъ читаетъ. Входятъ Юсовъ, Бѣлогубовъ, 1-й и 2-й чиновники.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Жадовъ, Юсовъ, Бѣлогубовъ, 1-й и 2-й чиновники.

Бѣлогубовъ.

Акимъ Акимычъ-съ, мы тамъ пообѣдали, позвольте васъ здѣсь виномъ угостить, и музыка поиграетъ-съ.

Юсовъ.

Угощай, угощай.

Бѣлогубовъ.

Какого прикажете? Шампанскаго-съ?

Юсовъ.

Ну его...

Бѣлогубовъ.

Такъ рейнвейну-съ? Господа, садитесь! (*Садятся всѣ, кромѣ Бѣлогубова.*) Василій! принеси рейнвейну заграничной разливки. (*Василій уходитъ.*) А, братецъ, здравствуйте! Не угодно ли съ нами за компанію? (*Подходитъ къ Жадову.*)

Жадовъ.

Благодарю васъ. Я не пью.

Бѣлогубовъ.

Что это, братецъ, помилуйте! Для меня-то!... одну рюмочку... мы съ вами теперь родственники! (*Василій приноситъ вино. Бѣлогубовъ подходитъ къ своему столу.*) Наливай! (*Василій наливаетъ.*)

Юсовъ.

Ну, братъ, за твоё здоровье! (*Беретъ рюмку и встаетъ.*)

1-й и 2-й чиновники.

За ваше здоровье-съ. (*Берутъ рюмки и встаютъ.*)

Юсовъ (*показывая пальцемъ на голову Бѣлогубова*).

Въ этомъ лбу, въ этой головѣ всегда видѣлъ прокъ. (*Чокаются рюмками.*) Цоцѣлуемся! (*Цѣлуются.*)

Бѣлогубовъ.

Нѣтъ, позвольте ручку-съ.

Юсовъ (*прячетъ руку*).

Не надо, не надо. (*Садится.*)

Бѣлогубовъ.

Черезъ васъ человѣкомъ сталъ-съ.

1-й и 2-й чиновники.

Позвольте-съ. (*Чокаются съ Бѣлогубовымъ, пьютъ и садятся.*)

Бѣлогубовъ (*наливаетъ рюмку и подаетъ на поднось Жадову*).

Братецъ, сдѣлайте одолженіе.

Жадовъ.

Я вамъ сказалъ, что не пью.

Бѣлогубовъ.

Нельзя-съ, братецъ, обидите.

Жадовъ.

Это скучно, наконецъ.

Бѣлогубовъ.

Коли вина не угодно, чѣмъ прикажете васъ потчевать? Чего только пожелаете, братецъ, все съ удовольствіемъ.

Жадовъ.

Ничего мнѣ не нужно. Оставьте меня въ покоѣ! (*Читаетъ.*)

Бѣлогубовъ.

Ну, какъ угодно. Не знаю, братецъ, за что обижаете. Я со всѣмъ расположеніемъ... (*Отходитъ къ своему столу.*)

Юсовъ (*тихо*).

Оставь его.

Бѣлогубовъ (*садится*).

Господа, еще по рюмочкѣ! (*Наливаетъ.*) Пирожного не прикажете ли? Василій, принеси пирожного побольше! (*Василій уходитъ.*)

Юсовъ.

Ты что-то нынче разгулялся! Должно быть, ловко хватилъ?

Бѣлогубовъ (*показывая на карманъ*).

Попало-таки! А кому? Все вамъ обязанъ.

Юсовъ.

Зацѣпилъ, должно быть?

Бѣлогубовъ (*вынимаетъ пачку ассигнацій*).

Вотъ онѣ-съ.

Юсовъ.

Да ужъ я знаю тебя, у тебя рука-то не сфальшивить.

Бѣлогубовъ (*прячетъ деньги*).

Нѣтъ, позвольте! Кому же я обязанъ? Развѣ бы я понималъ что, кабы не вы? Отъ кого я въ люди пошелъ, отъ кого жить сталъ, какъ не отъ васъ? Подъ вашимъ крыломъ воспитался! Другой бы того и въ десять лѣтъ не узналъ всѣхъ тонкостей и оборотовъ, что я въ четыре года узналъ. Съ васъ примѣръ бралъ во всемъ, а то гдѣ бы мнѣ съ мо-

имъ-то умою! Другой отецъ того не сдѣлаетъ для сына, что вы для меня сдѣлали. (*Утираетъ глаза.*)

Юсовъ.

У тебя душа благородная, ты можешь чувствовать, а другіе не могутъ. (*Василій приноситъ пирожное.*)

Бѣлогубовъ.

Что бы я былъ? Дуракъ-съ! А теперь членъ общества, всѣ уважаютъ, по городу идешь, всѣ купцы кланяются, въ гости позовутъ, не знаютъ, гдѣ посадить, жена меня любить. А то за что бы ей любить-то меня, дурака? Василій! Нѣтъ ли у васъ конфетъ какихъ дорогихъ?

Василій.

Можно достать-съ.

Бѣлогубовъ.

Это женѣ-съ. (*Василью.*) Ну, такъ ты заверни въ бумагу побольше. Что хочешь возьми, ничего не пожалѣю. (*Василій идетъ.*) Пстой! И пирожного туда положи всякаго

Юсовъ.

Будетъ съ нее, избалуешь.

Бѣлогубовъ.

Нельзя-съ. (*Василью.*) Всего положи, слышишь?

Василій.

Слушаю-съ (*Уходитъ.*)

Бѣлогубовъ.

Люблю, очень люблю жену-съ. Будешь угождать, и она будетъ больше любить, Акимъ Акимычъ. Что я передъ ней-съ? Она образованная-съ... Платье нынче купилъ-съ... то-есть, не купилъ, а такъ взялъ, послѣ сочтемся.

Юсовъ.

Все равно. Неужели деньги платить? Можетъ быть, дѣло какое-нибудь будетъ, ну и квитъ. Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сходится. (*Василій приноситъ конфеты въ бумагу.*)

Бѣлогубовъ.

Положи въ шляпу. Еще по рюмочкѣ-съ. (*Наливаетъ.*) Василій! Еще бутылку.

Юсовъ.
Будетъ.

Бѣлогубовъ.
Нѣтъ, ужъ позвольте-съ. Здѣсь не вы распоряжаетесь, а я. (*Василій уходитъ.*)

1-й чиновникъ.
Какой случай былъ! Писарекъ у насъ, такъ дрянненькой, какую штуку выкинулъ! Фальшивую копію съ рѣшенія написалъ (что ему въ голову пришло!) и подписался за всѣхъ присутствующихъ, да и снесъ къ истцу. А дѣло-то интересное, денежное. Только онъ копію-то не отдалъ, себѣ на умѣ, а только показалъ. Ну, и деньги взялъ большія. Тотъ послѣ пришелъ въ судъ, анъ дѣло-то совсѣмъ не такъ.

Бѣлогубовъ.
Это ужъ подлость! За это выгнать нужно.

Юсовъ.
Именно выгнать. Не марай чиновниковъ. Ты возьми—такъ за дѣло, а не за мошенничество. Возьми такъ, чтобы и проситель былъ не обиженъ, и чтобы ты былъ доволенъ. Живи по закону; живи такъ, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы. Что за большимъ-то гоняться! Курочка по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ. А этотъ ужъ что за человѣкъ! Не нынче, такъ завтра подъ красную шапку угодить.

Бѣлогубовъ (*наливаетъ рюмку*).
Пожалуйте, Акимъ Акимычъ!... Что я у васъ попрошу, вы мнѣ не откажете? Я вамъ въ ножки поклонюсь.

Юсовъ.
Проси.

Бѣлогубовъ.
Помните, вы прошлый разъ пошлись подъ машину: „Подуй мостовой“-съ?

Юсовъ.
Ишь, что выдумалъ!

Бѣлогубовъ.
Осчастливьте, Акимъ Акимычъ! Такъ, чтобы ужъ я всю жизнь помнилъ.

Юсовъ.

Изволь, изволь. Для тебя только! Вели пустить „По улицѣ мостовой“.

Бѣлогубовъ.

Эй, Василій! Пусти „По улицѣ мостовой“ да постой у двери, посмотри, чтобы не вошелъ кто.

Василій.

Слушаю-съ. (*Заводитъ машину.*)

Юсовъ (*показывая на Жадова*).

Вотъ этотъ-то! Не люблю я его. Пожалуй, подумаетъ что-нибудь.

Бѣлогубовъ (*сидясь къ Жадову*).

Братецъ, будьте съ нами по-родственному. Вотъ Акимъ Акимычъ васъ конфузится.

Жадовъ.

Чего же онъ конфузится?

Бѣлогубовъ.

Да они потанцовать хотятъ. Надо, братецъ, и развлеченіе какое-нибудь имѣть послѣ трудовъ. Не все же работать. Что-жъ такое! Это удовольствіе невинное, мы никого не обижаемъ.

Жадовъ.

Танцуйте, сколько угодно, я вамъ не мѣшаю.

Бѣлогубовъ (*Юсову*).

Ничего-съ, Акимъ Акимычъ, онъ съ нами по-родственному.

Василій.

Прикажете пустить?

Юсовъ.

Пускай! (*Машина играетъ „По улицѣ мостовой“.* Юсовъ пляшетъ. По окончаніи, всѣ, кромѣ Жадова, хлопаютъ.)

Бѣлогубовъ.

Нѣтъ, ужъ теперь нельзя-съ! Надо шампанскаго выпить! Василій, бутылку шампанскаго! Да много ли денегъ за все?

Василій (*считаетъ на счетахъ*).

Пятнадцать рублей-съ.

Бѣлогубовъ.

Получи! (*Отдаетъ.*) Вотъ тебѣ полтинникъ на чай.

Василій.

Благодарю покорно-съ. (*Уходитъ.*)

Юсовъ (*громко*).

Вы, молодежь, молокососы, чай, смѣяться надъ старикомъ!

1-й чиновникъ.

Какъ можно, Акимъ Акимычъ, мы не знаемъ, какъ васъ благодарить!

2-й чиновникъ.

Да-съ.

Юсовъ.

Мнѣ можно плясать. Я все въ жизни сдѣлалъ, что предписано человѣку. У меня душа спокойна, сзади ноша не тянетъ, семейство обезпечилъ—мнѣ теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божій міръ! Птичку увижу, и на ту радуюсь, цвѣтокъ увижу, и на него радуюсь: премудрость во всемъ вижу. (*Василій приноситъ бутылку, откупориваетъ и наливаетъ въ продолженіе рѣчи Юсова.*) Помня свою бѣдность, нищую братію не забываю. Другихъ не осуждаю, какъ нѣкоторые молокососы изъ ученыхъ! Кого мы можемъ осуждать! Мы не знаемъ, что еще сами-то будемъ! Посмѣялся ты нынче надъ пьяницей, а завтра самъ, можетъ быть, будешь пьяница; осудишь нынче вора, а можетъ быть, самъ завтра будешь воромъ. Почему мы знаемъ свое опредѣленіе, кому чѣмъ быть назначено? Знаемъ одно, что всѣ тамъ будемъ. Вотъ ты нынче посмѣялся (*показывая глазами на Жадова*), что я плясалъ; а завтра, можетъ быть, хуже меня заплашешь. Можетъ быть (*кивая головой на Жадова*), и за подаяніемъ пойдешь, и руку протянешь. Вотъ гордость-то до чего доводитъ! Гордость, гордость! Я плясалъ отъ полноты души. На сердцѣ весело, на душѣ спокойно! Я никого не боюсь! Я хоть на площади передъ всѣмъ народомъ буду плясать. Мимоходящіе скажутъ: „сей человѣкъ пляшетъ, должно быть, душу имѣетъ чисту!“ и пойдетъ всякій по своему дѣлу.

Бѣлогубовъ (*поднимая бокалъ*).

Господа! За здоровье Акима Акимыча! Ура!

1-й и 2-й чиновники.

Ура!

Бѣлогубовъ.

Вотъ бы вы, Акимъ Акимычъ, осчастливили насъ, заѣхали къ намъ какъ-нибудь. Мы еще съ женой люди молодые, посо- вѣтовали бы намъ, поученье бы сказали, какъ жить въ законѣ и всѣ обязанности исполнять. Кажется, будь каменный чело- вѣкъ, и тотъ въ чувство придетъ, какъ васъ слушаетъ.

Юсовъ.

Заѣду какъ-нибудь. (*Беретъ газету.*)

Бѣлогубовъ (*наливаетъ бокалы и под- носитъ Жадову*).

Ужъ я, братецъ, отъ васъ не отстану.

Жадовъ.

Что вы мнѣ не дадите почитать! Интересная статья попа- лась, а вы все мѣшаете.

Бѣлогубовъ (*сидя подлѣ Жадова*).

Братецъ, вы на меня напрасно претензію имѣете. Бросимте, братецъ, всю эту вражду. Выкушайте! Для меня теперь это ничего не значить-съ. Будемте жить по-родственному.

Жадовъ.

Нельзя намъ съ вами жить по-родственному.

Бѣлогубовъ.

Отчего-же-съ?

Жадовъ.

Не пара мы.

Бѣлогубовъ.

Да, конечно, кому какая судьба. Я теперь въ счастіи, а вы въ бѣдномъ положеніи. Что-жъ, я не горжусь. Вѣдь, это, какъ кому судьба. Я теперь все семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю, братецъ, что вы нуждаетесь; можетъ быть, вамъ деньги нужны; не обидьтесь, сколько могу! Я даже и за одолженіе не сочту. Что за счеты между родными!

Жадовъ.

Съ чего вы выдумали предлагать мнѣ деньги!

Бѣлогубовъ.

Братецъ, я теперь въ довольствѣ, мнѣ долгъ велить помо- гать. Я, братецъ, вижу вашу бѣдность.

Жадовъ.

Какой я вамъ братецъ! Оставьте меня.

Бѣлогубовъ.

Какъ угодно! Я отъ души предлагалъ. Я, братецъ, зла не помню, не въ васъ. Мнѣ только жаль смотрѣть на васъ съ женой съ вашей. (*Отходитъ къ Юсову.*)

Юсовъ (*брасая газету*).

Что нынче пишутъ! Ничего правоучительнаго нѣтъ! (*Наливаетъ Бѣлогубову.*) Ну, допивай. Пойдемте!

Бѣлогубовъ (*допиваетъ*).

Пойдемте! (*Василій и Григорій подаютъ шинели.*)

Василій (*подаетъ Бѣлогубову два свертка*).

Вотъ захватите-съ.

Бѣлогубовъ (*умильно*).

Для жены-съ. Люблю-съ. (*Уходятъ. Досужевъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Жадовъ и Досужевъ.

Досужевъ.

„Не стая вороновъ слеталась!“

Жадовъ.

Правда ваша.

Досужевъ.

Пойдемте въ Марьину рощу.

Жадовъ.

Мнѣ нельзя.

Досужевъ.

Отчего же? Семья, что ли? Дѣтей нянчить надо?

Жадовъ.

Дѣтей не нянчить, а жена дома дожидается.

Досужевъ.

Да вы давно съ ней не видались?

Жадовъ.

Какъ давно? Сегодня утромъ.

Досужевъ.

Ну, такъ это недавно. Я думалъ, дня три не видались. (*Жадовъ смотритъ на него.*) Чтò вы на меня смотрите! Я знаю, чтò вы думаете обо мнѣ. Вы думаете, что я такой же, какъ вотъ эти франты, чтò ушли; такъ ошибаетесь. Ослы во львиной шкурѣ! Только шкура-то и страшна. Ну, и пугаютъ народъ.

Жадовъ.

Признаться вамъ сказать, я никакъ не разберу, чтò вы за человекъ.

Досужевъ.

А вотъ, изволите ли видѣть, во-первыхъ—я веселый человекъ, а во-вторыхъ—замѣчательный юристъ. Вы учились, я это вижу, и я тоже учился. Поступилъ я на маленькое жалованье; взятокъ брать не могу—душа не переносить, а жить чѣмъ-нибудь надо. Вотъ я и взялся за умъ: принялся за адвокатство, сталъ купцамъ слезныя прошенія писать. Ужъ коли не ѣхать, такъ давайте выпьемъ. Василій, водки! (*Василій уходитъ.*)

Жадовъ.

Я не пью.

Досужевъ.

Гдѣ вы родились? Ну, да это вздоръ! Со мной можно. Ну, вотъ-съ, сталъ я слезныя прошенія писать-съ. Вѣдь, вы не знаете, чтò это за народъ! Я вамъ сейчасъ расскажу. (*Входитъ Василій.*) Налей двѣ. Получи за весь графинъ. (*Отдаетъ деньги.*)

Жадовъ.

И съ меня за чай. (*Отдаетъ. Василій уходитъ.*)

Досужевъ.

Выпьемъ.

Жадовъ.

Извольте; для васъ только, а то, право, не пью. (*Чокаются и пьютъ. Досужевъ наливаетъ еще.*)

Досужевъ.

Напиши бородѣ прошеніе просто да возьми съ него недорого, такъ онъ тебя осѣдлаетъ. Откуда фамильярность явится: „Ну, ты, писака! на тебѣ на водку“. Почувствовалъ я къ нимъ злобу неукротимую! Выпьемте! „Пити вмерти, й

не пить вмерти; такъ вже лучше пить вмерти“. (*Пьютъ.*)
 Сталъ я имъ писать по ихъ вкусу. Напримѣръ: надо представить вексель ко взысканію—и всего-то десять строкъ письма, а ему пишешь листа четыре. Начинаю такъ: „будучи обремененъ въ многочисленномъ семействѣ количествомъ членовъ“. И всѣ его орнаменты вставишь. Такъ напишешь, что онъ плачетъ, а вся семья рыдаетъ до истерики. Насмѣешься надъ нимъ да возьмешь съ него кучу денегъ, вотъ онъ и уважаетъ тебя, и кланяется въ поясъ. Хоть веревки изъ него вей. Всѣ ихъ толстыя тещи, всѣ бабушки невѣсть тебѣ сватаютъ богатыхъ. Человѣкъ-то ужъ очень хорошъ, по душѣ имъ пришелся. Выпьемте!

Жадовъ.

Будетъ!

Досужевъ.

За мое здоровье!

Жадовъ.

Ужъ развѣ за ваше здоровье. (*Пьютъ.*)

Досужевъ.

Много надо силы душевной, чтобы съ нихъ взяткомъ не брать. Надъ честнымъ чиновникомъ они сами же смѣяться будутъ; унижать готовы—это имъ не съ руки. Кремнемъ надо быть! И храбриться-то, право, не изъ чего! Тащи съ него шубу, да и все тутъ. Жаль, не могу. Я только беру съ нихъ деньги за ихъ невѣжество, да пропиваю. Эхъ! охота вамъ было жениться! Выпьемте. Какъ васъ зовутъ?

Жадовъ.

Василій.

Досужевъ.

Тёзка. Выпьемъ, Вася. (*Пьютъ.*) Я вижу, ты хорошій человѣкъ.

Жадовъ.

Какой я человѣкъ! Я ребенокъ, я объ жизни не имѣю никакого понятія. Все это ново для меня, что я отъ васъ слышу. Мнѣ тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругомъ развратъ, силъ мало! Зачѣмъ же насъ учили!

Досужевъ.

Пей, легче будетъ.

Жадовъ.

Нѣтъ, нѣтъ! (*Опускаетъ голову на руки.*)

Досужевъ.

Такъ ты не поѣдешь со мной?

Жадовъ.

Не поѣду. Зачѣмъ вы меня поили! Что вы со мной сдѣлали!

Досужевъ.

Ну, прощай! Впередъ будемъ знакомы! Захмелѣлъ, братъ! (*Жметъ Жадову руку.*) Василій, манто! (*Надѣваетъ шинель.*) Ты меня строго не суди! Я человѣкъ потерянный. Постарайся быть лучше меня, коли можешь. (*Идетъ къ двери и возвращается.*) Да! вотъ тебѣ еще мой совѣтъ. Можетъ быть, съ моей легкой руки, запьешь, такъ вина не пей, а пей водку. Вино намъ не по карману, а водка, братъ, лучше всего: и горе забудешь, и дешево! Adieu! (*Уходитъ.*)

Жадовъ.

Нѣтъ, пить не хорошо! Ничего не легче—еще тяжелѣй. (*Задумывается. Василій, по приказанію изъ другой залы, заводитъ машину. Машина играетъ «Лучинушку». Жадовъ поетъ:») „Лучина, лучинушка, березовая!..“*

Василій.

Пожалуйте-съ! Не хорошо-съ! Безобразно-съ! (*Жадовъ машинально надѣваетъ шинель и уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА ВЪ ЧЕТВЕРТОМЪ ДѢЙСТВІИ:

Василій Николаичъ Жадовъ.

Полина, жена его.

Юлинька, жена Бѣлогубова.

Фелисата Герасимовна Кукушкина.

Сцена представляетъ очень бѣдную комнату. Направо окно, у окна столъ, на лѣвой сторонѣ зеркало.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Полина (*одна, смотритъ въ окно*).

Какъ скучно, просто, смерть! (*Поетъ:») „Матушка, голубушка, солнышко мое! пожалѣй, родимая, дитятко свое“.*

(Смѣется.) Какая пѣсня въ голову пришла! (Опять задумывается.) Провалился бы, кажется, отъ скуки. Загадать развѣ на картахъ? Чтò-жъ, за этимъ дѣло не станетъ. Это можно, можно. Чего другого, а это у насъ есть. (Достаетъ изъ стола карты.) Какъ хочется поговорить съ кѣмъ-нибудь. Кабы кто-нибудь пришелъ, вотъ бы я была рада, сейчасъ бы развеселилась. А то на чтò это похоже! сиди одна, все одна... Ужъ нечего сказать, люблю поговорить. Бывало, мы у маменьки, утро-то настанетъ, трещимъ, трещимъ, и не увидишь, какъ пройдетъ. А теперь и поговорить не съ кѣмъ. Развѣ къ сестрѣ сбѣгать? Да ужъ поздно. Эко я, дура, не догадалась пораньше. (Поетъ:) „Матушка, голубушка...“ Ахъ, я и забыла погадать-то!.. Объ чемъ бы загадать-то? А вотъ загадаю я, будетъ ли у меня новая шляпка? (Раскладываетъ карты.) Будетъ, будетъ... будетъ, будетъ! (Хлопаетъ въ ладоши, задумывается и потомъ поетъ:) „Матушка, голубушка, солнышко мое! пожалѣй, родимая, дитятко свое“. (Входитъ Юлинька.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПОЛИНА И ЮЛИНЬКА.

Полина.

Здравствуй, здравствуй! (Цѣлуются.) Какъ я тебѣ рада. Скидай шляпку!

Юлинька.

Нѣтъ, я къ тебѣ на минуту.

Полина.

Ахъ, какъ ты хорошо одѣта, сестрица!

Юлинька.

Да, я теперь себѣ покупаю все, чтò только есть лучшаго и новаго изъ-за границы.

Полина.

Счастлива ты, Юлинька!

Юлинька.

Да, я могу про себя сказать, что я счастлива. А ты, Поленька, какъ ты живешь? Ужасно! Нынче совсѣмъ не такой тонъ. Нынче у всѣхъ принято жить въ роскоши.

Полина.

Что же мнѣ дѣлать? Развѣ я виновата?

Юлинька.

А мы вчера въ паркѣ были. Какъ весело было — чудо! Какой-то купецъ угощаль насъ ужиномъ, шампанскимъ, фруктами разными.

Полина.

А я все дома сижу одна, со скуки погибаю.

Юлинька.

Да, Полина, я ужъ теперь совсѣмъ не та стала. Ты не можешь представить, какъ деньги и хорошая жизнь облагораживаютъ человѣка. Въ хозяйствѣ я теперь ничѣмъ не занимаюсь, считаю низкимъ. Я теперь все пренебрегаю, кромѣ туалета. А ты! ты! это ужасно! Что же твой мужъ дѣлаетъ, скажи, пожалуйста?

Полина.

Онъ меня даже и къ вамъ не пускаетъ, все велитъ сидѣть дома да работать.

Юлинька.

Какъ это глупо! Представляетъ изъ себя умнаго человѣка, а нынѣшняго тона не знаетъ. Онъ долженъ знать, что человѣкъ созданъ для общества.

Полина.

Какъ ты говоришь?

Юлинька.

Человѣкъ созданъ для общества. Кто-жъ этого не знаетъ! Это нынче рѣшительно всѣмъ извѣстно.

Полина.

Хорошо, я это ему скажу.

Юлинька.

Ты бы съ нимъ ссориться попробовала.

Полина.

Пробовала, да что толку. Онъ всегда правъ выходить, а я виновата остаюсь.

Юлинька.

Да онъ любить тебя?

Полина.

Очень любить.

Юлинька.

А ты его?

Полина.

И я люблю.

Юлинька.

Ну, такъ ты сама виновата, душа моя. Лаской изъ мужчинъ ничего не сдѣлаешь. Ты къ нему ластишься — вотъ онъ и сидитъ сложа руки, ни объ себѣ, ни объ тебѣ не думаетъ.

Полина.

Онъ много работаетъ.

Юлинька.

Да что проку въ его работѣ-то? Вотъ мой мужъ и много работаетъ, а посмотри, какъ мы живемъ. Надобно правду сказать, Онисимъ Панфиловичъ для дома отличный человекъ, настоящій хозяинъ; чего, чего у насъ нѣтъ, кабы ты посмотрѣла. И въ какое короткое время! Откуда онъ только беретъ! А твой? Что это? Вѣдь, срамъ смотрѣть, какъ вы живете.

Полина.

Онъ все говорить: сиди, работай, не завидуй другимъ; будемъ и мы жить хорошо.

Юлинька.

Да когда же это будетъ? Состарѣешься, пока дождешься. На что тогда и удовольствіе! Всякое терпѣніе лопнетъ.

Полина.

Что же мнѣ дѣлать?

Юлинька.

Онъ просто тиранъ. Что съ нимъ много-то разговаривать! Скажи, что ты его не любишь — вотъ и все тутъ. Или вотъ что лучше: ты скажи ему, что тебѣ надоѣла такая жизнь, что ты не хочешь съ нимъ жить и переѣдешь къ маменькѣ, и чтобъ онъ не зналъ тебя. А я маменьку предупрежу объ этомъ.

Полина.

Хорошо, хорошо! Я это обдѣлаю въ лучшемъ видѣ.

Юлинька.

Да сумѣешь ли ты?

Полина.

Еще бы! Я какую хочешь сцену сыграю не хуже всякой актрисы. Во-первыхъ, насъ дома къ этому съ малолѣтства пріучили, а теперь я все сижу одна, работать-то скучно, я все сама съ собою и разговариваю. Такъ научилась, что чудо. Только немного жаль его будетъ.

Юлинька.

А ужъ ты не жалѣй! А я тебѣ, Полина, шляпку привезла. (*Вынимаетъ изъ картонка.*)

Полина.

Ахъ, какая прелесть! Спасибо, сестрица, душенька! (*Целуетъ ее.*)

Юлинька.

А то у тебя старая-то ужъ не хороша.

Полина.

Ужасная мерзость! Скверно на улицу выйти. Вотъ я теперь мужа подразню. Вотъ, скажу, милый мой, посторонніе купили, а ты не догадаешься.

Юлинька.

Да ужъ дѣлать нечего, Полинъка, мы пока, сколько можемъ, будемъ тебя поддерживать. Только не слушай ты, пожалуйста, своего мужа. Ты ему растолкуй хорошенько, что ты его даромъ любить не будешь. Ты, глупенькая, пойми, за что ихъ даромъ любить-то, мужьевъ-то? Это довольно странно! Обезпечь меня, дескать, во всемъ, чтобы я блистала въ обществѣ, тогда я тебя и стану любить. Онъ отъ каприза не хочетъ твоего счастья, а ты молчишь. Попроси только онъ у дяди—и ему дадутъ такое же доходное мѣсто, какъ у моего мужа.

Полина.

Ужъ я теперь къ нему пристану.

Юлинька.

Ты представь только себѣ: ты такая хорошенькая, одѣнь-ка тебя со вкусомъ да посади въ театръ... при огнѣ-то... всѣ мужчины такъ на тебя лорнеты и уставятъ.

Полина.

Не говори, сестрица, заплачу.

Юлинька.

Вотъ тебѣ денегъ (*достаетъ изъ портмоне*); иногда что понадобится, такъ можешь и безъ мужа обойтись. У насъ теперь есть средства, такъ что мы рѣшились даже другимъ благодѣтельствовать.

Полина.

Спасибо, сестрица! Только онъ, пожалуй, разсердится.

Юлинька.

Велика важность! Что на него смотрѣть-то! Отъ родныхъ, не отъ чужихъ. Что-жъ, по его милости, голодной сидѣть! Прощай, Полина!

Полина.

Прощай, сестрица! (*Провожаетъ ее; Юлинька уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Полина.

Какая эта Юлинька у насъ умная! А я-то дура, дура! (*Увидавъ картонъ.*) Новая шляпка! новая шляпка! (*Хлопаетъ въ ладоши.*) Я теперь цѣлую недѣлю буду весела, если только мужъ не разстроитъ. (*Поетъ:*) „Матушка, голубушка...“ и т. д. (*Кукушкина входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Полина и Кукушкина.

Кукушкина.

У тебя все пѣсенки на умѣ.

Полина.

Здравствуйте, маменька! Отъ скуки.

Кукушкина.

Я совсѣмъ и ходить-то къ тебѣ не хотѣла

Полина.

Отчего же, маменька?

Кукушкина.

Мерзко мнѣ, сударыня, мерзко бывать у васъ. Да такъ ужъ мимо шла, такъ зашла къ тебѣ. Нищенство, бѣдность...

фу... я этого видѣть не могу! У меня чистота, у меня порядокъ, а здѣсь — что такое! Изба деревенская! Гадость!

Полина.

Чѣмъ же я-то виновата?

Кукушкина.

Бываютъ же такіе мерзавцы на свѣтѣ! А впрочемъ, я его и не виню: я на него никогда надежды не имѣла. Ты-то что-жъ молчишь, сударыня? Не я ли тебѣ твердила: не давай мужу потачки, точи его поминутно, и день, и ночь: давай денегъ да давай, гдѣ хочешь возьми, да подай. Мнѣ, молъ, на то нужно, на другое нужно. Маменька, молъ, у меня тонкая дама, надо ее прилично принять. Скажетъ: нѣтъ у меня. А мнѣ, молъ, какое дѣло? Хоть укради, да подай. Зачѣмъ бралъ? Умѣлъ жениться, умѣй и жену содержать прилично. Да этакъ съ утра да до ночи долбила бы ему въ голову-то, такъ авось бы въ чувство пришелъ. У меня бы на твоёмъ мѣстѣ другого и разговора не было.

Полина.

Что-жъ дѣлать-то, маменька, у меня въ характерѣ никакой строгости нѣтъ.

Кукушкина.

Нѣтъ, ужъ ты лучше скажи, что у тебя въ характерѣ глупости много. баловства. А ты знаешь ли, что ваше баловство портитъ мужчинъ? У тебя все нѣжности на умѣ, все бы вѣшалась къ нему на шею. Обрадовалась, что замужъ вышла, дождалась. А нѣтъ, чтобы объ жизни подумать. Безстыдница! И въ кого это ты такая уродилась! У насъ въ роду всѣ рѣшительно холодны къ мужьямъ: больше все думаютъ объ нарядахъ, какъ одѣться прилично, блеснуть передъ другими. Отчего и не приласкать мужа, да надобно, чтобы онъ чувствовалъ, за что его ласкаютъ. Вотъ Юлинька, когда мужъ привезетъ ей что-нибудь изъ города, такъ и кинется ему на шею, такъ и замретъ, насилу стащатъ. Оттого онъ чуть не каждый день ей и возитъ подарки. А не привезетъ, такъ она и губы надуетъ и не говоритъ съ нимъ два дня. Висни, пожалуй, къ нимъ на шею-то, они и рады, имъ только это и нужно. Стыдись.

Полина.

Я чувствую, что я глупа; онъ приласкаетъ меня, а я и рада.

Кукушкина.

А вотъ погоди, мы на него насядемъ обѣ, такъ авось подастся. Главное—не баловать и не слушать его глупостей: онъ свое, а ты свое; споръ до обморока, а не уступай. Уступи имъ, такъ они готовы на насъ хоть воду возить. Да гордость-то, гордость-то ему сшибить надо. Ты знаешь ли, что у него на умѣ?

Полина.

Гдѣ мнѣ знать.

Кукушкина.

Это, вотъ видишь ли, есть такая дурацкая философія, я недавно въ одномъ домѣ слышала, нынче она въ моду пошла. Они забрали себѣ въ голову, что умнѣй всѣхъ на свѣтѣ, а то все дураки да взяточники. Какая глупость-то непростительная! Мы, говорятъ, не хотимъ брать взятку, хотимъ жить однимъ жалованьемъ. Да послѣ этого житья не будетъ! За кого-жъ дочерей-то отдавать? Вѣдь, этакъ, чего добраго, и родъ человѣческій прекратится. Взятки! Что за слово взятки? Сами-жъ его выдумали, чтобы обижать хорошихъ людей. Не взятки, а благодарность! А отъ благодарности отказываться грѣхъ, обидѣть человѣка надо. Коли ты холостой человѣкъ, на тебя и суда нѣтъ, юродствуй, какъ знаешь. Пожалуй, хоть и жалованья не бери. А коли женился, такъ умѣй жить съ женой, не обманывай родителей. За что они терзаютъ родительское сердце? Другой полоумный вдругъ беретъ воспитанную барышню, которая съ дѣтства понимаетъ жизнь и которую родители, не щадя ничего, воспитываютъ совсѣмъ не въ такихъ правилахъ, даже стараются, какъ можно, отдалять отъ такихъ глупыхъ разговоровъ, и вдругъ запираетъ ее въ конуру какую-то! Что же, по ихнему, изъ воспитанныхъ барышень имъ хочется прачекъ передѣлать? Ужъ коли хотятъ жениться, такъ женились бы на какихъ-нибудь заблужденныхъ, которымъ все равно, что барыней быть, что кухаркой, которая, изъ любви къ нимъ, рады будутъ себѣ и юбки стирать, и по грязи на рынокъ трепаться. А, вѣдь, есть такія, безъ понятія, женщины.

Полина.

Вотъ онъ и изъ меня, должно быть, то же хочетъ сдѣлать.

Кукушкина.

Что нужно для женщины... образованной, которая видитъ и понимаетъ всю жизнь, какъ свои пять пальцевъ? Они этого не понимаютъ. Для женщины нужно, чтобы она одѣта была всегда хорошо, чтобы прислуга была, а главное — нужно спокойствіе, чтобы она могла быть отдалена отъ всего, по своему благородству, ни въ какія хозяйственные дразги не входила. Юлинька у меня такъ и дѣлаетъ; она ото всего рѣшительно далека, кромѣ какъ занята собой. Она спитъ долго; мужъ поутру долженъ распорядиться насчетъ стола и рѣшительно всѣмъ; потомъ дѣвка напоить его чаемъ, и онъ уѣзжаетъ въ присутствіе. Наконецъ она встаетъ; чай, кофе, все это для нея готово, она кушаетъ, разодѣлась отличнѣйшимъ манеромъ и сѣла съ книжкой у окна дожидаться мужа. Вечеромъ надѣваетъ лучшія платья и ѣдетъ въ театръ или въ гости. Вотъ жизнь! вотъ порядокъ! вотъ какъ дама должна вести себя! Что можетъ быть благороднѣе, что деликатнѣе, что нѣжнѣе?... Хвалю.

Полина.

Ахъ, вотъ блаженство-то! Хоть бы недѣлку такъ пожила.

Кукушкина.

Да, съ своимъ мужемъ ты дождешься, какъ же!

Полина.

Ужъ вы его, маменька, хорошенько! А то мнѣ, право, завидно. Юлинька какъ ни пріѣдетъ, все въ новомъ платьѣ, а я все въ одномъ да въ одномъ. Вотъ онъ идетъ. (*Идетъ къ дверямъ. Жадовъ входитъ съ портфелемъ. Цѣлуются.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Жадовъ.

Жадовъ.

Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! (*Садится.*) Ахъ, какъ усталъ! (*Полина садится подле матери.*) Заработался совсѣмъ, отдыха себѣ не знаю. Утромъ въ присутствіе, днемъ на урокахъ, ночью за дѣлами сижу: беру выписки соста-

влять—порядочно платять. А ты, Полина, вѣчно безъ работы, вѣчно, сложа руки, сидишь! Никогда тебя за дѣломъ не застанешь.

Кукушкина.

Онѣ у меня не такъ воспитаны, къ работѣ не приучены.

Жадовъ.

Очень дурно. Послѣ трудно привыкать, когда съ малолѣтства не приучены. А надобно будетъ.

Кукушкина.

Незачѣмъ ей и привыкать. Я ихъ не въ горничныя готовила, а замужъ за благородныхъ людей.

Жадовъ.

Мы съ вами различныхъ мѣній, Фелисата Герасимовна. Я хочу, чтобы Полина слушалась меня.

Кукушкина.

То-есть, вы хотите сдѣлать изъ нея работницу; такъ ужъ такую бы себѣ подѣ пару и искали. А ужъ насъ извините, мы люди совсѣмъ не такихъ понятій въ жизни, въ насъ благородство врожденное.

Жадовъ.

Какое благородство? это фанфаронство пустое! А намъ, право, не до того.

Кукушкина.

Васъ послушать, такъ уши вянутъ. А вотъ что нужно сказать: кабы я знала, что она, несчастная, будетъ такую нищенскую жизнь вести, ужъ ни за что бы не отдала за васъ.

Жадовъ.

Вы ей, пожалуйста, не втолковывайте, что она несчастная женщина; я прошу васъ. А то она, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что несчастная.

Кукушкина.

А то счастлива? Разумѣется, въ самомъ горькомъ положеніи женщина. Другая бы на ея мѣстѣ, я ужъ и не знаю, что сдѣлала. *(Полина плачетъ.)*

Жадовъ.

Полина, перестань дурачиться, пожалѣй меня!

Полина.

У тебя все дурачиться. Видно, ты не любишь, когда тебѣ правду-то говорятъ.

Жадовъ.

Какую правду?

Полина.

Ужъ, разумѣется, правду; мамсенька не станетъ лгать.

Жадовъ.

Мы съ тобой уже объ этомъ поговоримъ.

Полина.

Не объ чемъ говорить-то. (*Отворачивается.*)

Кукушкина.

Разумѣется.

Жадовъ (*вздыхаетъ*).

Вотъ несчастіе! (*Кукушкина и Полина не обращаютъ на него вниманія и разговариваютъ шопотомъ. Жадовъ достаетъ изъ портфеля бумаги, раскладываетъ на столъ и въ продолженіе слѣдующаго разговора оглядывается на нихъ.*)

Кукушкина (*громко*).

Вообрази, Полина, я была у Бѣлогубова; онъ купилъ женѣ бархатное платье.

Полина (*сквозь слезы*).

Бархатное! Какого цвѣта?

Кукушкина.

Вишневое.

Полина (*плачетъ*).

Ахъ, Боже мой! Я думаю, какъ къ ней идетъ!

Кукушкина.

Чудо! Только представь, какой проказникъ Бѣлогубовъ! Насмѣшилъ, право, насмѣшилъ. Вотъ, маменька, я, говорить, вамъ жалуюсь на жену: я ей купилъ бархатное платье, она меня такъ цѣловала, укусила даже очень больно. Вотъ жизнь! Вотъ любовь! Не то, что у другихъ.

Жадовъ.

Это невыносимо! (*Встаетъ.*)

Кукушкина (*встаетъ*).

Позвольте спросить, милостивый государь, за что она страдаетъ? Дайте мнѣ отчетъ.

Жадовъ.

Она ужъ вышла изъ-подъ вашей опеки и поступила подъ мою, и потому оставьте мнѣ распоряжаться ея жизнью. Повѣрьте, что будетъ лучше.

Кукушкина.

Но я мать, милостивый государь.

Жадовъ.

А я мужъ.

Кукушкина.

Вотъ мы видимъ, каковъ вы мужъ! Никогда любовь мужа не можетъ сравниться съ родительскою.

Жадовъ.

Каковы родители!

Кукушкина.

Каковы бы ни были, все-таки, не вамъ чета. Мы вотъ, милостивый государь, какіе родители! Мы съ мужемъ по грошамъ набирали деньги, чтобы воспитать дочерей, чтобъ отдать ихъ въ пансіонъ. Для чего это, какъ вы думаете? Для того, чтобы онѣ имѣли хорошія манеры, не видали кругомъ себя бѣдности, не видали низкихъ предметовъ, чтобы не отяготить дитя и съ дѣтства пріучить ихъ къ хорошей жизни, благородству въ словахъ и поступкахъ.

Жадовъ.

Благодарю васъ. Я вотъ почти ужъ годъ стараюсь выбить изъ нея ваше воспитаніе, да никакъ не могу. Кажется, половину бы жизни отдалъ, чтобы только она его забыла.

Кукушкина.

Да развѣ я ее для такой жизни готовила? Я бы лучше руку дала на отсѣченіе, чѣмъ видѣть въ такомъ положеніи дочь: въ бѣдности, въ страданіи, въ убожествѣ.

Жадовъ.

Оставьте ваши сожалѣнія, я васъ прошу.

Кукушкина.

Развѣ онѣ у меня такъ жили? У меня порядокъ, у меня чистота. Средства мои самыя ничтожныя, а все-таки, онѣ жили, какъ герцогини, въ самомъ невинномъ состояніи; гдѣ ходъ въ кухню—не знали; не знали, изъ чего щи варятся;

только и занимались, какъ слѣдуетъ барышнямъ, разговоромъ объ чувствахъ и предметахъ самыхъ облагороженныхъ.

Жадовъ (*указывая на жену*).

Да, такого глубокаго разврата, какъ въ вашемъ семействѣ, я не видывалъ.

Кукушкина.

Развѣ такіе люди, какъ вы, могутъ оцѣнить благородное воспитаніе!... Моя вина, я поторопилась! Выдь она за человека съ нѣжными чувствами и съ образованіемъ, тотъ не зналъ бы, какъ благодарить меня за мое воспитаніе. И она была бы счастлива, потому что порядочные люди не заставляютъ женъ работать, для этого у нихъ есть прислуга, а жена только для...

Жадовъ (*быстро*).

Для чего?

Кукушкина.

Какъ для чего? Кто-жъ этого не знаетъ? Ну, извѣстно... для того, чтобы одѣвать, какъ нельзя лучше, любоваться на нее, вывозить въ люди, доставлять всѣ наслажденія, исполнять каждую ея прихоть, какъ законъ... боготворить.

Жадовъ.

Стыдитесь! Вы пожилая женщина, дожили до старости, вырастили дочерей и воспитывали ихъ, а не знаете, для чего человеку дана жена. Не стыдно ли вамъ! Жена не игрушка, а помощница мужу. Вы дурная мать!

Кукушкина.

Да, я знаю, что вы очень рады себѣ изъ жены кухарку сдѣлать. Безчувственный вы человекъ!

Жадовъ.

Полноте вздоръ болтать!

Полина.

Маменька, оставьте его.

Кукушкина.

Нѣтъ, не оставляю. Съ чего ты выдумала, чтобы я его оставила?

Жадовъ.

Перестаньте. Я васъ слушать не стану и женѣ не позволю. У васъ, на старости лѣтъ, все вздоръ въ головѣ.

Кукушкина.

Каковъ разговоръ, каковъ разговоръ, а!

Жадовъ.

Между мною и вами другого разговора быть не можетъ. Оставьте насъ въ покоѣ, я прошу васъ. Я люблю Полину и обязанъ беречь ее. Ваши разговоры вредны для Полины и безнравственны.

Кукушкина.

Да вы не очень горячитесь, милостивый государь!

Жадовъ.

Вы ровно ничего не понимаете.

Кукушкина (съ озлобленіемъ).

Не понимаю? Нѣтъ, я очень хорошо понимаю. Видала я примѣры-то, какъ женщины-то гибнуть отъ бѣдности. Бѣдность-то до всего доводитъ. Другая бьется, бьется, ну и со-бьется съ пути. Даже и винить нельзя.

Жадовъ.

Что? Какъ вы можете говорить при дочери такія вещи! Увольте насъ отъ своего посѣщенія... сейчасъ же, сейчасъ же.

Кукушкина.

Если дома холодно да голодно, да мужъ лѣнтяй, поне-воль будешь искать средствъ.

Жадовъ.

Оставьте насъ, я васъ честью прошу. Вы меня выведете изъ терпѣнія.

Кукушкина.

Ужъ, конечно, уйду, и нога моя никогда не будетъ у васъ. (Помина.) Каковъ мужъ-то у тебя? Вотъ горе-то! Вотъ не-счастье-то!

Полина.

Прощайте, маменька! (Плачетъ.)

Кукушкина

Плачь, плачь, несчастная жертва, оплакивай свою судьбу! Плачь до могилы! Да ты ужъ лучше умри, несчастная, чтобы не разрывалось мое сердце. Легче мнѣ будетъ. (Жадову.) Торжествуйте! Вы свое дѣло сдѣлали: обманули, прикину-лись влюбленнымъ, обольстили словами и потомъ погубили.

Вся| ваша цѣль была въ этомъ, я теперь васъ понимаю.
(Уходитъ. Полина ее провожаетъ.)

Жадовъ.

Надобно будетъ съ Полиной постороже поговорить. А то, чего добраго, ее вовсе съ толку собьютъ. (Полина возвращается.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Жадовъ и Полина (садится у окна, надувшись.)

Жадовъ (разложивъ бумаги, садится къ столу).

Фелисата Герасимовна, вѣроятно, больше къ намъ не придетъ, чему я очень радъ. Я бы желалъ, Полина, чтобы и ты къ ней не ходила, а также и къ Бѣлогубовымъ.

Полина.

Не прикажете ли для васъ всю родню бросить?

Жадовъ.

Не для меня, а для себя. У нихъ у всѣхъ такія дикія понятія! Я тебя учу добру, а они развращаютъ.

Полина.

Поздно меня учить, я ужъ учена.

Жадовъ.

Для меня было бы ужасно убѣдиться въ томъ, что ты говоришь. Нѣтъ, я надѣюсь, что ты меня поймешь, наконецъ. Теперь много работы у меня; а вотъ будетъ поменьше, мы съ тобой займемся. Утромъ будешь работать, а по вечерамъ будемъ читать. Тебѣ многое надо прочесть, ты, вѣдь, ничего не читала.

Полина.

Какъ же, стану я сидѣть съ тобой! Куда какъ весело! Человѣкъ созданъ для общества.

Жадовъ.

Что?

Полина.

Человѣкъ созданъ для общества.

Жадовъ.

Откуда это у тебя?

Полина.

Ты меня, въ самомъ дѣлѣ, за дуру считаешь. Кто-жъ этого не знаетъ! Всякій знаетъ. Чтò, ты меня съ улицы, чтò ли, взялъ?

Жадовъ.

Да для общества-то нужно приготовить себя, образовать.

Полина.

Ничего этого не нужно, все вздоръ; нужно только одѣваться по модѣ.

Жадовъ.

Ну, а мы и этого не можемъ, стало-быть, и толковать нечего. Займись-ка лучше работой какой-нибудь, и я примусь за дѣло. *(Беретъ перо.)*

Полина.

Работой займись! Съ чего это ты выдумалъ! Ужъ будетъ тебѣ надо мной командовать-то... помыкать-то всячески да насмѣхаться-то!

Жадовъ *(оборачивается)*.

Чтò это, Полина?

Полина.

А то же, что я хочу жить, какъ люди живутъ, а не какъ нищіе. Надоѣло ужъ. И такъ я съ тобой загубила свою молодость.

Жадовъ.

Вотъ новости! Я этого не слыхалъ еще.

Полина.

Не слыхалъ, такъ послушай. Ты думаешь, что я молчала-то почти годъ, такъ и все буду молчать? Нѣтъ, извини! Ну, да чтò толковать! Я хочу жить, какъ Юлинька живетъ, какъ всѣ благородныя дамы живутъ. Вотъ тебѣ и сказъ!

Жадовъ.

Вотъ чтò! Только позволь тебя спросить: на какія же средства намъ такъ жить?

Полина.

А мнѣ чтò за дѣло! Кто любитъ, тотъ найдетъ средства.

Жадовъ.

Да ты пожалѣй меня; я и такъ работаю, какъ волъ.

Полина.

Работаешь ты, или не работаешь—мнѣ вовсе никакого

дѣла нѣтъ. Не на мытарство, не на тиранство я за тебя замужъ шла.

Жадовъ.

Вы меня нынче совсѣмъ измучили. Замолчи, ради Бога!

Полина.

Какъ же, дожидайся, буду я молчать! По твоей милости всѣ смѣются надо мною. Чтò я стыда натерпѣлась! Сестрица ужъ сжалилась. Нынче пріѣхала: „ты, говоритъ, насъ срамишь, всю нашу фамилію: въ чемъ ты ходишь!“ И это не стыдно тебѣ? А еще увѣрялъ, что любишь. На свои деньги сестрица купила да привезла шляпку мнѣ:

Жадовъ *(встаетъ)*.

Шляпку?

Полина.

Да, вотъ она. Посмотри, нѣ. Чтò, хороша?

Жадовъ *(строго)*.

Отнести сейчасъ назадъ.

Полина.

Назадъ?

Жадовъ.

Да, сейчасъ, сейчасъ снеси! И не смѣй отъ нихъ ничего брать.

Полина.

Ну, ужъ этому не бывать; ужъ будьте покойны.

Жадовъ.

Такъ я ее выкину за окно.

Полина.

А! такъ ты вотъ какъ сталъ? Хорошо, мой другъ, я снесу.

Жадовъ.

И снеси.

Полина *(со слезами)*.

Снесу, снесу. *(Надѣваетъ шляпку, мантилью, беретъ зонтикъ.)* Прощайте!

Жадовъ.

Прощай!

Полина.

Простимся хорошенько; ужъ вы меня больше не увидите.

Жадовъ.

Это что за вздоръ еще?

Полина.

Я къ маменькѣ пойду, тамъ и останусь; ты ужъ и не ходи къ намъ.

Жадовъ.

Что за глупость ты говоришь, Полина!

Полина.

Нѣтъ, я ужъ давно обдумала! (*Чертитъ зонтикомъ по полу.*)
Что моя за жизнь? Одно мученье, и никакой радости!

Жадовъ.

Не грѣхъ тебѣ говорить? Неужели ты со мной и не видала никакой радости?

Полина.

Какія радости! Кабы ты богатъ былъ—другое дѣло, а то бѣдность-то терпѣть. Что за радость! Вотъ наемни пьяный пришелъ; еще, пожалуй, бить меня будешь.

Жадовъ.

Ахъ, Боже мой! Что ты говоришь? Одинъ разъ пришелъ навеселѣ... Да кто же изъ молодыхъ людей не бываетъ пьянъ?

Полина.

Знаемъ мы, бѣдность-то до чего доводитъ. Мнѣ маменька сказывала. Ты, пожалуй, запьешь, да и я-то съ тобой погибну.

Жадовъ.

Все вздоръ какой тебѣ въ голову лѣзетъ!

Полина.

Чего мнѣ ждать хорошаго-то? Я ужъ и на картахъ гадала про судьбу свою, и у ворожеи спрашивала: выходить—самая несчастная.

Жадовъ (*хватаетъ себя за голову*).

На картахъ гадаютъ! къ ворожеямъ ходить!

Полина.

По-твоему, чай, карты вздоръ! Нѣтъ, ужъ извини, ни въ жизнь не повѣрю! Карты никогда не лгутъ. Вотъ ужъ всегда-то правду говорятъ. Что даже на умѣ у человѣка, и то по картамъ сейчасъ видно. Ты, вѣдь, ничему не вѣришь, у тебя все вздоръ; оттого намъ и счастья нѣтъ.

Жадовъ (нѣжно).

Полина! (*Подходитъ къ ней.*)

Полина (*отходя*).

Сдѣлайте милость, оставьте.

Жадовъ.

Нѣтъ, ты меня не любишь.

Полина.

За что тебя любить-то? Очень нужно даромъ-то любить!

Жадовъ (*горячо*).

Какъ даромъ? какъ даромъ? За любовь я тебѣ плачу любовью. Да, вѣдь, ты жена моя! Развѣ ты забыла это? Ты обязана со мной дѣлить и горе и радость... если-бъ я былъ даже послѣдній нищій!

Полина (*садится на стулъ и, закинувъ голову, хохочетъ*).

Ха, ха, ха, ха!

Жадовъ.

Это ужъ гадко, наконецъ! это безнравственно!

Полина (*быстро встаетъ*).

Я не понимаю, что вамъ за охота жить съ безнравственной женщиной. Прощайте!

Жадовъ.

Богъ съ тобой, прощай! Коли ты можешь бросить равнодушно мужа, такъ прощай! (*Садится къ столу и подпираетъ голову руками.*)

Полина.

А что-жъ такое! Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ — гдѣ лучше.

Жадовъ.

Ну, прощай, прощай!

Полина (*передъ зеркаломъ*).

Вотъ шляпка, такъ шляпка, не то, что моя. (*Поетъ:*) „Матушка, голубушка, солнышко мое...“ Въ этой и по улицѣ-то пройдешь, все-таки, кто-нибудь взглянетъ, скажетъ: ахъ, какая хорошенькая! Прощайте! (*Присѣдаетъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Жадовъ (одинъ).

Что у меня за характеръ! Куда онъ годится? Съ женой — и то ужиться не могъ! Что же мнѣ дѣлать теперь? Господи, Боже мой! Я съ ума сойду. Безъ нея мнѣ незачѣмъ на свѣтѣ жить. Какъ это сдѣлалось, я, право, не понимаю. Какъ же это я могъ отпустить ее отъ себя! Что она будетъ дѣлать у матери? Тамъ она погибнетъ совсѣмъ. Марья! Марья! (*Марья за сценой: „Что угодно?“*) Догони, поди, барыню, скажи, что мнѣ нужно съ нею поговорить. Да поскорѣй, поскорѣй!.. Что это, въ самомъ дѣлѣ, Марья, какая ты неповоротливая! Да бѣги же, бѣги скорѣй! (*Марья за сценой: „Сейчасъ!“*) А ну, какъ она не захочетъ вернуться? Да и прекрасно сдѣлаетъ! Она имѣетъ полное право. Чѣмъ она виновата, что я не могу ее содержать прилично? Ей только восемнадцать лѣтъ, ей жить хочется, хочется удовольствій. А я держу ее въ одной комнатѣ, цѣлый день дома не бываю. Хороша любовь! Ну, вотъ и живи одинъ! Прекрасно! Очень хорошо!... Опять сирота! чего-жъ лучше! Поутру пойду въ присутствіе, послѣ присутствія домой незачѣмъ ходить — посижу въ трактирѣ до вечера; а вечеромъ домой, одинъ, на холодную постель... зальюсь слезами! И такъ каждый день! Очень хорошо! (*Плачетъ.*) Ну, что-жъ! не умѣлъ съ женой жить, такъ живи одинъ. Нѣтъ, надо рѣшиться на что-нибудь. Я долженъ или разстаться съ ней, или... жить... жить .. какъ люди живутъ. Объ этомъ надо подумать. (*Задумывается.*) Разстаться? Да въ силахъ ли я съ ней разстаться? Ахъ, какая мѣка! какая мѣка! Нѣтъ ужъ, лучше... что съ мельницами-то сражаться! Что я говорю! Какія мысли лѣзутъ мнѣ въ голову! (*Входитъ Полина.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Полина и Жадовъ.

Полина (*садится, не раздвываясь*).

Что вамъ угодно?

Жадовъ (*подбѣгаетъ къ ней*).

Пришла, пришла! Опять пришла!... Не стыдно ли тебѣ! Ты меня такъ разстроила, такъ разстроила, Полина, что я

и съ мыслями не соберусь. Я совсѣмъ растерялся. (*Цѣлуетъ руки.*) Полина, другъ мой!

Полина.

Да ты съ нѣжностями-то не подъѣзжай ко мнѣ.

Жадовъ.

Ты, вѣдь, пошутила, Полина, а? Ты меня не оставишь?

Полина.

Куда какъ интересно жить-то съ тобой, горс-то мыкать!

Жадовъ.

Ты меня убиваешь, Полина! Ужъ коли не любишь, такъ хоть пожалѣй меня. Ты знаешь, какъ я тебя люблю.

Полина.

Да, оно и видно! такъ и любятъ.

Жадовъ.

Какъ же еще любятъ? Какъ? Скажи, я все исполню, что ты мнѣ прикажешь.

Полина.

Поди сейчасъ къ дядѣ, помирись съ нимъ и попроси такое же мѣсто, какъ у Бѣлогубова, да и денегъ попроси кстати; послѣ отдадимъ, какъ разбогатѣемъ.

Жадовъ.

Ни за что на свѣтѣ, ни за что на свѣтѣ! И не говори ты мнѣ этого.

Полина.

Зачѣмъ же ты меня воротилъ? Смѣяться, что ли, надо мной хочешь? Такъ ужъ будетъ, я теперь стала умнѣй. Прощай! (*Встаетъ.*)

Жадовъ.

Постой! погоди, Полина! Дай мнѣ съ тобой поговорить.

Полина (*передъ зеркаломъ*).

Объ чемъ говорить? Ужъ все переговорили.

Жадовъ (*съ умоляющимъ видомъ*).

Нѣтъ, нѣтъ, Полина, не все еще. Много, много мнѣ нужно еще сказать тебѣ. Ты многого не знаешь. Кабы можно было мнѣ вдругъ передать тебѣ свою душу, передать то, о чемъ думалъ и мечталъ я, какъ бы я былъ счастливъ! Давай, по-

говоримъ, Полина, поговоримъ. Ты только, ради Бога, слушай, одной милости прошу у тебя.

Полина.

Говори.

Жадовъ (*горячо*).

Слушай, слушай! (*Беретъ ее за руку.*) Всегда, Полина, во всѣ времена были люди, они и теперь есть, которые идутъ наперекоръ устарѣвшимъ общественнымъ привычкамъ и условіямъ. Не по капризу, не по своей волѣ—нѣтъ, а потому, что правила, которыя они знаютъ, лучше, честнѣе тѣхъ правилъ, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила: они ихъ слышали съ пастырскихъ и профессорскихъ кафедръ, они ихъ вычитали въ лучшихъ литературныхъ произведеніяхъ нашихъ и иностранныхъ. Они воспитались въ нихъ и хотятъ ихъ провести въ жизни. Что это не легко—я согласенъ. Общественные пороки крѣпки, невѣжественное большинство сильно. Борьба трудна и часто пагубна; но тѣмъ больше славы для избранныхъ: на нихъ благословеніе потомства; безъ нихъ ложь, зло, насиліе выросли бы до того, что закрыли бы отъ людей свѣтъ солнечный...

Полина (*смотритъ на него съ изумленіемъ*).

Ты сумасшедшій, право, сумасшедшій! И ты хочешь, чтобъ я тебя слушала; у меня и такъ ума-то немного, и послѣдній съ тобой потеряешь.

Жадовъ.

Да ты послушай меня, Полина!

Полина.

Нѣтъ, ужъ я лучше буду слушать умныхъ людей.

Жадовъ.

Кого же ты будешь слушать? Кто эти умные люди?

Полина.

Кто? Сестрица, Бѣлогубовъ.

Жадовъ.

И ты сравнила меня съ Бѣлогубовымъ!

Полина.

Скажите, пожалуйста! Ты что такой за важный человѣкъ? Известно, Бѣлогубовъ лучше тебя. У начальства въ уваже-

ни, жену любить, отличный хозяинъ, свои лошади... А ты что? только что хвастать... (*передразнивая его*) „я умный, я благородный, всѣ дураки, всѣ взяточники!“

Жадовъ.

Что за тонъ у тебя! Что за манеры! Какая мерзость!

Полина.

Ты опять ругаться! Прощай! (*Хочетъ идти.*)

Жадовъ (*держитъ ее*).

Постой, погоди немножко.

Полина.

Пусти!

Жадовъ.

Нѣтъ, стой, стой! Полиночка, другъ мой, погоди! (*Хватаетъ ее за платье.*)

Полина (*смыется*).

Ну, что ты меня держишь руками-то! Какой ты чудакъ! Захочу уйти, такъ не удержишь.

Жадовъ.

Что-жъ мнѣ съ тобой дѣлать? Что-жъ мнѣ съ тобой дѣлать, съ моей милой Полиной?

Полина.

Поди къ дядѣ да помирись.

Жадовъ.

Постой, стой, дай подумать.

Полина.

Подумай.

Жадовъ.

Вѣдь, я тебя люблю, я для тебя готовъ на все на свѣтѣ... Но что ты мнѣ предлагаешь!... Ужасно!... Нѣтъ, надо подумать. Да, да, да, да... подумать надо... надо подумать... Ну, а если я не пойду къ дядѣ, ты уйдешь отъ меня?

Полина.

Уйду.

Жадовъ.

Совсѣмъ уйдешь?

Полина.

Совсѣмъ. Не десять тебѣ разъ говорить-то, надоѣло ужъ. Прощай!

Жадовъ.

Постой, постой! (*Садится къ столу, подпираетъ голову руками и задумывается.*)

Полина.

Долго ли мнѣ ждать-то?

Жадовъ.

А, вѣдь, знаешь что, Полина? Вѣдь, хорошо, когда хорошенькая жена да хорошо одѣта?

Полина (*съ чувствомъ*).

Очень хорошо!

Жадовъ.

Ну да, да... (*кричитъ*) да, да! (*топаетъ ногами.*) И хорошо съ ней выѣхать въ хорошемъ экипажѣ?

Полина.

Ахъ, какъ хорошо!

Жадовъ.

Вѣдь, молодую, хорошенькую жену надо любить, надо ее лелѣять... (*кричитъ*) да, да, да! надо ее наряжать... (*успокоившись*) Ну что-жъ, ничего... ничего... Это легко сдѣлать! (*Съ отчаяніемъ.*) Прощайте, юношескія мечты мои! Прощайте, великіе уроки! Прощай, моя честная будущность! Вѣдь, буду и я старикъ, будутъ у меня и сѣдые волосы, будутъ и дѣти...

Полина.

Что ты? что ты?

Жадовъ.

Нѣтъ, нѣтъ! дѣтей будемъ въ строгихъ правилахъ воспитывать. Пусть идутъ за вѣкомъ. Нечего имъ на отцовъ смотреть.

Полина.

Да перестань!

Жадовъ.

Дай мнѣ поплакать-то; вѣдь, ужъ это я плачу въ послѣдній разъ въ жизни. (*Рыдаетъ.*)

Полина.

Что́ это съ тобой сдѣлалось?

Жадовъ.

Ничего... ничего... легко... легко... все легко на свѣтѣ. Только надобно, чтобъ не напоминало ничто! Это просто сдѣлать! Это я сдѣлаю... буду сторониться, прятаться отъ своихъ прежнихъ товарищей... не буду ходить туда, гдѣ говорятъ про честность, про святость долга... цѣлую недѣлю работать, а въ пятницу на субботу собирать разныхъ Бѣлогубовыхъ и пьянствовать на наворованныя деньги, какъ разбойники... да, да... А тамъ и привыкнешь.

Полина (*почти плача*).

Ты что́-то нехорошее говоришь.

Жадовъ.

Пѣть пѣсни... Ты знаешь эту пѣсню? (*Поетъ:*)

„Бери, большой тутъ нѣтъ науки,

Бери, что можно только взять.

На что-жъ привѣшены намъ руки,

Какъ не на то, чтобъ брать, брать, брать...“

Хороша эта пѣсенка?

Полина.

Что́ съ тобой такое, я ужъ и не пойму.

Жадовъ.

Пойдемъ къ дядюшкѣ просить доходнаго мѣста! (*Надѣваетъ небрежно шляпу и беретъ жену за руку. Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА ВЪ ПЯТОМЪ ДѢЙСТВІИ:

*Аристархъ Владиміръчъ Вышневецкій.**Анна Павловна Вышневецкая.**Акимъ Акимычъ Юсовъ.**Василій Николаичъ Жадовъ.**Полина.**Антонъ.**Мальчикъ.*

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВЫШНЕВСКАЯ И АНТОНЪ (*подаетъ письмо на поднось и уходитъ*).

ВЫШНЕВСКАЯ (*читаетъ*).

„Милостивая государыня, Анна Павловна! Извините меня, если мое письмо вамъ не понравится; ваши поступки со мной оправдываютъ и мои. Я слышалъ, что вы смѣтаете надо мной и показываете постороннимъ мои письма, писанныя съ увлеченіемъ и въ порывѣ страсти. Вы не можете не знать моего положенія въ обществѣ и сколько компрометируетъ меня такое ваше поведеніе. Я не мальчикъ. И по какому праву вы такъ поступаете со мной? Мое искательство совершенно оправдывалось вашимъ поведеніемъ, которое, вы сами должны признаться, не было безукоризненно. И хотя мнѣ, какъ мужчине, позволительны нѣкоторыя вольности, но смѣшнымъ я быть не хочу; а вы меня сдѣлали предметомъ разговора въ цѣломъ городѣ. Вы знаете мои отношенія къ Любимову, я уже говорилъ вамъ, что между бумагами, которыя остались послѣ него, я нашелъ нѣсколько вашихъ писемъ. Я предлагалъ вамъ ихъ получить отъ меня. Стоило только вамъ побороть вашу гордость и согласиться съ общественнымъ мнѣніемъ, что я одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ и болѣе другихъ пользуюсь успѣхами между дамами. Вамъ угодно было обращаться со мной презрительно; въ такомъ случаѣ вы должны меня извинить: я рѣшился передать эти письма

вашему мужу“. Вотъ это благородно! Фу, какая мерзость! Ну, да все равно, надобно же было кончить когда-нибудь. Я не изъ тѣхъ женщинъ, чтобы согласилась поправлять холоднымъ развратомъ проступокъ, сдѣланный по увлеченію. Хороши у насъ мужчины! Человѣкъ, которому 40 лѣтъ, у котораго жена красавица, начинаетъ ухаживать за мной, говорить и дѣлать глупости. Чтò можетъ оправдать его? Страсть? Какая страсть! Онъ ужъ, я думаю, въ восемнадцать лѣтъ потерялъ способность влюбляться. Нѣтъ, очень просто: до него дошли разные сплетни про меня, и онъ считаетъ меня доступною женщиной. И вотъ онъ безъ всякой церемоніи начинаетъ писать ко мнѣ страстные письма, наполненные самыми пошлыми нѣжностями, очевидно, весьма хладнокровно придуманными. Онъ объѣздитъ десять гостиныхъ, гдѣ будетъ рассказывать про меня самыя ужасныя вещи, и потомъ пріѣзжаетъ утѣшать меня. Говорить, что онъ презираетъ общественное мнѣніе, что страсть въ его глазахъ оправдываетъ все, клянется въ любви, говоритъ пошлыя фразы; желая придать своему лицу страстное выраженіе, дѣлаетъ какія-то странныя, кислыя улыбки. Даже не даетъ себѣ труда хорошенько притвориться влюбленнымъ. Зачѣмъ трудиться, сойдетъ и такъ, только бы форма была соблюдена. Если посмѣешься надъ такимъ человѣкомъ, или окажешь ему презрѣніе, котораго онъ заслуживаетъ, онъ считаетъ себя въ правѣ мстить. Для него смѣшное страшнѣе самаго грязнаго порока. Связью съ женщиной онъ станетъ хвастаться самъ—это дѣлаетъ ему честь; а письма его показать—бѣда, это его компрометируетъ. Онъ самъ чувствуетъ, что они смѣшны и глупы. За кого же они считаютъ тѣхъ женщинъ, къ которымъ пишутъ такія письма? Безсовѣстный народъ! И вотъ онъ теперь, въ порывѣ благороднаго негодованія, дѣлаетъ подлость противъ меня и, вѣроятно, считаетъ себя правымъ. Да не одинъ онъ, всѣ таковы... Ну, да тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ, я объяснюсь съ мужемъ. Мнѣ даже хочется этого объясненія. Онъ увидитъ, что если я виновата передъ нимъ, то онъ еще болѣе виноватъ передо мной. Онъ убилъ всю мою жизнь. Онъ своимъ эгоизмомъ засушилъ мое сердце, отнялъ у меня возможность семейнаго счастья; онъ заставилъ меня плакать о томъ, чтò воротить нельзя—объ моей молодости. Я провела ее съ нимъ пошло, безчувственно, тогда какъ душа просила жизни, любви. Въ пу-

стомъ, мелочномъ кругу его знакомыхъ, въ который онъ ввелъ меня, во мнѣ заглохли всѣ лучшія душевныя качества, оледенѣли всѣ благородные порывы. И вдобавокъ, я испытываю угрызеніе совѣсти за проступокъ, котораго избѣжать было не въ моей власти. (*Юсовъ входитъ, замѣтно разстроенный.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вышневская и Юсовъ.

Юсовъ (*кланяясь*).

Еще не пріѣзжали-съ?

Вышневская.

Нѣтъ еще. Садитесь. (*Юсовъ садится.*) Вы чѣмъ-то встревожены?

Юсовъ.

Нѣтъ словъ-съ... уста нѣмѣютъ.

Вышневская.

Да что такое?

Юсовъ (*качаетъ головой*).

Человѣкъ все равно...корабль по морю...вдругъ кораблекрушеніе, и нѣсть спасающаго.

Вышневская.

Я васъ не понимаю.

Юсовъ.

Я насчетъ бренности... что прочно въ жизни сей? Съ чѣмъ придемъ? съ чѣмъ предстанемъ?.. Одни дѣла... можно сказать, какъ ноша за спиной... въ обличеніе... и помышленія даже... (*махнувъ рукой*) всѣ записаны.

Вышневская.

Что, умеръ, что ли, кто-нибудь?

Юсовъ.

Нѣтъ-съ, переворотъ въ жизни. (*Нюхаетъ табакъ.*) Въ богатствѣ и въ знатности затменіе бываетъ... чувствъ нашихъ... забываемъ нищую братію... гордость, плотоугодіе... За то и наказаніе бываетъ по дѣламъ нашимъ.

Вышневецкая.

Я это давно знаю; не понимаю только, къ чему вы передо мной теряете даромъ свое краснорѣчіе.

Юсовъ.

Близко сердцу моему... Положимъ, хоть я тутъ не подлежу большой отвѣтственности... но, все-таки, надъ такой особой! Чтò прочно?... когда и санъ не защищаетъ.

Вышневецкая.

Надъ какой особой?

Юсовъ.

Опала на насъ-съ.

Вышневецкая.

Да говорите!

Юсовъ.

Открылись, якобы, упущенія, недочеты суммъ и разныя злоупотребленія.

Вышневецкая.

Чтò же?

Юсовъ.

Такъ насъ подъ судъ-съ... То-есть, я-то собственно не подлежу большой отвѣтственности, а Аристархъ Владимірычъ должны будутъ...

Вышневецкая.

Чтò должны?

Юсовъ.

Отвѣтствовать всѣмъ своимъ имуществомъ и подвергнуться суду за противозаконные, якобы, поступки.

Вышневецкая (*поднявъ глаза*).

Начинается расплата!

Юсовъ.

Конечно, смертный... Станутъ придирааться, такъ, пожалуй, найдутъ чтò-нибудь; я такъ полагаю, что, по нынѣшнимъ строгостямъ, отставятъ... Долженъ буду бѣдствовать безъ куска хлѣба.

Вышневецкая.

Вамъ, кажется, далеко до этого.

Юсовъ.

Да, вѣдь, дѣти-съ. (*Молчаніе.*) Я все думалъ дорогой, съ прискорбіемъ думалъ: за чтò такое попущеніе на насъ?

За гордость... Гордость ослѣпляетъ человѣка, застилаетъ глаза.

Вышневецкая.

Полноте, какая тутъ гордость! просто взятки.

Юсовъ.

Взятки? Взятки что-съ, 'маловажная вещь... многіе подвержены. Смиренія нѣтъ, вотъ главное... Судьба все равно, что фортуна... какъ изображается на картинѣ... колесо, и на немъ люди... поднимается кверху и опять опускается внизъ, возвышается и потомъ смиряется, превозносится собой и опять ничто... такъ все кругообразно. Устраивай свое благосостояніе, трудись, приобрѣтай имущество... возносись въ мечтахъ... и вдругъ нагъ!... Надпись подписана подъ этой фортуной... *(Съ чувствомъ.)*

„Чуденъ въ свѣтѣ человѣкъ!

Светится цѣлый вѣкъ,

Счастія сыскать желаетъ,

А того не воображаетъ,

Что судьба имъ управляетъ“.

Вотъ что раскусить надо! Вотъ что долженъ человѣкъ помнить. Мы родимся — ничего не имѣемъ, такъ и въ могилу. Для чего же трудимся? Вотъ философія! Что нашъ умъ? Что онъ можетъ постигнуть? *(Входитъ Вышневецкій и молча проходитъ въ кабинетъ. Юсовъ встаетъ.)*

Вышневецкая.

Какъ онъ измѣнился!

Юсовъ.

За докторомъ бы послать. Съ ними давеча въ присутствіи дурно сдѣлалось. Такой ударъ... человѣку благородныхъ чувствъ... какъ его перенести!

Вышневецкая *(звонитъ; входитъ мальчикъ)*.

Сходи за докторомъ, попроси поскорѣй пріѣхать. *(Вышневецкій выходитъ и садится въ кресла.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ ЖЕ И ВЫШНЕВСКІЙ.

Вышневецкая (*подходя къ нему*).

Я слышала отъ Акима Акимыча, съ вами несчастіе. Не падайте духомъ. (*Молчаніе.*) Вы ужасно перемѣнились. Вы дурно себя чувствуете? Я послала за докторомъ.

Вышневецкій.

Какое лицемѣріе! Какая гнусная ложь! Какая подлость!

Вышневецкая (*гордо*).

Никакой лжи! Я васъ жалѣю, какъ стала бы жалѣть всякаго въ несчастіи—ни больше, ни меньше. (*Отходитъ и садится.*)

Вышневецкій.

Не нужно мнѣ вашихъ сожалѣній. Не жалѣйте меня! я обезчещенъ, разоренъ! За что?

Вышневецкая.

Спросите у вашей совѣсти.

Вышневецкій.

Не говорите о совѣсти! Вы не имѣете права говорить о ней... Юсовъ! За что я погибъ?

Юсовъ.

Превратность... судьба-съ.

Вышневецкій.

Вздоръ, какая судьба! Сильные враги—вотъ причина! Вотъ что меня сгубило! Проклятіе вамъ! Позавидовали моему благополучію. Какъ не позавидовать! Человѣкъ въ нѣсколько лѣтъ возвышается, богатѣетъ, смѣло создаетъ свое благоденствіе, строить дома и дачи, покупаетъ деревню за деревней, вырастаетъ выше ихъ цѣлой головой. Какъ не позавидовать! Человѣкъ идетъ къ богатству и почестямъ, какъ по лѣстницѣ. Чтобы перегнать, или хоть догнать его, нуженъ умъ, геній. Ума взять негдѣ, ну, такъ подставить ему ногу. Я задыхаюсь отъ бѣшенства...

Юсовъ.

Зависть человѣка можетъ на все подвигнуть...

Вышневскій.

Не паденіе меня бѣситъ—нѣтъ, а торжество, которое я имъ доставлю своимъ паденіемъ. Что теперь разговору, что радости! О, чортъ возьми, я не переживу! (*Звонитъ. Входитъ Антонъ.*) Воды!.. (*Антонъ подаетъ и уходитъ.*) Теперь съ вами мнѣ нужно поговорить.

Вышневская.

Что вамъ угодно?

Вышневскій.

Мнѣ угодно вамъ сказать, что вы развратная женщина.

Вышневская.

Аристархъ Владимірычъ, здѣсь посторонніе люди.

Юсовъ.

Прикажете уйти?

Вышневскій.

Останься! Я скажу то же самое при всей дворнѣ.

Вышневская.

За что вы оскорбляете меня? Вамъ не на кого излить свою бессильную злобу. Не грѣхъ ли вамъ!

Вышневскій.

Вотъ вамъ доказательство моихъ словъ. (*Бросаетъ конвертъ съ письмами. Юсовъ поднимаетъ и подаетъ Вышневской.*)

Вышневская.

Благодарю васъ. (*Судорожно разсматриваетъ ихъ и прячетъ въ карманъ.*)

Вышневскій.

Юсовъ, что дѣлаютъ съ женщиной, которая, несмотря на всѣ благодѣянія мужа, забываетъ свой долгъ?

Юсовъ.

Гм... Гм...

Вышневскій.

Я тебѣ скажу: выгоняютъ съ позоромъ! Да, Юсовъ, я несчастень, вполне несчастень, я одинокъ! Не бросай хоть ты меня. Человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ высоко поставленъ, когда онъ въ горѣ, все-таки, ищетъ утѣшенія въ семействѣ. (*Съ злобою.*) А я нахожу въ своемъ семействѣ...

Вышневецкая.

Не говорите про семейство! У васъ его никогда не было. Вы даже не знаете, что такое семейство! Позвольте же теперь, Аристархъ Владимірычъ, высказать вамъ все, что я перенесла, живя съ вами.

Вышневецкій.

Для васъ нѣтъ оправданій.

Вышневецкая.

Я и не хочу оправдываться—мнѣ не въ чемъ оправдываться. За минутное увлеченіе я перенесла много горя, много униженія, но, повѣрьте, безъ ропота на судьбу и безъ проклятій, какъ вы. Я вамъ хочу сказать только, что если я виновата, то передъ собой одной, а не передъ вами. Вы не должны меня упрекать. Если-бъ вы имѣли сердце, вы бы чувствовали, что вы меня погубили.

Вышневецкій.

Ха, ха! Вините кого другого въ вашемъ поведеніи, а не меня.

Вышневецкая.

Нѣтъ, васъ. Развѣ вы жену брали себѣ? Вспомните, какъ вы за меня сватались! Когда вы были женихомъ, я не слышала отъ васъ ни одного слова о семейной жизни; вы вели себя, какъ старый волокита, обольщающій молодыхъ дѣвушекъ подарками; смотрѣли на меня, какъ сатиръ. Вы видѣли мое отвращеніе къ вамъ и, несмотря на это, вы, все-таки, купили меня за деньги у моихъ родственниковъ, какъ покупаютъ невольницъ въ Турціи. Чего же вы отъ меня хотите?

Вышневецкій.

Вы моя жена, не забывайте! и я въ правѣ всегда требовать отъ васъ исполненія вашего долга.

Вышневецкая.

Да, вы свою покупку, не скажу, освятили—нѣтъ, а закрыли, замаскировали бракомъ. Иначе нельзя было: мои родные не согласились бы, а для васъ все равно. И потомъ, когда ужъ вы были моимъ мужемъ, вы не смотрѣли на меня какъ на жену: вы покупали за деньги мои ласки. Если вы замѣчали во мнѣ отвращеніе къ вамъ, вы спѣшили ко мнѣ съ какимъ-нибудь дорогимъ подаркомъ и тогда ужъ подходили

смѣло, съ полнымъ правомъ. Чтò же мнѣ было дѣлать?.. вы, все-таки, мой мужъ: я покорялась. О! перестанешь уважать себя. Каково испытывать чувство презрѣнiя къ самой себѣ! Вотъ до чего вы довели меня! Но чтò со мной было потомъ, когда я узнала, что даже деньги, которыя вы мнѣ дарите—не ваши, что онѣ приобрѣтены нечестно...

Вышневскiй (*привстаетъ*).

Замолчите!

Вышневская.

Извольте, я замолчу объ этомъ, вы уже довольно наказаны, но я буду продолжать о себѣ.

Вышневскiй.

Говорите, что хотите, мнѣ все равно; вы не измѣните моего мнѣнiя о васъ.

Вышневская.

Можетъ быть, вы о себѣ измѣните мнѣнiе послѣ моихъ словъ. Вы помните, какъ я дичилась общества; я боялась его, и не даромъ. Но вы требовали—я должна была уступить вамъ. И вотъ, совсѣмъ неприготовленную, безъ совѣта, безъ руководителя, вы ввели меня въ свой кругъ, въ которомъ искушенiе и порокъ на каждомъ шагу. Некому было ни предупредить, ни поддержать меня! Впрочемъ, я сама узнала всю мелочность, весь развратъ тѣхъ людей, которые составляютъ ваше знакомство. Я берегла себя. Въ то время я встрѣтила въ обществѣ Любимова, вы его знали. Помните его открытое лицо, его свѣтлые глаза, какъ уменъ и какъ чистъ былъ онъ самъ! Какъ горячо онъ спорилъ съ вами, какъ смѣло говорилъ про всякую ложь и неправду! Онъ говорилъ то, чтò я уже чувствовала, хотя и не ясно. Я ждала отъ васъ возраженiй. Возраженiй отъ васъ не было; вы только клеветали на него, за глаза выдумывали гнусныя сплетни, старались уронить его въ общественномъ мнѣнiи, и больше ничего. Какъ я желала тогда заступиться за него; но я не имѣла для этого ни возможности, ни достаточно ума. Мнѣ оставалось только... полюбить его.

Вышневскiй.

Такъ вы и сдѣлали?

Вышневская.

Такъ я и сдѣлала. Я видѣла потомъ, какъ вы губили его,

какъ мало-по-малу достигали своей цѣли. То-есть, не вы одни, а всѣ, кому это нужно было. Вы сначала вооружили противъ него общество, говорили, что его знакомство опасно для молодыхъ людей, потомъ твердили постоянно, что онъ вольнодумецъ и вредный человѣкъ, и возстановили противъ него его начальство; онъ принужденъ былъ оставить службу, родныхъ, знакомство, уѣхать отсюда... (*Закрываетъ глаза платкомъ.*) Я все это видѣла, все выстрадала на себѣ. Я видѣла торжество злобы, а вы все еще считаете меня той дѣвочкой, которую вы купили и которая должна быть благодарна и любить васъ за ваши подарки. Изъ моихъ чистыхъ отношеній къ нему сдѣлали гнусную сплетню; дамы стали явно клеветать на меня, а тайно завидовать; молодые и старые волокиты стали безъ церемоніи преслѣдовать меня. Вотъ до чего вы довели меня, женщину, достойную, можетъ быть, лучшей участи, женщину, способную понимать истинное значеніе жизни и ненавидѣть зло! Вотъ все, что я хотѣла сказать вамъ—больше вы не услышите отъ меня упрека никогда.

Вышневскій.

Напрасно. Я теперь бѣдный человѣкъ, а бѣдные люди позволяютъ своимъ женамъ ругаться. Это у нихъ можно. Если бы я былъ тотъ Вышневскій, какимъ былъ до нынѣшняго дня, я бы васъ прогналъ безъ разговора; но мы теперь, благодаря врагамъ моимъ, должны спуститься изъ круга порядочныхъ людей. Въ низшемъ кругу мужа бранятся съ своими женами и иногда дерутся—и это не дѣлаетъ никакого скандала. (*Входитъ Жадовъ съ женой.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Жадовъ и Полина.

Вышневскій.

Ты зачѣмъ?

Жадовъ.

Дядюшка, извините...

Полина.

Здравствуйте, дяденька! Здравствуйте, тетенька! (*Шепчетъ Вышневской.*) Пришелъ мѣста просить. (*Садится подлѣ Вышневской.*)

Вышневецкая.

Какъ? Неужели? (*Смотритъ съ любопытствомъ на Жадова.*)

Вышневецкій.

Ты пришелъ посмѣяться надъ дядей.

Жадовъ.

Дядюшка, я, можетъ быть, оскорбилъ васъ. Извините меня... увлеченіе молодости, незнаніе жизни... я не долженъ былъ... вы мой родственникъ.

Вышневецкій.

Ну?

Жадовъ.

Я испыталъ, что значить жить безъ поддержки... безъ протекціи... я женатъ.

Вышневецкій.

Ну, что-жъ тебѣ?

Жадовъ.

Я живу очень бѣдно... Для меня бы стало; но для жены, которую я очень люблю... Позвольте мнѣ опять служить подъ вашимъ начальствомъ... дядюшка, обезпечьте меня! Дайте мнѣ мѣсто, гдѣ бы я... могъ... (*тихо*) пріобрѣсть что-нибудь.

Полина (*Вышневецкой*).

Подойдите.

Вышневецкій (*хохочетъ*).

Ха, ха, ха!.. Юсовъ! Вотъ они, герои-то! Молодой человекъ, который кричалъ на всѣхъ перекресткахъ про взяточниковъ, говорилъ о какомъ-то новомъ поколѣніи, идетъ къ намъ же просить доходнаго мѣста, чтобы брать взятки! Хорошо новое поколѣніе! ха, ха, ха!

Жадовъ (*встаетъ*).

Охъ! (*Хватается за грудь*).

Юсовъ.

Молодъ былъ! Развѣ дѣло говорилъ! Одни слова... Такъ они словами и останутся. Жизнь-то дастъ себя знать! (*Нюхаетъ табакъ*.) Бросишь философію-то. Только то нехорошо, что прежде надобно было умныхъ людей послушать, а не грубить.

Вышневскій (Юсову).

Нѣтъ, Юсовъ, помнишь, какой тонъ былъ! Какая увѣренность въ самомъ себѣ! Какое негодованіе къ пороку! (*Жадову, болѣе и болѣе разіорячаясь.*) Не ты ли говорилъ, что растетъ какое-то новое поколѣніе образованныхъ, честныхъ людей, мучениковъ правды, которые обличать насъ, закидаютъ насъ грязью? Не ты ли? Признаюсь тебѣ, я вѣрилъ. Я васъ глубоко ненавиждѣлъ... я васъ боялся. Да, не шутя. И что-жь! оказывается! Вы честны до тѣхъ поръ, пока не выдохлись уроки, которые вамъ долбили въ голову; честны только до первой встрѣчи съ нуждой! Ну, обрадовалъ ты меня, нечего сказать!... Нѣтъ, вы не стоите ненависти—я васъ презираю!

Жадовъ.

Презирайте, презирайте меня. Я самъ себя презираю.

Вышневскій.

Вотъ люди, которые взяли себѣ привилегію на честность! Мы съ тобой осрамлены! Насъ отдали подъ судъ...

Жадовъ.

Что я слышу!

Юсовъ.

Люди — всегда люди.

Жадовъ.

Дядюшка, я не говорилъ, что наше поколѣніе честнѣй другихъ. Всегда были и будутъ честные люди, честные граждане, честные чиновники; всегда были и будутъ слабые люди. Вотъ вамъ доказательство — я самъ. Я говорилъ только, что въ наше время .. (*начинаетъ тихо и постепенно одушевляется*) общество мало-по-малу бросаетъ прежнее равнодушіе къ пороку, слышатся энергическіе возгласы противъ общественнаго зла... Я говорилъ, что у насъ пробуждается сознаніе своихъ недостатковъ; а въ сознаніи есть надежда на лучшее будущее. Я говорилъ, что начинаетъ создаваться общественное мнѣніе... что въ юношахъ воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно растетъ, растетъ, и принесетъ плоды. Не увидите вы, такъ мы увидимъ и возблагодаримъ Бога. Моей слабости вамъ нечего радоваться. Я не герой, я обыкновенный, слабый человекъ; у меня мало воли, какъ почти у всѣхъ насъ. Нужда,

обстоятельства, необразованность родныхъ, окружающій развратъ могутъ загнать меня, какъ загоняютъ почтовую лешадь. Но довольно одного урока, хоть такого, какъ теперь... благодарю васъ за него; довольно одной встрѣчи съ порядочнымъ человѣкомъ, чтобы воскресить меня, чтобы поддержать во мнѣ твердость. Я могу поколебаться, но преступленія не сдѣлаю; я могу споткнуться, но не упасть. Мое сердце ужъ размягчено образованіемъ, оно не загрубѣетъ въ порокъ. (*Молчаніе.*) Я не знаю, куда дѣться отъ стыда... Да, мнѣ стыдно, стыдно, что я у васъ.

Вышневскій (*поднимаясь*).

Такъ поди вонъ!

Жадовъ (*кратко*).

Пойду. Полина, теперь ты можешь идти къ маменькѣ; я тебя держать не стану. Ужъ теперь я не измѣню себѣ. Если судьба приведетъ ѣсть одинъ черный хлѣбъ — буду ѣсть одинъ черный хлѣбъ. Никакія блага не соблазнятъ меня, нѣтъ! Я хочу сохранить за собой дорогое право глядѣть всякому въ глаза прямо, безъ стыда, безъ тайныхъ угрызений, читать и смотрѣть сатиры и комедіи на взяточниковъ и хохотать отъ чистаго сердца, откровеннымъ смѣхомъ. Если вся жизнь моя будетъ состоять изъ трудовъ и лишеній, я не буду роптать... Одного утѣшенія буду просить я у Бога, одной награды буду ждать. Чего, думаете вы? (*Короткое молчаніе.*) Я буду ждать того времени, когда взяточникъ будетъ бояться суда общественнаго больше, чѣмъ уголовного.

Вышневскій (*встаетъ*).

Я тебя задушю своими руками! (*Шатается.*) Юсовъ, мнѣ дурно! Проводи меня въ кабинетъ. (*Уходитъ съ Юсовымъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Вышневская, Жадовъ, Полина и потомъ Юсовъ.

Полина (*подходитъ къ Жадову*).

Ты думалъ, что я въ самомъ дѣлѣ хочу тебя оставить? Это я нарочно. Меня научили.

Вышневская.

Помиритесь, дѣти мои. (*Жадовъ и Полина целуются.*)

Юсовъ (въ дверяхъ).

Доктора! Доктора!

Вышневецкая (приподнимаясь въ креслахъ).

Что, что?

Юсовъ.

Съ Аристархомъ Владимірычемъ ударъ!

Вышневецкая (слабо вскрикнувъ).!

Ахъ! (Опускается въ кресла; Полина со страху прижимается къ Жадову; Жадовъ опирается рукой на столъ и опускаетъ голову. Юсовъ стоитъ у двери, совершенно растерявшись. Картина.)

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОНЪ — ДО ОБЪДА*).

КАРТИНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

Л И Ц А:

Павла Петровна Бальзаминова, вдова.

Михайла Дмитричъ Бальзаминовъ, ея сынъ, чиновникъ, 25 лѣтъ.

Клеопатра Ивановна Ничкина, вдова купчиха, 35 лѣтъ.

Капочка (Капитолина), ея дочь, 17 лѣтъ.

Устинька, подруга Капочки, купеческая дочь, 20 лѣтъ.

Акулина Гавриловна Красавина, сваха.

Нилъ Борисовичъ Неуденовъ, купецъ, братъ Ничкиной, 40 лѣтъ.

Юша (Ефимъ), сынъ его, 13 лѣтъ.

Матрена, кухарка у Бальзаминовыхъ.

Маланья, горничная у Ничкиной.

Картина первая.

Бѣдная комната; направо дверь, у двери старинные часы, прямо печь изразцовая, съ одной стороны ея шкафъ, съ другой дверь въ кухню; налѣво комодъ, на немъ туалетное зеркало; на первомъ планѣ окно, у окна столъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бальзаминова (одна, сидитъ съ чулкомъ въ рукахъ).

Миша! Миша! Что ты тамъ въ кухнѣ дѣлаешь? (Бальзаминовъ изъ кухни: „Не мѣшайте, маменька! Матрена меня завиваетъ!“) Все завивается! Все завивается! Красо-

*) По народному повѣрью, сонъ, видѣнный подь праздникъ, сбывается только до обѣда.

той-то своей ужъ очень занять. Эхъ, молодо, зелено! Все счастье себѣ хочетъ составить, прельстить кого-нибудь. А я такъ думаю, не прельститъ онъ никого; разумомъ-то онъ у меня больно плохъ. Другой и собой-то, изъ лица-то неказистъ, такъ словами обойдетъ; а мой-то умныхъ словъ совсѣмъ не знаетъ. Да, да! Ужъ и жаль его. Знай-ка онъ умныя-то слова, по нашей бы сторонѣ много могъ выиграть: сторона глухая, народъ темный. А то словъ-то умныхъ не знаетъ. Да и набраться-то негдѣ. Ужъ хоть бы изъ стиховъ, что ли, выписывалъ. (*Подумавъ.*) И диковина это, что случилось! Въ кого это онъ родился такъ бѣлокуръ? Опять бѣда: нынче бѣлокурые-то не въ модѣ. Ну и носъ... не то, чтобы онъ курносый вовсе, а такъ мало какъ-то, чего-то не хватаетъ. А понравиться хочется, особенно кабы богатой невѣстѣ. Ужъ такъ, бѣдный, право, старается — изъ кожи лѣзетъ. Кто-жъ себѣ врагъ! Сторона-то у насъ такая, богатыхъ невѣсть очень много, а глупы, вѣдь. Можетъ, Мишѣ и посчастливится по ихъ глупости. Умишкомъ-то его очень Богъ обидѣлъ. (*Бальзаминовъ кричитъ изъ кухни: „Маменька, я хочу аля-полька завиться!“*) Глупенькой, глупенькой! Зачѣмъ ты завиваешься-то? Волосы только ерошишь да жжешь, всѣ врозь смотрятъ. Такъ-то лучше къ тебѣ идетъ, натуральнѣе! Ахъ ты, Миша, Миша! Мнѣ-то ты милъ, я-то тебя ни на кого не промѣняю; какъ-то другимъ-то понравишься, особенно богатымъ-то? Что-то ужъ и не вѣрится! На мои-то бы глаза лучше и нѣтъ тебя, а другіе-то нынче разборчивы. Поговорятъ съ тобой, ну и увидятъ, что ты умомъ-то недостаточенъ. А кто-жъ этому виноватъ? (*Вздыхаетъ.*) Глупенькой ты мой! А, вѣдь, можетъ быть, и счастливъ будетъ. Говорятъ, такимъ-то Богъ счастье даетъ. (*Вяжетъ чулокъ. Бальзаминовъ въ халатъ выбѣгаетъ изъ кухни.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бальзаминовъ, Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминовъ (*держится за голову*).

Ухо, ухо! Батюшки, ухо!

Матрена (*въ двери, со щипцами*).

Я, вѣдь, не полихмахтеръ, съ меня что взять-то!

Бальзаминовъ.

Да, вѣдь, я тебя просилъ волосы завивать-то, а не уши.

Матрена.

А зачѣмъ велики отрастилъ! Инъ шель бы къ полихмахтеру; а съ меня что взять-то! (*Уходитъ.*)

Бальзаминовъ.

Батюшки, что-жъ мнѣ дѣлать-то! (*Подходитъ къ зеркалу.*) Ай, ай, ай! Почернѣло все!... Ужъ больно-то, нужды-бъ нѣтъ, какъ бы только его волосами закрыть, чтобы не видно было.

Бальзаминова.

За дѣло!

Бальзаминовъ.

Какое, задѣла! Такъ горячими-то щипцами все ухо и ухватила... Ой, ой, ой! Маменька! Даже до лихорадки... Ой, батюшки!

Бальзаминова.

Я говорю, Миша, за дѣло тебѣ. Зачѣмъ завиваться! Что хорошаго! Точно какъ цырюльникъ; да и грѣхъ. Ужъ какъ ни завивайся, лучше не будешь.

Бальзаминовъ.

Какъ вы, маменька, мнѣ счастья не желаете, я не понимаю. Какъ мы живемъ? Просто бѣдствуемъ.

Бальзаминова.

Такъ что-жъ! Зачѣмъ же волосы-то портить?...

Бальзаминовъ.

Да, вѣдь, нынче праздникъ.

Бальзаминова.

Такъ что-жъ, что праздникъ?

Бальзаминовъ.

Какъ что? Здѣсь сторона купеческая; можетъ такой случай выйти... Вдругъ...

Бальзаминова.

Все у тебя глупости на умѣ.

Бальзаминовъ.

Какія же глупости?

Бальзаминова.

Разумѣется, глупости. Развѣ хорошо? Растреплешь себѣ волосы, да и пойдешь мимо богатыхъ купцовъ подѣ окнами ходить. Какъ-нибудь и бѣды наживешь. Другой ревнивый мужъ или отецъ вышлетъ дворника съ метлой.

Бальзаминовъ.

Ну, что-жъ такое? Ну, вышлетъ; можно и убѣжать.

Бальзаминова.

Не зачѣмъ шататься-то.

Бальзаминовъ.

Какъ не зачѣмъ? Развѣ лучше въ бѣдности-то жить! Ну, я годѣ прохожу, ну два, ну три, ну пять—вѣдь, такъ же у меня время-то идетъ; за то вдругъ...

Бальзаминова.

Лучше бы ты служилъ хорошенько.

Бальзаминовъ.

Что служить-то! Много ли я выслужу? А тутъ вдругъ зацѣпишь миллионъ!

Бальзаминова.

Ужъ и миллионъ!

Бальзаминовъ.

А что-жъ такое! Нешто не бываетъ. Вы сами-жъ сказывали, что я въ сорочкѣ родился. (*Молчаніе.*) Ахъ, маменька, не повѣрите, какъ мнѣ хочется быть богатымъ. Такъ и сплю, и вижу. Кажется... эхъ... разорвался бы! Ужъ такъ хочется, такъ хочется!

Бальзаминова.

Дурное ли дѣло!

Бальзаминовъ.

Вѣдь, другой и богатъ, да что проку-то: деньгами не умѣетъ распорядиться, даже досадно смотрѣть.

Бальзаминова.

А ты умѣешь?

Бальзаминовъ.

Да, конечно, умѣю. У меня, маменька, вкусу очень много. Я знаю, что мнѣ къ лицу. (*Подбѣгаетъ къ окну.*) Маменька, маменька, поглядите!

Бальзаминова.

Нужно очень!

Бальзаминовъ.

Какая ѣдетъ-то! Вся бархатная! (*Садится у окна, по-
вѣтываетъ голову.*) Вотъ кабы такая влюбилась въ меня да вышла
за меня замужъ, что бы я сдѣлалъ!

Бальзаминова.

А что?

Бальзаминовъ.

А вотъ: во-первыхъ, сшилъ бы себѣ голубой плащъ на
черной бархатной подкладкѣ. Надо только вообразить, ма-
менька, какъ мнѣ голубой цвѣтъ къ лицу! Купилъ бы себѣ
сѣрую лошадь и бѣговья дрожки и ѣздилъ бы по Зацѣпѣ,
маменька, и самъ правилъ...

Бальзаминова.

Все-то вздоръ у тебя.

Бальзаминовъ.

Да, я вамъ и забылъ сказать, какой я сонъ видѣлъ! Вотъ
разгадайте-ка.

Бальзаминова.

Ну, говори, какой?

Бальзаминовъ (*беретъ стулъ и садится
подлѣ матери*).

Вотъ, вдругъ я вижу, будто я ѣду въ хорошей коляскѣ и
одѣтъ, будто, я очень хорошо, со вкусомъ: жилетка, будто,
на мнѣ, маменька, черная съ мелкими золотыми полосками;
лошади, будто, сѣрыя, а ѣду я подлѣ рѣки...

Бальзаминова.

Лошади—ложь; рѣка—рѣчи, разговоръ.

Бальзаминовъ.

Слушайте, маменька, что дальше было. Вотъ, вижу я,
будто кучеръ меня уронилъ, во всемъ-то въ новомъ платьѣ,
и прямо въ грязь.

Бальзаминова.

Грязь — это богатство.

Бальзаминовъ.

Да какая грязь-то, маменька! Брррр... И, будто, я въ этомъ... весь перепачкался. Такъ я и обмеръ! Во всемъ-то въ новомъ, вообразите!

Бальзаминова.

Это... золото. Это тебѣ къ большому богатству.

Бальзаминовъ.

Кабы сбылось! Хоть бы вотъ на смѣхъ одинъ сонъ сбылся! Ужъ сколько я такихъ сновъ видѣлъ: и денегъ-то у меня много, и одѣтъ-то я очень хорошо—проснешься, хватъ, анъ нѣтъ ничего. Одинъ разъ генераломъ себя видѣлъ. Какъ обрадовался! Нѣтъ! Перестану вѣрить снамъ.

Бальзаминова.

Какъ можно не вѣрить.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Одинъ обманъ...

Бальзаминова.

А вотъ подождемъ. Праздничный сонъ—до обѣда сбывается: коли до обѣда не сбудется, такъ ничего не будетъ; надобно его совсѣмъ изъ головы выкинуть.

Бальзаминовъ.

Я, маменька, одѣнусь да пойду погуляю. (*Уходитъ.*)

Бальзаминова.

А сонъ-то въ самомъ дѣлѣ хорошъ. Чего ни бываетъ н-свѣтъ! Можетъ быть, и ему счастье выйдетъ.

Матрена (*въ дверяхъ*).

Какая-то старуха, русачка, васъ спрашиваетъ.

Бальзаминова.

Ну, позови! (*Матрена уходитъ.*) Чтò ей отъ меня нужно? Право, не придумаю. Ужъ не сваха ли? (*Красавина входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Красавина и Бальзаминова.

Бальзаминова.

Садитесь, матушка! (*Красавина садится.*) Чтò вамъ угодно?

Красавина.

Аль не узнали?

Бальзаминова.

Не признаю, матушка.

Красавина.

Ужъ, кажется, нашу сестру изъ тысячи выберешь. Видна сова по полету. Гдѣ сынъ-то?

Бальзаминова.

Одѣвается.

Красавина.

Ну, ужъ кавалеръ, нечего сказать! Съ налету бьетъ! Крикнулъ это, гаркнулъ: сивка, бурка, вѣщая каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой! Въ одно ухо влѣзъ, въ другое вылѣзъ, сталъ молодецъ молодцомъ. Сидитъ королевишна въ своемъ новомъ теремѣ на двѣнадцати вѣнцахъ. Подскочилъ на всѣ двѣнадцать вѣнцовъ, поцѣловалъ королевишну во сахарны уста, а та ему именно печатью въ лобъ и запечатала для памяти.

Бальзаминова.

Теперь, матушка, понимаю. Миша, Миша! (*Бальзаминовъ входитъ во фракъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ И БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Красавина.

Красота моя неописанная! Младой вьюношъ, чѣмъ дарить будешь?

Бальзаминовъ.

Кого?

Красавина.

Меня.

Бальзаминовъ.

За что?

Красавина.

Много будешь знать, скоро состарѣешься. Ты подарокъ-то готовъ.

Бальзаминовъ (сконфузившись).

Чѣмъ тебя дарить-то? (*Шаритъ въ карманахъ.*) Право... эхъ... ничего-то у меня нѣтъ!

Красавина.

На нѣтъ—суда нѣтъ. Теперь нѣтъ, послѣ будетъ. Смотри же, уговоръ лучше денегъ. Мнѣ многого не надо, ты самъ человѣкъ бѣдный, только вдругъ счастье-то тебѣ такое вышло. Ты мнѣ подари кусокъ матеріи на платье да платокъ пукетовый, французскій.

Бальзаминовъ.

Да ужъ хорошо, ужъ что толковать!

Красавина.

Что разгорячился больно! Надо толкомъ поговорить. Ты свое возьмешь, и мнѣ надо свое взять. Такъ смотри же, французскій. А то ты подаришь, пожалуй, платокъ-то по нѣтовой землѣ пустыми цвѣтами.

Бальзаминовъ.

Да ужъ все, ужъ все, только говори.

Красавина.

Аль сказать?

Бальзаминовъ.

Говори, говори! Маменька, вотъ сонъ-то!

Бальзаминава.

Да, Миша.

Красавина.

Развѣ видѣлъ что?

Бальзаминовъ.

Видѣлъ, видѣлъ!

Красавина.

Ну, вотъ тебѣ и вышло.

Бальзаминовъ.

Да что вышло-то?

Красавина.

Ишь, ты какой проворный! Такъ тебѣ вдругъ и сказать! Вы хоть бы меня попотчевали чѣмъ-нибудь. Ужъ, одно слово, обрадую.

Бальзаминовъ.

Маменька, что-жъ вы сидите, въ самомъ дѣлѣ! Всего-то одинъ сынъ у васъ, и то не хлопчете объ его счастья!

Бальзаминова.

Что, ты съ ума, что ли, сошелъ!

Бальзаминовъ.

Да какъ же, маменька! Сами теперь видите, какая линия мнѣ выходить. Вдругъ человѣкомъ могу сдѣлаться... Поневолѣ съ ума сойдешь.

Бальзаминова.

Чаю не хотите-ли?

Красавина.

Пила, матушка, раза четыре ужъ нынче пила. Форму-то эту соблюдаешь, а проку-то отъ него немного.

Бальзаминова.

Такъ не прикажете ли водочки?

Красавина.

Праздничный день—можно. Я отъ добра не отказываюсь; во мнѣ нѣтъ этого.

Бальзаминова (*достаетъ изъ шкапа водку*).

Матрена! Сбѣгай въ лавочку, возьми колбасы. (*Матрена изъ кухни: „Что бѣгать-то, коли дома есть!“*) Такъ подавай поскорѣе. (*Матрена изъ кухни: „Подамъ, надъ нами не каплетъ.“*)

Бальзаминовъ.

Вѣдь, вотъ, удавить Матрену—вѣдь, мало. (*Бальзаминова идетъ въ кухню и приноситъ на двухъ тарелкахъ хлѣбъ и колбасу и ставитъ на столъ.*)

Бальзаминова.

Кушайте.

Красавина.

Я ни отъ чего не отказываюсь. Все добро, все на пользу. Ничѣмъ не брезгаю. Въ одномъ домѣ хотѣли надо мной насмѣшку сдѣлать, поднесли, вмѣсто водки, рюмку ладикалону.

Бальзаминова.

Скажите! Какая насмѣшка!

Красавина.

Ничего. Я вышила да еще поблагодарила. Отъ него, вѣдь, вреда нѣтъ, отъ ладиколону-то. Съ праздникомъ! (*Пьетъ и закусываетъ.*)

Бальзаминова.

Кушайте на здоровье! Какъ васъ звать?

Красавина.

Акулина Гавриловна. Между народомъ-то Говорилихой прозвали, такъ Говорилихой и клечуть.

Бальзаминовъ.

Чѣмъ же, Акулина Гавриловна, обрадуете?

Красавина.

Будто не знаешь! Ты, вѣдь, заплонилъ-то, такъ долженъ знать.

Бальзаминовъ.

Право, не знаю.

Красавина.

Каковъ молодецъ! Охъ, глаза твои плутовскіе, больно завистливы. Высоко глаза-то закидываешь! А дѣвка-то теперь сохнетъ, по стѣнамъ мечется. Видитъ бѣду неминуемую, за Говорилихой сейчасъ: „выручай, Говорилиха!“ А Говорилихъ то и на руку. Посольскую должность мнѣ не въ первый разъ править. Ноги съ подходомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ.

Бальзаминовъ.

Да отъ кого?

Красавина.

Отъ кого! Тебѣ все скажи. Самъ догадайся. Гдѣ съ утра до ночи основу-то снуешь, аль не знаешь? Онъ-то ходитъ подъ окнами манируетъ, а она ему изъ второго-то этажа пленируетъ.

Бальзаминовъ.

Такъ неужто Ничкина?

Красавина (*ударивъ рукой по столу*).

Въ самую центру!

Бальзаминовъ (*ухвативъ себя за голову, вскакиваетъ*).

О-охъ, маменька! (*Стоитъ въ оцѣпенѣніи.*)

Бальзаминава.

Что съ нимъ?

Красавина.

Отъ любви. Еще хуже бываетъ. Любовь—вѣдь, она жестокая для сердець. Нѣтъ ея ужаснѣй. За невѣрность кровь проливаютъ.

Бальзаминовъ.

Ахъ! (*Садится на стулъ.*)

Бальзаминава.

Съ чѣмъ же они, матушка, васъ къ намъ прислали, съ какимъ предложеніемъ?

Красавина.

Насчетъ знакомства. Надо прежде познакомиться.

Бальзаминава.

Разумѣется.

Бальзаминовъ.

Познакомиться! Боже мой!

Красавина.

А вотъ пошлите молодца-то уже, послѣ вечерень, будто попроситься въ садъ погулять, да вечеромъ и приходите; они васъ деликатнымъ манеромъ пригласятъ чай кушать.

Бальзаминава.

Ну, и прекрасно, мы такъ и сдѣлаемъ.

Бальзаминовъ.

Маменька, я съ ума сойду! Мнѣ ужъ что-то казаться начинается.

Бальзаминава.

Глупенькой, глупенькой!

Красавина.

Любовь дѣйствуетъ. Такъ что-жъ мнѣ своимъ-то сказать?

Бальзаминава.

Миша, что сказать?

Бальзаминовъ.

Скажи, что я умираю отъ любви; что, можетъ быть, умру къ вечеру.

Бальзаминова.

Ну, что за глупости ты говоришь!

Красавина.

Зачѣмъ умирать! Надо жить, а мы на васъ будемъ радоваться.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, нѣтъ, пускай сберутъ всѣ розы и лилеи и насыплютъ на гробъ мой.

Бальзаминова.

Эхъ, Миша, ужъ не говорилъ бы ты лучше, не стыдилъ бы ты меня!.. Такъ мы придемъ. А позвольте спросить... конечно, еще все это, какъ Богъ дастъ, а все-таки интересно знать, какъ насчетъ приданого?

Красавина.

Золотая невѣста! У нея своихъ денегъ—послѣ отца достались—триста тысячъ серебра.

Бальзаминовъ (*вскочивъ*).

Охо, хо, хо! (*Ходитъ по комнатѣ.*)

Красавина.

Ишь, его схватываетъ!

Бальзаминова.

Что это ты, Миша, не умѣешь вести себя!... Ужъ извините его, отъ радости.

Красавина.

Обрадуешься! Деньги-то деньгами, да и собой-то ужъ очень красавица тѣломъ сахаръ, изъ себя солидна, во всей полнотѣ; какъ одѣвается, двѣ дѣвки насилу застегнуть. Даже нѣсколько совѣстится. Чего же, я говорю, совѣстится, коли Богъ далъ. Аккуратъ пельсикъ. Ну, прощайте! Вечеркомъ увидимся.

Бальзаминова.

Прощайте! На дорожку-то. (*Наливаетъ.*)

Красавина.

И то вышить; объ одной-то хромать будешь. (*Пьетъ и закусываетъ.*) Прощай, побѣдитель!

Бальзаминовъ.

Прощай! (*Кидается къ ней на шею.*)

Красавина.

Радъ, радъ, ужъ вижу, что радъ; только смотри, подь силу-ль дерево-то рубишь? Ну, прощай, развозжай, разиня ужъ уѣхалъ. (*Уходитъ; Бальзаминова провожаетъ ее до кухни и возвращается.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Бальзаминовъ, Бальзаминова и потомъ Матрена.

Бальзаминовъ.

Гдѣ мой карандашъ, гдѣ мой карандашъ?

Бальзаминова.

На что тебѣ карандашъ?

Бальзаминовъ.

Надо, маменька. Матрена! Матрена! (*Матрена входитъ.*)
Гдѣ мой карандашъ?

Матрена.

А я почему знаю! Какой же ты писарь послѣ этого, когда карандашъ потерялъ.

Бальзаминовъ.

Писарь! Писарь!

Матрена.

Вѣдь, карандашъ у тебя все равно, что у солдата ружье. Такъ нешто солдаты ружья теряютъ?

Бальзаминовъ.

Какой я писарь! Я скоро баринъ буду.

Матрена.

Ты баринъ? Не похоже.

Бальзаминовъ.

А вотъ увидишь, какъ триста тысячъ получу.

Матрена.

Триста тысячъ! Не вѣрю. У кого-жъ это такія деньги бѣшенныя, чтобъ за тебя триста тысячъ дали. Да ты ихъ счесть-то не умѣешь.

Бальзаминовъ.

Ну, да что съ тобой разговаривать! Ты ничего не понимаешь.

Матрена.

Гдѣ понимать! А еще женихъ, жениться хочетъ, а самъ крандашъ потерялъ. Безстыдникъ!

Бальзаминовъ (*шаритъ въ боковыхъ карманахъ*).

Вотъ онъ, нашелъ.

Бальзаминова.

Ну, что-жъ будетъ?

Бальзаминовъ.

А вотъ сейчасъ. (*Беретъ съ комода бумажку и садится у стола.*) Я теперь получаю жалованья сто двадцать рублей въ годъ, мы ихъ и проживаемъ; а какъ будетъ триста тысячъ (*пишетъ триста тысячъ*), такъ если по тысячѣ въ годъ... все-таки, мнѣ на триста лѣтъ хватить.

Матрена (*всплеснувъ руками*).

Батюшки!

Бальзаминова.

Неужели-жъ ты триста лѣтъ хочешь прожить!...

Бальзаминовъ.

Ну, позвольте! Если по двѣ въ годъ (*пишетъ*), все на полтора ста лѣтъ хватить.

Бальзаминова.

Ты рехнулся совсѣмъ.

Бальзаминовъ.

Что-жъ, маменька, при хорошей-то жизни, можетъ быть, и проживешь.

Матрена.

Какъ же прожить!

Бальзаминовъ.

Ахъ, я о процентахъ-то и забылъ. Сколько, маменька, процентовъ съ трехсотъ тысячъ.

Бальзаминова.

Да, чай, тысячъ двѣнадцать.

Бальзаминовъ.

Кажется, маменька, съ чѣмъ-то двѣнадцать тысячъ.

Матрена.

Съ денежкой.

Бальзаминовъ.

Съ какой денежкой! Чтò ты врешь!

Матрена.

Чтò считать-то, чего нѣтъ! Смотрѣть-то скучно. Ты вотъ сочти лучше: десять вѣтниковъ, по денежкѣ вѣтникъ, много ли денегъ? И того не счесть. (*Уходитъ.*)

Бальзаминовъ (*встаетъ*).

Пойду погулять, пусть немного вѣтромъ обдуетъ; а то много мыслей въ головѣ объ жизни.

Бальзаминава.

Ты бы пока слова-то подбирай, какія уже говорить съ невѣстой.

Бальзаминовъ.

А вотъ я, во время прогулки, и буду слова подбирать.

Бальзаминава.

А я платье приготовлю, надо уже одѣться хорошенъко. (*Уходятъ.*)

Картина вторая.

Въ домѣ купчихи Ничкиной; богатая купеческая гостиная, хорошо меблированная; рояль.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ничкина, въ широкой блузѣ, Капочка, тоже, и Маланья входятъ.

Ничкина.

Какъ жарко! А пообѣдаешь, такъ еще пуще разморить... такъ разморить... разморинъ такой нападетъ, не глядѣла бы ни на чтò! (*Садится на диванъ.*)

Капочка.

Давай, Малаша, споемъ.

Ничкина.

Ну васъ! и такъ жарко.

Капочка.

Мы, маменька, потихоньку. (Садится за рояль. Капочка и Маша запѣваютъ: „Вотъ на пути село большое“. Немного погодя, Ничкина пристаетъ къ нимъ.)

Ничкина (переставъ пѣть).

Бросьте, а то и меня взманили. Устала.

Капочка.

Что это, маменька, какъ вы капризны! Вдругъ на меня нашла фантазія пѣть, а вы не даете.

Ничкина.

Да жарко, Капочка.

Капочка.

Въ другой разъ сами будете просить, а у меня фантазіи не будетъ. Кто-жъ виновать, что вамъ жарко. Это даже довольно странно съ вашей стороны!

Ничкина.

Ну, ужъ ты!

Капочка.

Чѣмъ же мнѣ развлекаться прикажете? Кавалеровъ у насъ не бываетъ. Только и дѣлаемъ, что по цѣлымъ днямъ съ Машей въ окно глядимъ. Вы, пожалуй, и этого не позволите.

Ничкина.

Дѣлай, что хочешь, только не тревожь ты меня. (Устинька входитъ въ шляпкѣ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Устинька *).

Устинька.

Здравствуйте, Клеопатра Ивановна!

Ничкина.

Здравствуй, Устинька! Что, жарко на дворѣ?

*) Устинька немного картавить.

Устинька.

Жарко.

Ничкина.

Что́ это за наказанье!

Устинька.

Здравствуй, Капочка! (*Снимаетъ шляпку.*) Сейчасъ видѣла твой предметъ, ходить по набережной въ забвеніи чувствъ.

Капочка.

Ахъ! Одно сердце страдаетъ, а другое не знаетъ.

Устинька.

Что́ же, Клеопатра Ивановна, вы посылали къ нему Гавриловну?

Ничкина.

Да... вотъ... баловница я. И не надо-бъ мнѣ васъ слушать-то, а я послала нынче. Кто меня похвалить за это! Всякій умный человѣкъ заругаетъ. Да вотъ пристала, ну, я, по слабости, и послушалась. Кто его знаетъ, какой онъ тамъ! Придетъ въ домъ... какъ женихъ... страмъ.

Устинька.

Надъ сердцемъ нельзя шутить.

Маланья.

Въ сердцѣ-то замираніе бываетъ, сударыня.

Ничкина.

Какое сердце! Такъ, съ жиру... Знаемъ мы это сердце-то... сама была въ дѣвкахъ... Другая бы строгая мать-то пришла-бъ хвостъ-то тебѣ, да сама-бъ нашла жениха-то хорошаго, а не сволочь какую-нибудь.

Устинька.

Нынче ужъ тиранство-то не въ модѣ.

Ничкина.

Какое тиранство! Не то что тиранство, у меня и разсудка-то не хватаетъ... да и жарко-то... Батюшки!... говорить-то, и то тяжело... такъ ужъ и махнула рукой—что́ хочетъ, то и дѣлаетъ.

Устинька.

Самыя нынѣшнія понятія.

Капочка.

А въ чахотку-то, маменька, развѣ не приходятъ отъ родителей?

Устинька.

Развѣ есть законы для чувствъ?

Капочка.

Развѣ не бѣгаютъ изъ дому-то въ слуховое окно?

Устинька.

Или въ форточку?

Маланья.

А то и въ подворотню, барышня.

Ничкина.

Такъ-то такъ... да ужъ и воли-то вамъ большой дать нельзя... съ вами стыда-то и не оберешься... на все За-москворѣчье...

Устинька.

Однако, какой сюжетъ вы объ насъ имѣете! Мы, кажется, себя ничѣмъ не доказали съ такой стороны.

Капочка.

Ужъ маменька скажетъ словечко—одолжить. Вотъ этакъ при людяхъ отпечатаешь, вѣдь, осрамить, куда дѣться отъ стыда! Подумаютъ, что мы и въ самомъ дѣлѣ такія.

Ничкина.

Развѣ нѣтъ баловницъ-то? Не правду, что-ль, я говорю?

Устинька.

Хотя и есть, но, все-таки, это до насъ не относится.

Капочка.

Все больше отъ родителей, потому что запираютъ.

Ничкина.

Нельзя и не запирать-то... васъ...

Устинька.

Напрасно такъ полагаете. Одно суевѣріе.

Капочка.

Никакого толку-то нѣтъ отъ запиранья.

Ничкина.

Все-таки, спишь спокойнѣе... не думается... не то, что

на свободѣ. (*Капочка, Устинька и Маланья хохочутъ.*) Чему вы смѣтесъ-то? Извѣстно, присмотрѣ лучше... Безъ присмотра нельзя. (*Капочка, Устинька и Маланья хохочутъ.*) Чему вы?

Капочка.

Своему смѣху.

Ничкина.

Что, вы меня на смѣхъ, что ли, подымаете? Не глупѣй я васъ... Батюшки, жарко! (*Маланья.*) Ты чему, дура?

Маланья.

Я на барышень глядя.

Устинька.

Да какъ же не смѣяться? Развѣ можно за дѣвушкой усмотрѣть? Что вы говорите-то!

Капочка.

Хоть тысяча глазъ гляди, все равно.

Ничкина.

Есть чѣмъ хвалиться! Куда какъ хорошо!

Устинька.

Мы и не хвалимся, и совсѣмъ это не про себя говоримъ; напрасно вы такъ понимаете объ насъ. Мы вообще говоримъ про дѣвушекъ, что довольно смѣшно ихъ заирать, потому что можно найти тысячу средствъ... и кто-жъ ихъ не знаетъ. А объ насъ и разговору нѣтъ. Кто можетъ подумать даже! Мы съ Капочкой очень себя знаемъ и совсѣмъ не тѣхъ правилъ. Кажется, держимъ себя довольно гордо и деликатно.

Ничкина.

Случаю-то вамъ нѣтъ...

Устинька.

Ахъ, Боже мой! Развѣ можно такъ обижать дѣвушекъ!

Капочка.

Да, вѣдь, маменька судить по-старому, какъ въ ее время было.

Ничкина.

Да развѣ давно это время было-то.

Устинька.

Нынче ужъ дѣвушки стали гораздо благороднѣе во всѣхъ направленіяхъ.

Капочка.

Ужъ я не заню, что вы говорите, маменька. Неужели я, при всей моей кротости въ жизни, не могла угодить вамъ?

Ничкина.

Ахъ, отстаньте отъ меня, и безъ васъ тошно! Куда дѣться-то отъ жару? Батюшки!

Маланья.

Шли бы, сударыня, на погребницу.

Ничкина.

И то на погребницу. (*Входитъ Красавина.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ ЖЕ И КРАСАВИНА.

Красавина.

Здравствуйте! Все справила и отвѣтъ принесла. Что, Калюпатра Ивановна, аль неможется!

Ничкина.

Ничего... Садись... только подальше, а то жарко...

Капочка.

Какой же отвѣтъ?

Красавина.

Загорѣлось! И подождешь, не велика важность. (*Ничкиной.*) Коли жарко, ты бы пивца велѣла подать съ ледника: говорятъ, прохлаждаетъ.

Ничкина.

Все, говорятъ, прохлаждаетъ... ничего не прохлаждаетъ.

Красавина.

А то чайку...

Ничкина.

Ничего не прохлаждаетъ... Поди, Маланья, поставь самоваръ. (*Маланья уходитъ.*)

Устинька.

Но, однако, скажите, вы должны же дать отвѣтъ объ томъ, зачѣмъ васъ посылали.

Красавина.

А мой отвѣтъ будетъ короткій. По щучьему велѣнью, по моему прошенью, извольте снаряжаться — къ вечеру гости будутъ.

Ничкина.

Ты чего лишняго не сболтнула ли?

Красавина.

Ничего я лишняго не сказала; сказала только: пожалуйста въ нашъ садъ вечеромъ погулять, вишенья, орѣшенья щипать. Онъ такъ обрадовался, ровно лунатикъ какой |сдѣлался.

Капочка.

Ахъ, я боюсь!

Устинька.

Чего же ты боишься, душа моя? Довольно непонятно для меня.

Капочка.

Я всегда боюсь мужчинъ, особенно въ кого влюблена.

Красавина.

Что его бояться-то, не укусить.

Капочка.

Ужъ лучше-бъ они прямо говорили; а то заведутъ такіе разговоры, издалека, не знаешь, что отвѣчать.

Красавина.

Какъ можно прямо-то! Нехорошо! Стыдно! Извѣстно, для прилику нужно сначала объ чемъ-нибудь объ другомъ поговорить.

Капочка

Отчего же не сказать прямо, когда что чувствуешь. Ахъ, Устинька, я ужасъ какъ боюсь! Ну, сконфузишься? Я никакъ не могу воздержать своихъ чувствъ... Вдругъ могу сдѣлать что-нибудь... могу всѣ чувства потерять...

Устинька.

Не бойся, я буду съ тобой. Я уже тебя не выдамъ. (*Говорятъ шопотомъ.*)

Ничкина.

Новаго нѣтъ ли чего?

Красавина.

Что бы тебѣ новое-то сказать? Да вотъ, говорятъ, что царь Фараонъ сталъ по ночамъ изъ моря выходить и съ войскомъ; покажется, и опять уйдетъ. Говорятъ, это передъ послѣднимъ концомъ.

Ничкина.

Какъ страшно!

Красавина.

Да говорятъ, бѣлый арапъ на насъ подымается, двѣсти милліоновъ войска ведетъ.

Ничкина.

Откуда же онъ, бѣлый арапъ?

Красавина.

Изъ Бѣлой Арапіи.

Ничкина.

Какъ будетъ на свѣтѣ-то жить! такія страсти! времена-то такія тяжелыя!

Красавина.

Да говорятъ еще, какая-то комета ли, планида ли идетъ; такъ ученые въ митроскопъ смотрѣли на небо и разсчитали по цыфрамъ, въ который день и въ которомъ часу она на землю сядетъ.

Ничкина.

Развѣ можно знать Божью планиду! У всякаго человѣка есть своя планида... Батюшки, какъ жарко! Раздѣлась бы, да нельзя—праздничный день, въ окошки народъ смотреть; въ садъ пойдешь—сосѣди въ заборъ глядятъ.

Красавина.

А ставни закрыть. (*Маланья входитъ.*)

Маланья.

Братецъ пріѣхалъ.

Ничкина.

Батюшки! Въ такой жаръ...

Капочка.

Какъ бы, маменька, онъ у насъ дѣла не разстроилъ! Дяденька такой необразованный!

Устинька.

Ужъ какія могутъ быть понятія, изъ степи пріѣхалъ!

Ничкина.

Не изъ степи, а изъ Коломны!

Устинька.

Все равно, одно образованіе, одинъ вкусъ.

Капочка.

Маменька, вы ему командовать-то не давайте.

Ничкина.

Развѣ съ нимъ сговоришь!

Капочка.

Вотъ наказанье-то!

Устинька.

Нѣтъ, вообрази, что можетъ Бальзаминовъ подумать о васъ, видя такое невѣжество!

Ничкина (*Маланьѣ.*)

Поди, проводи его прямо въ столовую. Да обѣдать пора; чай, съ дороги-то ѣсть захочетъ. Пойти принять его. (*Ничкина, Маланья и Красавина уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Капочка и Устинька.

Капочка.

Вотъ принесло вѣ-ремя! Теперь все въ домѣ на русскій манеръ пойдетъ. Ахъ, я чувствую свою судьбу; разстоитъ онъ маменьку. Ну, какъ онъ да научить маменьку отдать меня за купца съ бородой! Тогда я умру отъ любви.

Устинька.

Зачѣмъ такія жестокія слова говоришь!

Капочка.

Нѣтъ, Устинька, ты не знаешь моего сердца! Мое сердце самое горячее къ любви.

Устинька.

Капочка, скажи, душка, какъ ты влюбилась? Я ужасъ какъ люблю открытія въ любви отъ своихъ подругъ.

Капочка.

Ахъ, одна минута—и навѣкъ все кончено! Шла я вечеромъ откуда-то съ Маланьей, вдругъ намъ навстрѣчу мо-

лодой человекъ, въ голубомъ галстукѣ; посмотрѣлъ на меня съ такой душой въ глазахъ, даже уму непостижимо! А потомъ взялъ опустилъ глаза довольно гордо. Я вдругъ почувствовала, но никакого виду не подала. Онъ пошелъ за нами до дому и раза три прошелъ мимо оконъ. Голубой цвѣтъ такъ идетъ къ нему, что я ужъ и не знаю, что со мной было!

Устинька.

Знаковъ онъ тебѣ никакихъ не показываетъ, когда ходитъ мимо?

Капочка.

Нѣтъ. Только всегда такъ жалко смотреть, какъ самый постоянный.

Устинька.

И часто ходитъ?

Капочка.

Ахъ, Устинька, каждый день. Ахъ!... Развѣ ужъ очень грязно...

Устинька.

Это значить, онъ просто сгораетъ... И, должно быть, самый пламенный къ любви.

Капочка.

Ахъ! Я не знаю, что со мной будетъ, когда я его увижу! Для моихъ чувствъ нѣтъ границъ.

Устинька.

Однако, все-таки, нужно себя удерживать немного.

Капочка.

Ахъ! сверхъ силъ моихъ. (*Неуѣденовъ, Юша и Ничкина уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Капочка, Устинька, Ничкина, Неуѣденовъ и Юша.

Капочка.

Здравствуйте, дяденька! (*Подходитъ и цѣлуетъ дядю. Устинька кланяется.*)

Юша.

Здравствуйте-съ. (*Подходитъ къ Капочкѣ, кланяется, цѣлуется три раза, опять кланяется и встряхиваетъ голо-*

вой; такъ же и съ Устинькой. Потомъ садится въ углу на самый послѣдній стулъ и сидитъ, потупя глаза.)

Неуѣденовъ.

Какъ живешь, Капочка? (*Садится.*)

Капочко.

Слава Богу, дяденька. Покорно васъ благодарю.

Неуѣденовъ.

Весело ли?

Капочка.

Ничего, весело-съ.

Неуѣденовъ.

Женихи есть ли? Чай, такъ у воротъ на разные голоса и воютъ.

Устинька.

Какой разговоръ!

Неуѣденовъ.

А что-жъ разговоръ! Чѣмъ, барышня, нехорошъ?

Устинька.

Неприлично при барышняхъ такъ говорить; нынче не принято.

Неуѣденовъ.

Да-съ! Я, вѣдь, съ племянницей разговариваю, а до другихъ прочихъ мнѣ дѣла нѣтъ. (*Ничкиной.*) Чья такая?

Ничкина.

Подруга Капочки.

Неуѣденовъ.

Изъ благородныхъ, что-ль?

Ничкина.

Нѣтъ, изъ купеческихъ.

Неуѣденовъ.

Ну, такъ не велика птица... А, вѣдь, и то, сестра, жарко.

Ничкина.

И то, братецъ, жарко.

Неуѣденовъ.

Юфимъ! (*Юша подходитъ.*) На-ка, возьми мой кафтанъ-то. (*Снимаетъ кафтанъ.*) Снеси его къ намъ въ комнату. (*Юша беретъ и уходитъ.*)

Устинька.

Какое необразованіе.

Неуѣденовъ.

Ничего-съ! Не взыщутъ!

Ничкина.

Вы, братецъ, соснуть не хотите ли?

Неуѣденовъ.

Нѣтъ. Я-бъ теперь орѣшковъ пощелкалъ. А потомъ можно и соснуть.

Ничкина.

Маланья! (*Входятъ Маланья и Юша.*) Принеси, поди, братцу орѣховъ.

Неуѣденовъ.

Юфимъ! Поди поищи на дворѣ камень; поглаже выбери да потяжелѣ. (*Юша уходитъ.*)

Капочка.

Зачѣмъ вамъ, дяденька, камень?

Неуѣденовъ.

Чтò ты испугалась? Небось! я орѣхи...

Устинька.

Боже мой! (*Входитъ Маланья съ орѣхами.*)

Ничкина.

Пожалуйте, братецъ. (*Маланья подноситъ ему орѣхи на тарелкѣ.*)

Неуѣденовъ.

Поставь на окно. (*Подходитъ къ окну, открываетъ и садится противъ него. Маланья ставитъ орѣхи на окно. Юша входитъ съ камнемъ.*) Подай сюда! (*Кладетъ на окно по орѣху и по два и разбиваетъ ихъ камнемъ.*)

Капочка.

Дяденька, чтò это вы съ камнемъ-то у окна сидите! Вы этакъ испугаете у меня жениха, когда онъ пойдетъ.

Неуѣденовъ (*продолжая колотить орѣхи*).

Какого жениха?

Ничкина.

Да... вотъ... такая жара, а мы сватовство затѣяли... какая теперь свадьба... въ такой жаръ...

Неуѣденовъ.

А вотъ, дай срокъ, я посмотрю, что за женихъ.

Капочка (беретъ дядю за плечи).

Дяденька, право испугаете!

Неуѣденовъ.

Поди прочь! (Продолжаетъ стучать. Капочка подходитъ къ Устинькѣ, обнимается съ ней и смотритъ съ презрѣніемъ на дядю.)

Капочка.

Какой страмъ!

Устинька.

Какое невѣжество!

Картина третья.

Садъ; направо сарай съ голубятней и калитка; прямо заборъ и за нимъ деревья другого сада; налѣво бесѣдка, за бесѣдкой деревья; посрединѣ сцены, въ кустахъ, столъ и скамейки; подлѣ сарая кустъ и скамейка.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Капочка, Устинька и Юша (входятъ).

Капочка.

Охъ! Охъ! Я умру!

Устинька.

Что ты такъ вздыхаешь? Смотри, что-нибудь лопнетъ.

Капочка.

Охъ! Онъ сейчасъ придетъ.

Устинька.

Разумѣется, придетъ. Его маменька пошла къ твоей, а онъ сюда придетъ.

Капочка.

Охъ!

Юша.

Что, это голубятня у васъ?

Капочка.

Охъ! голубятня.

Юша.

Такъ первымъ долгомъ слазить надоть, проминовать нельзя.
(Уходитъ.)

Устинька.

Ну, и прекрасно; а то онъ только мѣшаетъ. (Бальзаминовъ входитъ въ калитку.)

Капочка.

Ахъ, идетъ! (Гуляютъ, обнявшись, по авансцену, какъ будто не замѣчая ея.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Бальзаминовъ.

Бальзаминовъ (нѣсколько времени ходитъ молча, потомъ встрѣчается будто нечаянно съ Капочкой и Устинькой).

Здравствуйте-съ. (Кланяется. Капочка и Устинька кланяются и идутъ дальше. Бальзаминовъ за ними.) Какой пріятный запахъ у васъ въ саду.

Устинька.

Да-съ.

Бальзаминовъ.

Продаете яблоки, или сами кушаете?

Капочка.

Сами-съ. (Юша показывается на голубятнѣ.)

Бальзаминовъ.

И когда-нибудь ночью приду къ вамъ въ садъ яблоки воровать.

Капочка.

Ахъ!

Устинька.

У нихъ собаки злыя.

Бальзаминовъ.

Какъ прикажете понимать ваши слова?

Устинька.

Слова эти совсѣмъ не до васъ касаются, а до воровъ; вы и такъ завсегда можете здѣсь гулять, вамъ завсегда будутъ рады.

Капочка.

Да-съ.

Бальзаминовъ.

Покорнѣйше васъ благодарю за ваше приглашеніе.

Устинька.

Здѣсь въ окружности ужасъ какъ мало хорошихъ кавалеровъ для знакомства съ барышнями.

Капочка.

И всего только двое: Толкачевъ да Кирпичевъ.

Устинька.

Какіе же это кавалеры? Развѣ хорошая дѣвушка можетъ имѣть съ ними знакомство или любовь. Себя срамить! Одинъ — антриганъ, все говоритъ изъ-подъ политики да въ насмѣшку; другой — антиресанъ, знакомится съ дамами изъ антиресу. Вы лучше всѣхъ.

Капочка.

Да-съ.

Устинька.

Вотъ вамъ отъ насъ привилегія!

Бальзаминовъ.

Я даже не знаю, какъ васъ благодарить за всѣ ваши снисхожденія! *(Капочка садится на скамейку съ правой стороны, Устинька стоитъ подле нея. Бальзаминовъ поодаль.)*

Капочка *(Устинькѣ, тихо)*.

Что онъ говоритъ? Ужъ лучше-бъ прямо.

Устинька *(тихо)*.

А вотъ погоди, я ему сейчасъ скажу.

Капочка *(тихо)*.

Ахъ, не говори!

Устинька.

Нельзя же. *(Подходитъ къ Бальзаминуву и отводитъ его въ сторону)*. Капочка просила вамъ сказать, чтобы вы были съ ней посмѣлѣе, а то она сама очень робка. Вы ничего, не конфузьтесь, у насъ просто. А я пойду постерегу: какъ войдетъ кто, я дамъ вамъ знать. Что же вы стоите! Ступайте къ ней скрѣй.

Бальзаминовъ (откашливается).

Гм... Гм... Сейчасъ. (Стоитъ.)

Устинька.

Сейчасъ, а сами ни съ мѣста. (Толкаетъ его.) Ступайте скорѣй, а то помѣшаютъ.

Бальзаминовъ.

Гм... Гм... (Громко.) Гм... Сейчасъ.

Устинька.

Это даже неучтиво съ вашей стороны—заставлять себя дожидаться!

Бальзаминовъ.

Сейчасъ! (Медленно идетъ къ Капочкѣ. Устинька становится у калитки.)

Капочка (Бальзаминуву).

Садитесь! (Бальзаминовъ садится довольно далеко отъ Капочки, смотритъ въ землю и изрѣдка откашливается. Капочка смотритъ на заборъ. Юша наблюдаетъ за ними съ голубятни. Довольно долгое молчаніе.)

Бальзаминовъ.

Что вамъ лучше нравится: зима или лѣто?

Капочка.

Лѣто лучше-съ. Лѣтомъ можно гулять.

Бальзаминовъ.

А зимой кататься.

Капочка.

Лѣтомъ всякіе цвѣты расцвѣтаютъ.

Бальзаминовъ.

А зимой очень весело на святкахъ и на масленицѣ.

Капочка.

А лѣтомъ весело въ семикъ-съ.

Бальзаминовъ.

Вы на масленицѣ съ котораго дня начинаете кушать блины?

Капочка.

Со вторника-съ... А лѣтомъ всякія ягоды поспѣваютъ. (Молчаніе. Бальзаминовъ тянется къ Капочкѣ, она къ нему, иплываютъ и потупляютъ глаза въ землю.)

Юша (на голубятнѣ).

Разъ!

Устинька (грозитъ ему).

Молчи! (Молчаніе.)

Капочка.

Какія ягоды вы больше любите?

Бальзаминовъ.

А вы какія?

Капочка.

Клубнику со сливками.

Бальзаминовъ.

А я крыжовникъ.

Капочка.

Вы шутите! Какъ можно крыжовникъ... Онъ колется.

Бальзаминовъ.

Я этого не боюсь-съ. А вы развѣ боитесь-съ?

Капочка.

Ахъ! Чтò вы говорите? Я этого не понимаю. (Капочка начинаетъ склоняться въ сторону Бальзамина, Бальзаминоу въ ея сторону; цѣлуются и опять опускаютъ глаза въ землю.)

Юша (съ голубятни).

Два!

Устинька (Юшѣ).

Молчи, говорю я тебѣ!

Капочка.

А вообще, чтò вы больше всего любите?

Бальзаминовъ.

Басъ-съ. А вы?

Капочка.

Можете сами догадаться. (Цѣлуются.)

Юша.

Три! (Бѣжитъ съ голубятни.)

Устинька (подходитъ къ Бальзаминоу).

Подите за бесѣдку. Когда можно будетъ, я васъ позову. (Бальзаминоу уходитъ за бесѣдку.)

Капочка.

Ахъ, какой милый!

Устинька.

Юша все съ голубятни видѣлъ.

Капочка.

Ахъ, онъ дяденькѣ скажетъ!

Устинька.

Погоди, мы его уговоримъ. (*Юша входитъ.*)

Капочка.

Ты, Юша, смотри, никому не сказывай, что видѣлъ.

Устинька.

Это нужды нѣтъ — цѣловаться, только сказывать не надо. Я, пожалуй, и тебя поцѣлю. (*Цѣлуетъ Юшу.*)

Капочка.

И я. (*Цѣлуетъ.*)

Устинька.

И еще поцѣлуемъ. (*Цѣлуетъ съ жаромъ.*)

Юша.

Да не надо! (*Отсторониваетъ ихъ руками.*) Что пристали! Закричу! Ай! Ну васъ! Ай! Пустите, я опять на голубятню пойду. Карауль!

Устинька.

Нѣтъ, ужъ я тебя не пущу на голубятню. Пойдемъ со мной въ бесѣдку!

Юша.

И, пожалуй, пойду, только не приставай, а то закричу. (*Устинька беретъ его за руку и ведетъ въ бесѣдку.*)

Устинька (*подходя къ бесѣдкѣ*).

Выходите! Теперь можно. (*Бальзаминовъ выходитъ изъ-за бесѣдки.*)

Капочка.

Ахъ, не подходите ко мнѣ близко!

Бальзаминовъ.

За что такія немилости-съ?

Капочка.

Мужчинамъ довѣрять никакъ нельзя.

Бальзаминовъ.

Но я могу себя ограничить-съ.

Капочка.

Всѣ такъ говорятъ; но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ противное. Я мужчинъ не виню, для нихъ все легко и доступно; но наша сестра всегда должна опасаться по своей горячности къ любви. Ахъ! я васъ боюсь! Лучше оставьте меня.

Бальзаминовъ.

Какія жестокости для моего сердца!

Капочка.

Оставьте, оставьте меня!

Бальзаминовъ.

Умерла моя надежда и скончалась любовь!

Капочка.

Ахъ, для чего только мы рождены съ такою слабостью! Мужчина все можетъ надъ нами... ахъ!

Бальзаминовъ.

Какъ же я могу безъ вашего расположенія-съ? (*Садится возлѣ Капочки.*)

Капочка.

Ахъ! Что вы со мной сдѣлали!

Бальзаминовъ.

Извините, я былъ внѣ себя-съ.

Капочка.

Что можетъ противиться любви! (*Приклоняется къ Бальзамину. Цѣлуются.*) Навѣки! (*Устинька и Юша выходятъ изъ бестѣлки.*)

Устинька.

Идутъ, идутъ! (*Капочка подходитъ къ Устинькѣ. Въ камитку входятъ: Ничкина, Бальзамина и Маланья съ чайнымъ приборомъ, который ставятъ на столъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Бальзаминовъ, Капочка, Устинька, Юша, Ничкина,
Бальзаминова и Маланья.

Ничкина (*Малань*).

А самоваръ принесешь, когда братецъ встанетъ. (*Маланья уходитъ. Бальзаминовой:*) Сядемте... жарко. (*Садятся у стола. Бальзамину:*) Садитесь съ нами... побесѣдуемте! (*Бальзаминовъ садится. Барышни тоже садятся возлѣ стола. Капочкѣ:*) Ишь, какъ тебя стянули... въ такой жаръ.

Устинька.

Оставьте, конфузите.

Ничкина.

Вы читаете газеты?

Бальзаминовъ.

Читаю-съ.

Бальзаминова.

Онъ мнѣ всякія новости рассказываетъ.

Ничкина.

А мы не читаемъ... ничего не знаемъ... чтѣ тамъ дѣлается. Вотъ я у васъ хотѣла спросить, не читали ли вы чего про Наполеона? Говорятъ, опять на Москву итти хочетъ.

Бальзаминовъ.

Гдѣ же ему теперь-съ! Онъ еще вновѣ, не успѣлъ еще у себя устроиться. Пишутъ, что все дворцы да комнаты отдѣлываетъ.

Ничкина.

А какъ отдѣлаетъ, такъ, чай, пойдетъ на Москву-то съ двенадцать языковъ?

Бальзаминовъ.

Не знаю-съ. Въ газетахъ какъ-то глухо про это пишутъ-съ.

Ничкина.

Да вотъ еще, скажите вы мнѣ: говорятъ, царь Фараонъ сталъ по ночамъ съ войскомъ изъ моря выходить.

Бальзаминовъ.

Очень можетъ быть-съ.

Ничкина.

А гдѣ это море?

Бальзаминовъ.

Должно быть, недалеко отъ Палестины.

Ничкина.

А большая Палестина?

Бальзаминовъ.

Большая-съ.

Ничкина.

Далеко отъ Царьграда?

Бальзаминовъ.

Не очень далеко-съ.

Ничкина.

Должно быть, шестьдесятъ верстъ... Ото всѣхъ отъ такихъ мѣстъ шестьдесятъ верстъ, говорятъ... только Кіевъ дальше.

Юша.

Царьградъ, тетенька, это — пупъ земли?

Ничкина.

Да, миленькій. (*Пристально оглядываетъ Бальзаминова.*)

Бальзаминовъ (*жметъ*).

Что вы такъ на меня смотрите?

Ничкина.

Узко какъ платье-то на васъ сшито.

Бальзаминовъ.

Это по модѣ-съ.

Бальзаминова.

Онъ у меня всегда по модѣ одѣвается.

Ничкина.

Какая ужъ мода въ такую жару!... Чай, вамъ жарко... ну, а по улицѣ-то ходить въ такомъ платьѣ, просто, угорѣть можно.

Бальзаминовъ.

Ничего-съ. Покорно васъ благодарю за вниманіе! (*Молчаніе.*)

Ничкина.

Двужильныя лошади, говорятъ, бываютъ... и не устаютъ никогда, и не надорвутся.

Устинька.

Что за разговоръ объ лошадяхъ!

Ничкина.

Такъ объ чемъ же говорить-то?.. ну, скажи, коли ты умна.

Устинька.

Есть разные разговоры. А то вы разговариваете, а мы должны молчать. Куда какъ пріятно! Вотъ два самые благородные разговора, одинъ: что лучше—мужчина или женщина?

Ничкина.

Ну ужъ, нашла сравненіе! Ужъ что женщина! Куда она годится! Курица—не птица, женщина—не человѣкъ!

Устинька.

Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ же! Пускай мужчины защищаютъ свое званіе, а женщины свое; вотъ и пойдетъ разговоръ. А другой разговоръ еще антиреспектѣй. Что тяжелѣе: ждать и не дожидаться, или имѣть и потерять!

Бальзаминовъ.

Это самый пріятный для общества разговоръ.

Ничкина.

Ужъ этого я ни въ жизнь не пойму.

Капочка.

Что вы, маменька! не срамите себя. (*Входитъ Неуденовъ и Маланья съ самоваромъ; ставитъ его на столъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Неуденовъ *).

Неуденовъ.

Соснулъ малымъ дѣломъ.

Ничкина.

Братецъ, садитесь! Вотъ наши новые знакомые!

*) Сидятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: справа, ближе къ зрителямъ, на стулѣ, Неуденовъ; съ правой стороны стола — Ничкина и Бальзаминова; за столомъ — Юша; слѣва, у стола, Капочка и Устинька; слѣва, ближе къ зрителямъ, на стулѣ Бальзаминовъ.

Неуѣденовъ (кланяется Бальзаминовой).

Здравствуйте! (Бальзаминова кланяется.) Здравствуйте, милостивый государь! (Протягиваетъ Бальзамину руку, тотъ робко подаетъ свою.) Служить изволите? (Садится.)

Бальзаминовъ.

Служу-съ.

Неуѣденовъ.

Хорошее дѣло-съ. Всякому свое-съ: купецъ торгуй, чиновникъ служи, шатунъ шатайся.

Ничкина.

Не угодно ли, господа, чайку? (Маланья подаетъ на поднось.)

Неуѣденовъ.

Я съ вами буду, сударь, про наше дѣло купеческое говорить. Вотъ у меня сестра—она женщина богатая, а вѣдь, глупая, съ деньгами-то не знаетъ, что дѣлать. А въ нашемъ, въ купеческомъ дѣлѣ—деньги важная вещь.

Устинька.

Неужели только однимъ купцамъ деньги нужны?

Бальзаминовъ.

Деньги всякому пріятно имѣть-съ.

Неуѣденовъ.

Никому, сударь, и не запрещается. Кому пріятно имѣть, тотъ наживи.

Бальзаминова.

Трудно наживать-то по нынѣшнимъ временамъ.

Бальзаминовъ.

Особенно если человѣкъ со вкусомъ-съ, просто, долженъ страдать. Хочется жить прилично, а способовъ никакихъ нѣтъ-съ. Воть хоть бы я...

Неуѣденовъ.

Зачѣмъ же жить-то прилично такому человѣку, который не имѣетъ способовъ деньги достать?

Бальзаминова.

А коли человѣкъ не имѣетъ способностей ни къ службѣ, ни къ чему, коли Богъ не далъ, чѣмъ же онъ виновать?

Бальзаминовъ.

Да-съ. А въ мечтахъ все представляется богатство, и даже во снѣ снится; притомъ же, вкусу много.

Неуѣденовъ.

А по-моему—такому человѣку, который не умѣетъ достать ничего, не то, что въ богатствѣ жить, а и вовсе жить незачѣмъ.

Бальзаминова.

Куда-жъ ихъ дѣвать-то?

Неуѣденовъ.

Въ черную работу, землю копать. Это дѣло всякій умѣетъ. Сколько выработалъ, столько и денегъ бери.

Бальзаминовъ.

Этакъ будетъ на свѣтѣ жить нельзя.

Устинька.

Не у всѣхъ такія понятія.

Неуѣденовъ.

Какой, сударь, чинъ носите на себѣ?

Бальзаминовъ.

Первый-съ.

Неуѣденовъ.

Ну, вамъ до генерала еще далеко. А много ли жалованья по своимъ трудамъ получаете?

Бальзаминовъ.

Сто двадцать рублей-съ.

Неуѣденовъ.

Это по-нашему значить: въ одномъ карманѣ смеркается, а въ другомъ заря занимается; по-татарски—ёкъ, а по-русски—нѣтъ ничего.

Ничкина.

Маланья, прими чашки, я налью еще. (Маланья принимаетъ пустыя чашки. Ничкина наливаетъ. Маланья разноситъ и отходитъ съ подносомъ къ сторонѣ.)

Неуѣденовъ.

Такъ вотъ, сударь, я ужъ вамъ говорилъ, что сестра у меня дура набитая.

Ничкина.

Ну, ужъ... ты, братецъ... ну, право! Съ тобой не сговоришь .. право, ну!

Неуѣденовъ.

Что ты нукаешь-то!—не запрягла еще... Такъ докладываль я вамъ, что сестра у меня глупа-съ. Больше всего я боюсь, что она и зятя-то такого же дурака найдетъ, какъ сама. У бабъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Тогда ужъ все дѣло брось.

Бальзаминава.

У нихъ такое состояніе, что вѣкъ и съ зятемъ не прожить; а бѣднаго человѣка могутъ осчастливить.

Неуѣденовъ.

Да, вѣдь, деньги-то ея мужъ наживаль не для того, чтобъ она ихъ мотала да проживала съ разными прожектерами. На деньги-то надо дѣло дѣлать. Купеческій капиталъ, сударыня, важное дѣло. Хорошій-то купецъ, съ большимъ капиталомъ, и себѣ пользу дѣлаетъ, да и обществу вдвое.

Устинька.

Не все наживать, надо когда-нибудь и проживать для своего удовольствія.

Неуѣденовъ.

А развѣ мы не проживаемъ? Да проживать-то надобно съ толкомъ. Я, сударь мой, вотъ за сестру теперь очень опасуюсь. Подвернется ей фертикъ во фрачкѣ съ пуговками, или какой съ эполетками, а она, сдуру-то, и обрадуется, какъ нивѣсть какому счастью. Дочь-то отдастъ—нужды нѣтъ, а вотъ денегъ-то жалко.

Ничкина.

Да, братецъ, точно жалко.

Капочка.

Вы, кажется, маменька, меня уморить хотите?

Устинька.

Сказали, да и на попятный.

Неуѣденовъ.

Да, вѣдь, Капочка, у нихъ совѣсти очень мало. Другой сунется въ службу, въ какую бы то ни на есть, послужить безъ году недѣлю, повиляетъ хвостомъ, видить: не тяга—

умишка-то не хватаетъ, учился-то плохо, двухъ перечестъ не умѣетъ, лѣнь-то прежде его родилась, а побарствовать-то хочется: вотъ онъ и пойдетъ бродить по улицамъ да по гуляньямъ, не объявится ли какая дура съ деньгами. Такъ нешто честно это?

Ничкина (*тихо*).

Перестаньте, братецъ... поймутъ.

Неуѣденовъ.

Ничего, я обинякомъ. А по-моему, такъ и грѣхъ такимъ людямъ денегъ-то дать. Наши деньги-то на распутство пойдутъ да на важность глупую. Носъ-то подыметъ, станетъ издѣваться да величаться надъ своимъ братомъ, который грѣши-то трудомъ достаетъ, въ потѣ лица. Коли счесть, сколько наша братья, по своей глупости, денегъ роздали за дочерьми разнымъ аферистамъ, такъ, право, сердце повернется. Чтò добра-то бы можно на эти деньги сдѣлать! Боже мой! Эти деньги, я такъ считаю, у общества украдены. Какъ вы думаете объ этомъ, сударь мой?

Бальзаминовъ.

Не всѣ же въ такихъ направленіяхъ, какъ вы говорите.

Неуѣденовъ.

Нѣтъ, сударь, ужъ кто взялся за такую спекуляцію, я тому грѣша не повѣрю. Хорошіе люди во всякомъ званіи есть. И разбирать нечего, бѣденъ кто, или богатъ—я этого сестрѣ не совѣтую. Смотри на человѣка, умѣетъ ли онъ дѣло дѣлать. Коли умѣетъ, такъ давай ему денегъ, сколько хочешь,—все на пользу. А вотъ шелкоперы-то, извините вы меня, больно намъ не къ масти. Другому и вся цѣна-то двѣ копейки ассигнаціями, а онъ успѣетъ оходить дуру какую, такъ еще форсъ показываетъ. Мнѣ, говоритъ, вотъ столько-то денегъ давай, приданое давай самое лучшее.

Юша.

„Соболій салопъ атласный,
Воротникъ суконный красный!“.

Устинька и Капочка (*Юшѣ*).

Молчи!

Неуѣденовъ (*Юшѣ*).

Юшка, молчи!.. Наши-то бабы сдуру батистовыхъ рубашекъ ему нашьютъ, того-сего, съ ногъ до головы одѣнутъ;

а онъ-то послѣ ломается передъ публикой, и ничего ему— не совѣстно! Вездѣ деньги бросаетъ, чтобъ его добрымъ бариномъ звали.

Капочка.

Вы, дяденька, оттого такъ разсуждаете, что вы совсѣмъ необразованы.

Неуѣденовъ.

Именно, мой другъ, необразованы. Не одна ты это говоришь. Вотъ и тѣ голые-то, которыхъ мы обуваемъ да одѣваемъ, да на безпутную ихъ жизнь деньги даемъ, тоже насъ необразованными зовутъ. Имъ бы только отъ насъ деньги-то взять, а родни-то хоть вѣкъ не видать.

Бальзамина (встаетъ).

Послѣ такихъ словъ, намъ съ тобой, Миша, кажется, здѣсь нечего дѣлать.

Неуѣденовъ.

Да похоже на то. На ворѣ-то, видно, шапка горитъ.

Бальзаминовъ.

Я этихъ словъ, маменька, на свой счетъ не принимаю.

Неуѣденовъ.

Нѣтъ, я на вашъ счетъ. Вотъ маменька-то ваша поумнѣе—сейчасъ поняла.

Бальзаминовъ.

Я за большимъ, пожалуй, не погонюсь: мнѣ хоть бы что-нибудь дали.

Неуѣденовъ.

Вѣдь, у тебя ни гроша нѣтъ, такъ тебѣ все барышъ, что ни дай.

Бальзаминовъ.

Въ такомъ случаѣ, прощайте-съ. (*Кланяется всѣмъ.*) Я не ожидалъ-съ.

Бальзамина.

Благодаримъ за угощенье.

Ничкина.

Не на чемъ-съ.

Неуѣденовъ.

Ходите почаще, безъ васъ веселѣй. (*Бальзаминовъ и Бальзамина подходятъ къ калиткѣ. Юша за ними.*)

Бальзаминава.

Я говорила тебѣ, Миша, что праздничный сонъ — до обѣда.

Бальзаминовъ.

Кабы я его въ будни видѣлъ, совсѣмъ бы другое дѣло было. (*Уходятъ.*)

Юша (*въ калитку*).

Заходите! Намъ безъ дураковъ скучно.

Неуѣденовъ.

Юшка, молчи!

Капочка.

Охъ, я умру!

Устинька (*тихо*).

Сдѣлайся какъ безъ чувствъ.

Капочка.

Ахъ! (*Падаетъ на скамейку.*)

Ничкина.

Батюшки! Чтò это съ ней?

Неуѣденовъ.

Ничего, пройдетъ. Маланья, поди-ка, вели принести ушатъ воды.

Капочка (*встаетъ*).

Нѣтъ, ужъ, извините, я этого не позволю.

Неуѣденовъ.

Ожила! Эхъ, сестра! Какъ тебя не ругать-то? Какую, было, штуку выкинула! Такой товаръ (*показывая на Капочку*), да еще съ деньгами, за стракулиста, было, отдала. А я тебѣ ужъ и жениха приготовилъ: молодого русачка, здороваго, свѣжаго умнаго. А ужъ какой дѣлецъ-то! Да и съ капиталомъ.

Ничкина.

Посватайте, братецъ.

Неуѣденовъ.

Посватать, Капочка?

Капочка.

Онъ съ бородой?

Неуѣденовъ.

Съ маленькой.

Капочка.

Да, вѣдь, она вырастетъ.

Неуѣденовъ.

Эка глупая! Пока она вырастетъ, такъ ужъ ты привыкнешь... А какой красавецъ-то! Посватать, что ли?

Капочка (*потупившись*).

Посватайте.

Неуѣденовъ.

Такъ-то лучше. Вотъ и по рукамъ.

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ!

КАРТИНЫ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

Картина первая.

Л И Ц А:

Презневъ, совершенно дряхлый старикъ, почти безъ всякаго движенія въ большихъ чинахъ. Его возятъ на креслѣ.

Презнева, Софья Ивановна, жена его, 45 лѣтъ.

Поля, молодой человѣкъ, ея сынъ.

Устинья Филимоновна Перешивкина, пожилая женщина, прежде бывшая нянька Поля, теперь въ родѣ проживалки или экономки по разнымъ знакомымъ домамъ.

Большая зала, оклеенная богатыми, но потемнѣвшими и по мѣстамъ отставшими отъ стѣнъ обоями. Паркетный полъ по угламъ значительно опустился. Налѣво окно въ садъ и дверь на деревянный съ колоннами балконъ прямо дверь выходная, направо во внутреннія комнаты. По узкимъ простѣнкамъ мраморные столики на бронзовыхъ ножкахъ, надъ ними узкія, длинныя, съ надставками зеркала, въ золоченыхъ рамахъ. Мебель старая, тяжелая, съ потертою позолотой. На столахъ бронза стараго фасона. Съ потолка виситъ люстра изъ мелкихъ стеколъ, въ видѣ миндаля. Двѣ или три ширмочки изъ плюща. На всемъ видны и совершенный уладокъ, и остатки прежней роскоши.

I.

Презневъ подлѣ окна спитъ въ вольтеровскомъ, на колесахъ, креслѣ. Одѣтъ въ мѣховый халатъ, ноги покрыты бѣлымъ шерстянымъ пологомъ. На противоположной сторонѣ *Презнева*, въ изящномъ утреннемъ неглиже, полулежитъ на диванѣ съ книгою въ рукахъ.

Презнева (опустивъ книгу).

Это жестоко! это ужасно! я бы никогда такъ не поступила! *Nous autres femmes...* мы... о! мы вѣримъ, мы слѣпо

вѣримъ, мы никогда не анализируемъ. Нѣтъ, я не стану дальше читать этотъ романъ. Молодой человѣкъ хорошаго происхожденія, красивъ, уменъ, служить въ военной службѣ, выражаетъ ей свою любовь такимъ прекраснымъ языкомъ... и она... она имѣла силы отказать ему! Нѣтъ, она не женщина! Женщина твореніе слабое, увлекающееся! Мы живемъ только сердцемъ. И какъ легко насъ обмануть! Мы для любимаго человѣка готовы всѣмъ пожертвовать. Если мужчины насъ и обманываютъ, что, къ несчастію, случается очень часто, то ужъ въ этомъ виноваты не мы, а они. Они, по большей части, хитры и коварны... мы, женщины, такъ добры и довѣрчивы, такъ готовы всему вѣрить, что только послѣ горькихъ (*задумывается*), да, горькихъ опытовъ, убѣждаемся въ безнравственности обожаемыхъ лицъ. (*Молчаніе.*) Но нѣтъ! мы и послѣ обмана, и даже нѣсколькихъ обмановъ, готовы опять увлечься, готовы повѣрить въ возможность чистой и безкорыстной любви. Да! такова наша судьба! Тѣмъ болѣе, если все это случится въ такой прекрасной обстановкѣ, какъ въ этомъ романѣ. Весна, цвѣты, прекрасный паркъ, журчанье водъ. Онъ пришелъ въ охотничьемъ костюмѣ, съ ружьемъ, собака легла у его ногъ. Ахъ! но мужчины... они часто во зло употребляютъ прекрасныя качества нашего нѣжнаго сердца, они не хотятъ знать, сколько страдаемъ отъ нихъ мы, бѣдныя женщины! (*Молчаніе.*) Конечно, есть и между насъ такія, которыхъ весь интересъ въ жизни составляютъ низкіе матеріальные расчеты, хозяйственные хлопоты. Но это проза, проза! что бы мнѣ ни говорили, а это проза. Есть даже такія, которыя разсуждаютъ о разныхъ ученыхъ предметахъ не хуже мужчинъ, но я не признаю ихъ женщинами. Онѣ могутъ быть умны, учены, но, вмѣсто сердца, у нихъ ледъ. (*Молчаніе.*) Когда мнѣ приходятъ такія мысли въ голову, я всегда вспоминаю объ моемъ Полѣ. Ахъ! сколько онъ долженъ имѣть успѣховъ между женщинами! Я напередъ рада за него. Какъ пріятно это для матери! Ахъ, дѣти! дѣти! (*Нюхаетъ спиртъ и потомъ звонитъ. Входитъ лакей.*)

Лакей.

Чего изволите-съ?

Прежнева.

Что, баринъ не приходилъ еще?

Лакей.

Никакъ нѣтъ съ.

Прежнева.

Когда онъ придетъ, пошли его ко мнѣ.

Локей.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

Прежнева.

Онъ такой чувствительный, нервный мальчикъ! Весь въ меня. Его бы надобно беречь, лелѣять, а я не могу; я не имѣю средствъ. Послѣ такого прекраснаго воспитанія онъ, по несчастію, долженъ служить. Тамъ эти столоначальники... всѣ они въ такихъ странныхъ фракахъ... а онъ такой нервный, такой нервный!.. я вѣрю, что его всѣ притѣсняють, потому что ему всѣ завидуютъ. (*Входитъ Поль.*)

II.

Прежнева и Поль, безукоризненно одѣтый въ лѣтнемъ костюмѣ, съ утомленнымъ видомъ, нѣсколько ломаясь.

Поль.

Bonjour, maman!

Прежнева (*цѣлуетъ его въ лобъ*).

Bonjour, Paul! Откуда ты?

Поль (*садится съ другой стороны на диванъ*).

Откуда!.. Изъ того прекраснаго мѣста, куда вамъ угодно было опредѣлить меня.

Прежнева.

Что-жъ дѣлать, Поль!

Поль.

И шелъ пѣшкомъ въ такой ужасный жаръ.

Прежнева.

У насъ, въ этой залѣ, такъ хорошо, такъ прохладно!

Поль.

Да; но за то каково здѣсь зимой! Всѣ углы сгнили, полъ провалился.

Прежнева

Да, мой другъ, теперь наши дѣла въ очень дурномъ положеніи.

Поль.

Ваши дѣла! Какія у васъ дѣла? Отецъ, вонъ, едва дышитъ, вы тоже ужъ отжили свой вѣкъ. Каково мое положеніе!

Прежнева.

Я тебѣ вѣрю, мой другъ. Я воображаю, какъ тебѣ тяжело!

Поль.

Еще бы легко! Вы послушайте меня. По рожденію, по воспитанію, по знакомству, ну, наконецъ, по всему, поглядите вы на меня съ ногъ до головы, я принадлежу къ лучшему обществу...

Прежнева.

О, да!

Поль.

И чего же мнѣ недостаетъ? Вѣдь, это срамъ, позоръ! Мнѣ недостаетъ состоянія. Да и кому нужно знать, что у меня нѣтъ состоянія? Я, все-таки, долженъ жить такъ, какъ они, и вести себя такъ, какъ они. Чтò-жъ, въ мѣщане, чтò ли, мнѣ приписаться? Сапоги шить? Нѣтъ состоянія!.. это смѣшно даже.

Прежнева.

Было, Поль, было.

Поль.

Я знаю, что было, да теперь гдѣ? я знаю больше... я знаю, что вы его промотали.

Прежнева.

Ахъ, Поль, не вини меня; ты знаешь, что всѣ мы, женщины, такъ довѣрчивы, такъ слабы! Когда былъ еще здоровъ твой отецъ, насъ всѣ считали очень богатыми людьми, у насъ было отличное имѣніе въ Симбирской губерніи. Онъ какъ-то умѣлъ управлять всѣмъ этимъ. Потомъ, когда его разбилъ параличъ, я жила совсѣмъ не роскошно, а только прилично.

Поль.

A monsieur Пеше чтò вамъ стоилъ? Сознайтесь, тамап!

Прежнева.

Ахъ, мой другъ, онъ такъ нуженъ былъ для твоего воспитанія! Потомъ, я два раза была за границей; а впрочемъ, большихъ расходовъ никакихъ не дѣлала. И вдругъ мнѣ говорятъ, что я все прожила, что у насъ ничего нѣтъ. Это

ужасно! Вѣроятно, все виною тамъ эти управляющіе да бур-мистры.

Поль.

Канальи!

Прежнева.

Что дѣлать, мой другъ! Люди такъ злы, коварны, а мы съ тобою такъ довѣрчивы.

Поль.

Это вы, тамап, довѣрчивы, а попадись они мнѣ, я бы имъ задалъ. Фить, фить... (*Дѣлаетъ жестъ рукой.*) Вѣдь, съ этимъ народомъ нельзя иначе. Это имъ хорошо... почаще... Просто, зло беретъ. Изъ-за этихъ негодяевъ я теперь долженъ чѣмъ свѣтъ итти пѣшкомъ въ какой-то судъ, о которомъ я бы и не слыхалъ никогда; потомъ бѣжать пѣшкомъ домой или трястись на ванькѣ. Не могу же я такъ жить, какъ живутъ эти писцы, съ которыми, впрочемъ, я сижу рядомъ. Они тамъ на крыльцѣ ѣдятъ у разносчиковъ пироги съ лукомъ. Они все могутъ, они такъ созданы; а я не могу. Ну, вотъ я теперь и задолжалъ всѣмъ: и извозчику, и портному, и Шевалье. Наши всѣ ходятъ къ Шевалье, и правовѣды... Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, пироги съ лукомъ ѣсть, а тамъ еще нужно экзаменъ держать въ какомъ-то уѣздномъ училищѣ. Ужасно! А будь у меня состояніе, я бы ничего этого и не зналъ: ни судовъ, ни уѣздныхъ училищъ, ни писарей съ пирогами. На что мнѣ все это?

Прежнева.

Да, да, я понимаю... съ твоимъ нѣжнымъ сердцемъ... ты такой нервный!..

Поль.

Я просто не знаю, что мнѣ дѣлать! Выдь случай, такъ въ карты бы обыгралъ кого-нибудь, не посовѣстился.

Прежнева.

Да, въ твоемъ положеніи... конечно...

Прежневъ (*просыпаясь*).

Павелъ, ты давно былъ въ театрѣ?

Поль.

Недавно.

Прежневъ.

Кто нынче маркизовъ играетъ?

Поль.

Давно ужъ никто не играетъ.

Прежневъ.

Я прежде хорошо маркизовъ игралъ. (*Прежнева звонитъ. Входитъ лакей.*)

Прежнева.

Вывези барина на балконъ, да возьми старыя газеты, почитай ему! (*Лакей беретъ газеты и увозитъ Прежнева на балконъ.*)

Поль.

Вотъ еще мой любезный дядюшка, тамъ онъ гдѣ-то предсѣдателемъ былъ, такъ и разсуждаетъ свысока. Ты, говорить, многого хочешь. Скажите, пожалуйста, чего я хочу? Чтò это—прихоти, роскошь? Я хочу только необходимаго, безъ чего нельзя обойтись человѣку нашего круга. Кажется, ясно. Такъ нѣтъ, дядюшка любезный говорить: ты этого не долженъ желать, потому что ты не имѣешь средствъ. Да развѣ я виноватъ, что я не имѣю средствъ? Гдѣ же тутъ логика?

Прежнева.

Какая логика, все вздоръ.

Поль.

Ты, говорить, работай. Нѣтъ ужъ, слуга покорный! Чтò я, лошадь, чтò ли?

Прежнева.

Дядя твой человѣкъ грубый.

Поль.

Нѣтъ, тамап, это драма.

Прежнева.

Драма, mon cher!

Поль.

И еще какая драма! Что тамъ рѣжутся, отравляются, все это вздоръ.

Прежнева.

Знаешь чтò, Поль? Я думаю, тебѣ бы жениться.

Поль.

Чтò-жъ, я не прочь жениться, да на комъ?

Прежнева.

Да, это вопросъ! Я знаю тебя, Поль. Зачѣмъ ты такъ пре-

красно воспитанъ? Зачѣмъ у тебя такая нѣжная душа? Ты черезъ это будешь несчастливъ въ своей жизни. Тебѣ нѣтъ пары! Много, слишкомъ много нужно имѣть дѣвушкѣ достоинствъ, чтобы понравиться тебѣ и сдѣлать твое счастье.

Поль.

Вы, можетъ быть, думаете, мама, что меня прельщаетъ семейное счастье? Я ужъ не ребенокъ, мнѣ двадцать одинъ годъ. Чтò за пастораль! (*Хохочетъ.*) Мнѣ просто нужны деньги.

Прежнева.

Но, все-таки, мой другъ, я знаю твой характеръ, я знаю, что ты не захочешь жениться на комъ-нибудь.

Поль.

На комъ хотите. Мнѣ нужны деньги, чтобъ быть порядочнымъ человѣкомъ, чтобъ играть роль въ обществѣ, однимъ словомъ, чтобъ дѣлать то, къ чему я способенъ. Я наживать не могу, я могу только проживать прилично и съ достоинствомъ. У меня для этого есть всѣ способности, есть тактъ, есть вкусъ, я могу быть передовымъ человѣкомъ въ обществѣ.

Прежнева.

Однако, мой другъ... (*Входитъ лакей.*)

Лакей.

Перешивкина пришла.

Прежнева.

Вѣчно не вò-время придетъ.

Поль.

Поговоримъ послѣ, еще будетъ время.

Прежнева.

Пусть войдетъ. (*Лакей уходитъ.*)

III.

Тѣ же и Перешивкина.

Прежнева.

Чтò ты, Устинья Филимоновна?

Перешивкина (*цѣлуетъ Прежневу въ плечо и становится сзади*).

Провѣдать, матушка, пришла, все ли вы здоровы? Я благодарителей не забываю.

Поль.

А, ботвинья лимоновна, откуда тебя принесло?

Перешивкина.

Какая я ботвинья лимоновна? Вы все, баринъ, шутите.

Поль.

Она, кажется, воображаетъ, что съ ней можно говорить серьезно.

Перешивкина.

У меня, матушка, знакомый человѣкъ дюми-терьмо дѣлаетъ... (*Поль хохочетъ.*) Ничего, смѣйся, батюшка, смѣйся надо мной, старухой... Такъ вотъ, не угодно ли купить, онъ мнѣ дешево отдаетъ. Широкий такой, добротный. Прикажете принести? Въ городъ за эту цѣну не купите.

Прежнева.

Принеси, я посмотрю.

Поль.

А много ли ты тутъ, старая корга, наживешь?

Перешивкина.

Ужъ и старая корга!

Поль.

Что-жъ, ты, можетъ быть, еще замужъ собираешься?

Перешивкина.

Не годится вамъ, баринъ, меня, старуху, бранить, я васъ на рукахъ нянчила.

Поль.

Кажется, она обижаться вздумала. Вотъ одолжить.

Прежнева.

Оставь ее, мой другъ!

Перешивкина.

Ничего, матушка, ничего, пусть шутить. Онъ ужъ такой шутникъ! Еще маленькій мнѣ какъ-то чепчикъ сзади зажегъ.

Поль.

А, помнишь!

Перешивкина.

Какъ не помнить! Всѣ волосы сжегъ, да и лицу досталось. А вы, баринъ, не смѣйтесь надо мной; я еще, можетъ, пригожусь вамъ.

Поль.

На что-жь ты мнѣ пригодишься? Въ огородѣ, вмѣсто чу-
чела, поставить.

Перешипкина.

А можетъ быть, на что другое пригожусь, Павелъ Петро-
вичъ. Какъ знать? Что, матушка барыня, не обидитесь вы на
мои глупыя слова? Можетъ, я какое слово и къ мѣсту скажу.

Прежнева.

Что такое? Говори!

Перешипкина.

Есть у меня одна дама знакомая, Серафимой Карповной
зовутъ. Я завсегда къ нимъ въ домъ вхожа. Она, вотъ ви-
дите ли, матушка, купеческаго роду, только была за госпо-
диномъ Асламевичемъ, важный человѣкъ, въ чинахъ. Онъ,
матушка, одинъ разъ генераломъ былъ.

Поль (хохочетъ).

Какъ это такъ?

Перешипкина.

А вотъ какъ: гдѣ онъ служилъ-то, такъ ихній генераль
въ отпуску былъ, въ это-то самое время онъ и былъ гене-
раломъ цѣлый мѣсяцъ.

Поль.

А, вотъ какъ! Ну, ври, ври!

Перешипкина.

Это истинно я вамъ говорю. И всего одинъ годочекъ
жила она съ нимъ, а теперь вотъ другой годъ вдовѣтъ...
Да вы не разсердитесь, матушка барыня...

Прежнева.

Ну, продолжай!

Перешипкина.

Красавица собой и добрая, а ужъ скромная какая! на
рѣдкость. И расчетливая, ужъ на наряды или тамъ на какія
бездѣлицы денегъ не промотаетъ.

Поль.

То-есть, просто скупа.

Перешипкина.

Не то, что скупа, а расчетлива, хозяйка хорошая. Тепе-

рича приданое, которое за ней дадено, значить, все при ней состоитъ. Однѣхъ денегъ полтораста тысячъ.

Поль.

Полтораста тысячъ!

Перешивкина.

Сама, сама видѣла, всѣ эти билеты у нея въ шкатулкѣ видѣла; при мнѣ считала. Только вы лучше велите мнѣ, дурѣ, замолчать. Вѣдь, языкъ безъ костей, пожалуй, мели, чтò хочешь. Хотя она для меня женщина и добрая, а вы, все-таки, мнѣ дороже ея. Богъ съ ней! За чтò же я васъ буду напрасно въ гнѣвъ вводить!

Прежнева и Поль.

Ничего, говори, говори!

Перешивкина.

Коли приказываете, такъ буду говорить. Вотъ, матушка барыня, такъ сказать по-нашему, по-женски: дѣло молодое. другой годъ вдовѣть... ну, вотъ, она... И не то, чтобы лгу: я на себя и грѣха этого не возьму. Я всегда вашимъ добромъ довольна. Могу ли я это забыть! Конечно, мы люди маленькіе, а добра не забываемъ, и завсегда, чѣмъ могу, услужить...

Поль (*махнувъ рукой*).

Ну!

Прежнева.

Да ты продолжай!

Перешивкина.

Слушаю, матушка. Вотъ она у васъ тутъ по сосѣдству живетъ. Налѣво бѣлый каменный домъ; Павелъ Петровичъ часто мимо ходитъ.

Прежнева.

Ну, такъ чтò-жъ?

Перешивкина (*на-ухо*).

Влюбилась.

Прежнева.

Чтò?

Перешивкина (*шомче*).

Влюбилась. Ей-Богу!... Да.

Прежнева (*смѣется*).

Да что-жь тутъ удивительнаго? Ты глупа, душа моя! Еще бы въ него-то не влюбиться! Вотъ рѣдкость!

Перешивкина.

Ну, само собой, барыня; да, вѣдь, съ деньгами.

Поль (*поетъ*).

La donna e mobile...

Перешивкина.

Я, говорить, влюблена, Устинья Филимоновна. Въ кого, говорю, матушка, въ кого? А вотъ, посмотри, сейчасъ пройдетъ. Я гляжу въ окно-то, а Павелъ Петровичъ идетъ, а она мнѣ и говоритъ: вотъ онъ. Я такъ и ахнула!

Поль (*поетъ*).

La donna e mobile...

Перешивкина.

Конечно, надо Павлу Петровичу самому посмотрѣть: понравится ли еще. Ну, да коли сомнѣніе имѣете, можно и въ Опекунскомъ справится, билеты-то всѣ именныя. Отчего-жь не справится? Любовь любовью, а деньги деньгами. Вѣдь, это дѣло вѣчное.

Поль (*подходитъ къ матери*).

Мама, я иду гулять.

Прежнева.

Прощай, мой другъ! (*Цѣлуетъ его въ лобъ.*)

Поль (*тихо*).

Хлопочите. (*Уходитъ.*)

Прежнева.

Вотъ, видишь ли, милая Устинья Филимоновна, не велика радость для моего Поля, что какая-то мадамъ Асламевичъ въ него влюбилась... Однако, если онъ ее увидитъ, можетъ быть, она ему и понравится... Я, конечно, съ своей стороны, не буду ему препятствовать, хоть она и изъ купеческаго званія... Мнѣ только былъ бы онъ счастливъ... (*Встаетъ.*) Пойдемъ, я велю тебя чаемъ напоить... Только ты ужъ води себя поумнѣе.

Перешивкина.

Матушка, я по гробъ жизни... (*Уходятъ.*)

Ж а р т и н а в т о р а я .

Л И Ц А :

Карпъ Карпычъ Толстогораздовъ, купецъ, сѣдой, низенькій, толстый.
Улита Никитина, жена его, пожилая женщина, безъ особыхъ примѣтъ.

Серафима Карповна, дочь Толстогораздова, вдова, высокаго роста, худошава, необыкновенной красоты. Походка и движенія институтки; часто задумывается, вздыхаетъ и поднимаетъ глаза къ небу, когда говорить о любви; то же дѣлаетъ, когда про-себя считаетъ деньги, а иногда и просто безъ всякой причины.

Матрена, горничная, дальняя родственница Толстогораздовыхъ. Молодая дѣвка, полная, тѣло мраморной бѣлизны, щеки румяныя, глаза и брови черныя. Ходитъ въ шубкѣ, рубашка съ кисейными рукавами, въ косѣ ленты.

1-й кучеръ, Толстогораздова.

2-й кучеръ, Серафимы Карповны.

Дворъ. Направо галлерей дома, на заднемъ планѣ садъ; налѣво надворное строеніе; двѣ двери: одна въ погребъ, другая на сѣнникъ.

I.

На дворъ.

1-й кучеръ сидитъ на приступкѣ у погребицы. МАТРЕНА входитъ.

1-й кучеръ (*поетъ тонкимъ голосомъ*).

„Прежде жилъ я, мальчикъ, веселился;
 Но имѣлъ свой капиталъ.
 Капитала, мальчикъ, я рѣшился,
 Во неволю жить попалъ“.

Матрена.

Хозяева проснулись. Ты бы, Иванычъ, самоваръ-то втащилъ.

1-й кучеръ.

А ты что за барыня? Промнись! Ишь, жиру-то нагуляла! не уколупнешь нигдѣ, точно на наковальнѣ молотками сколочена. (*Поетъ:*)

„И какова, братцы, неволя?
 Да кто знаетъ про нее?“

Матрена.

Позавидовалъ ты моему жиру. У самого рыло-то ужъ лопнуть хочетъ. Неси, что ли, говорятъ тебѣ.

1-й кучеръ.

Приходи завтра! (*Поетъ:*)

„Какова, братцы, неволя?

Да кто знаетъ про нее?“

Матрена.

Дай срокъ, я вотъ Улитѣ Никитишнѣ скажу, что ты ничего не дѣлаешь, никогда тебя ничего не допросишься.

1-й кучеръ.

Я—кучеръ, понимаешь ты это? Я свое дѣло правлю. А ты что? Типунъ-дворянка! Тонко ходите, чулки отморозите! Значить, ты его (*показывая на самоваръ*) и волоки.

Матрена.

Да, вѣдь, въ немъ пудовъ пять будетъ, гдѣ-жъ дѣвкѣ его стащить!

1-й кучеръ.

Опять-таки, это до меня некасающее.

Матрена.

Стыда-то въ тебѣ ничего нѣтъ, безстыжіе твои глаза! Хоть надорвись дѣвка, тебѣ все равно! (*Поднимаетъ самоваръ, вслѣдъ корпусомъ отваливается назадъ и, загнувъ голову на сторону отъ пара, идетъ къ галлерей.*)

1-й кучеръ (*вслѣдъ ей*).

Не балуй въ серьгахъ, позолота сойдетъ!

Матрена (*всходя на крыльцо, оборачивается*).

Ругатель! (*Ставитъ на столъ самоваръ.*)

1-й кучеръ (*поетъ*).

„Какова, братцы, неволя?“

Да кто знаетъ про нее?“

(*На галлерей входятъ Карпъ Карпычъ и Улита Никитишна. Кучеръ замолкаетъ и уходитъ.*)

II.

На галлерей.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ и УЛИТА НИКИТИШНА (*сидятъ у стола на галлерей*).

УЛИТА НИКИТИШНА (*заваривая чай*).

Нынче все муаръ-антикъ въ моду пошелъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Какой это муаръ-антикъ?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Такая матерія.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ну, и пушай ее.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Да я такъ... Вотъ кабы Серафимочка замужъ вышла, такъ ужъ сшила бы себѣ, кажется... Всѣ дамы носятъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А ты нешто дама?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Обнаковенно дама.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

да вотъ можешь ты чувствовать, не могу я слышать этого слова... когда ты себя дамой называешь.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Да что же такое за слово—дама? Что въ немъ... (*Ищетъ слова*) постыднаго?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Да коли не люблю! Вотъ тебѣ и сказъ!

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ну, а Серафимочка дама?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Извѣстно дама; та ученая, да за бариномъ была. А ты что? Все была баба, а какъ мужъ разбогатѣлъ, дама стала! А ты своимъ умомъ дойди.

Улита Никитишна.

Да вѣтъ! Все-таки... какъ же!

Карпъ Карпычъ.

Сказано—молчи, ну и баста! (*Молчаніе.*)

Улита Никитишна.

Когда было это сраженіе...

Карпъ Карпычъ.

Какое страженіе?

Улита Никитишна.

Ну вотъ недавно-то. Развѣ не помнишь, что ли?

Карпъ Карпычъ.

Такъ что же?

Улита Никитишна.

Такъ много изъ простаго званія въ офицеры произошли.

Карпъ Карпычъ.

Вѣдь, не бабы же. За свою службу каждый получаетъ, что соотвѣтственно.

Улита Никитишна.

А какъ же вотъ, къ намъ мѣщанка ходитъ, такъ говорила, что когда племянникъ курсъ выдержать, такъ и она будетъ благородная.

Карпъ Карпычъ.

Да, дожидайся.

Улита Никитишна.

А говорятъ, въ какихъ-то земляхъ изъ женщинъ полки есть.

Карпъ Карпычъ (*смѣется*).

Гвардія! (*Молчаніе.*)

Улита Никитишна.

Говорятъ, грѣшно чай пить.

Карпъ Карпычъ.

Это еще отчего?

Улита Никитишна.

Потому, изъ некрещеной земли идетъ!

Карпъ Карпычъ.

Мало ли что изъ некрещеной земли идетъ.

Улита Никитишна.

Вотъ тебѣ примѣръ: хлѣбъ изъ крещеной земли, мы его и ѣдимъ въ-время; а чай—когда пьемъ? Люди къ обѣднѣ, а мы за чай; вотъ теперь вечерни, а мы за чай. Вотъ и значить грѣхъ.

Карпъ Карпычъ.

А ты пей въ-время.

Улита Никитишна.

Нѣтъ, все-таки...

Карпъ Карпычъ.

Все-таки, молчи! Ума у тебя нѣтъ, а разговаривать любишь. Ну, и молчи! (*Молчаніе.*)

Улита Никитишна.

Какая Серафимочка у насъ счастливая! Была за бариномъ—барыня стала, и овдовѣла—все-таки барыня. А какъ теперь, если за князя выдетъ, такъ, пожалуй, княгиня будетъ.

Карпъ Карпычъ.

Все-таки, по мужѣ.

Улита Никитишна.

Ну, а какъ за князя выдетъ, неужто я такъ-таки ничего? Вѣдь, она мое рожденіе.

Карпъ Карпычъ.

Съ тобой говорить, только мысли въ головѣ разбивать. Я было объ дѣлѣ задумалъ, а ты тутъ съ разговоромъ да съ глупостями. Вѣдь, вашего, бабьяго, разговора всю жизнь не переслушаешь. А сказать тебѣ: молчи! такъ вотъ дѣло-то короче будетъ. (*Задумывается. Молчаніе. Вбѣгаетъ Матрена.*)

Матрена.

Матушка, Улита Никитишна, Серафима Карповна пріѣхала.

Улита Никитишна.

Ахъ, батюшки! (*Быстро встаетъ и уходитъ съ Матреной.*)

Карпъ Карпычъ.

Кабы на бабѣ да не страхъ, съ ними бы и не сообразилъ. Есть свое дѣло, такъ нѣтъ, давай лѣзть въ чужое. Пристаютъ къ мужу: скажи ей свою дѣло и свою тайну, и прельщаютъ

его прелестію и лукавствомъ, и ослабляютъ лицо свое— и все на погибель. И кто имъ скажетъ свое дѣло, и онѣ научаютъ и соблазняютъ: дѣлай не такъ, а вотъ такъ, по моему желанію. И многіе мужи погибли отъ женъ. Молодой человѣкъ, который и неопытный, можетъ польститься на ихъ прелесть, а человѣкъ, который въ разумъ входитъ и въ лѣта постоянныя, для того женская прелесть ничего не значитъ, даже скверно.

Ш.

Н а д в о р ъ.

Входятъ 1-й и 2-й кучера.

2-й кучеръ.

У васъ какое сравненіе! Не въ примѣръ лучше. Просто, жидъ, а не барыня; сама овесъ выдаетъ. (*Уходятъ въ сарай. Входятъ Улита Никитишна, Серафима Карповна и Матрена.*)

IV.

Н а г а л л е р е ъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ, УЛИТА НИКИТИШНА садится на свое мѣсто и разливаетъ чай; СЕРАФИМА КАРПОВНА въ шляпкѣ, въ мантильѣ, въ зеленыхъ перчаткахъ, съ зонтикомъ, подходитъ къ отцу; МАТРЕНА ставитъ на столъ расписную чашку, которую принесла изъ комнатъ, и становится поодаль.

Серафима Карповна.

Здравствуйте, папенька! (*Цѣлуются.*)

Карпъ Карпычъ.

Здравствуй! Садись, такъ гостя будешь.

Серафима Карповна (сидя).

А гдѣ же братецъ, Онисимъ Карповичъ?

Карпъ Карпычъ.

Гдѣ Онисимъ-то? Загулялъ. Вотъ ужъ пятый день чертитъ.

Серафима Карповна.

А сестрица, Анна Власьевна?

Карпъ Карпычъ.

Да вотъ, какъ ни бьемся, все Онисимъ пить-то не перестаетъ, такъ жена и повезла по тюрьмамъ калачи раздавать. Авось, Богъ простить.

Улита Никитишна.

Да, да... Повезла калачи раздавать... заключеннымъ... Вѣдь, все больше занапрасно...

Карпъ Карпычъ.

Да, занапрасно! Они тамъ рѣжутъ да грабятъ, а ихъ не сажать.

Улита Никитишна.

Такъ, чай, тѣ, которые грабятъ-то, въ острогѣ сидятъ; а въ ямѣ-то за что?

Карпъ Карпычъ.

А въ ямѣ-то за долги.

Улита Никитишна.

Какъ не за долги! Вонъ, говорятъ, Конъ Конычъ за процентъ сидитъ.

Карпъ Карпычъ.

За какой процентъ?

Улита Никитишна.

Да такъ же, за процентъ. А какой тутъ процентъ! Какъ бралъ, такъ и отдай. Чай, вѣдь, это грѣхъ.

Карпъ Карпычъ.

Ты опять разговаривать! (*Улита Никитишна наливаетъ чай; Матрена подаетъ на поднось чашку Серафимъ Карповнѣ; та беретъ, не снимая перчатокъ.*)

Улита Никитишна.

Ты-бъ, Серафимушка, сняла шляпку-то да мантилію, да и платье-то бы разстегнула сзади; здѣсь все свои. Вотъ тебѣ Матрена разстегнетъ.

Серафима Карповна.

Ахъ, что это вы, маменька! Мнѣ не жарко. Я къ вамъ на минуточку пріѣхала, только посовѣтоваться.

Карпъ Карпычъ *(дуя на блюдечко)*.

Объ чемъ бы это, напимѣрь?

Серафима Карповна.

А хочу замужъ итти.

Улита Никитишна *(всплеснувъ руками)*.

Ахъ, батюшки!

Карпъ Карпычъ.

Ну, чтѣ-жъ! Съ Богомъ! Это дѣло хорошее. Это лучше...

Улита Никитишна *(качая головой и складывая руки на груди)*.

Красавица ты моя!

Карпъ Карпычъ.

А за кого бы это? желаю я знать.

Серафима Карповна.

Онъ, папенька, молодой человѣкъ, служить въ судѣ, и, надобно вамъ сказать, не богатый. Я-бъ и не пошла за бѣднаго, да ужъ очень я въ него влюблена. *(Поднимаетъ глаза къ небу, вздыхаетъ и задумывается.)*

Улита Никитишна *(всплеснувъ руками)*.

Ахъ, матушка моя!

Карпъ Карпычъ.

А чѣихъ онъ?

Серафима Карповна.

Прежневъ. Онъ благородный, хорошей фамиліи, можетъ мѣсто хорошее получить. Чтѣ-жъ, думаю, у меня свои деньги; если буду жить расчетливо, могу прожить и съ мужемъ. Лучше я себѣ во всемъ откажу, а ужъ я безъ него жить не могу. *(Опять вздыхаетъ и поднимаетъ глаза.)*

Карпъ Карпычъ.

Можетъ, качества какія есть?

Серафима Карповна.

Качествъ за нимъ никакихъ не слыхать.

Карпъ Карпычъ.

Ты, Серафима, помни одно, что ты отрѣзанный ломоть, я тебѣ больше денегъ не дамъ. Такъ ты, смотри, не проживи деньги-то, которыя за тобой дадены.

Улита Никитишна.

Тотъ былъ старикъ, а этотъ, ишь ты, молодой: гляди, рожать будешь; такъ деньги-то, чтобъ дѣтямъ остались.

Серафима Карповна.

Мнѣ денегъ прожить нельзя съ моимъ характеромъ. (*Отдаетъ чашку Матрени.*)

Карпъ Карпычъ.

Ну, онъ молодой, а ты, все-таки, вдова, а не дѣвушка, все какъ будто передъ мужемъ совѣстно; ну, онъ подластится да и выманить деньги-то.

Серафима Карповна (*принимая чашку отъ Матрены*).

Неужели мужчины могутъ любить только изъ денегъ? (*Вздохъ и глаза къ небу.*)

Карпъ Карпычъ.

А ты думала какъ? Порядокъ извѣстный.

Серафима Карповна (*выходя изъ задумчивости*).

Да я ему и не дамъ денегъ.

Карпъ Карпычъ.

Ну, и ладно. Ты поступай такъ, какъ я тебѣ приказывалъ.

Серафима Карповна.

Конечно, папенька! Чтò, я дура, чтò-ли?

Карпъ Карпычъ.

А вотъ и у насъ скоро свадьба: Матрену въ саду съ приказчикомъ застали, такъ хочу повѣнчать. (*Матрена закрываетъ лицо рукавомъ.*) Тысячу рублейъ ему денегъ и свадьба на мой счетъ.

Улита Никитишна.

Тебѣ бы только пображничать гдѣ было, затѣмъ и свадьбу-то затѣялъ.

Карпъ Карпычъ.

Ну, еще чтò?

Улита Никитишна.

Ничего больше.

Карпъ Карпычъ (*строго*).

Нѣтъ, ты поговори!

Улита Никитишна.

Ничего, право, ничего.

Карпъ Карпычъ (*строже*).

Нѣтъ, поговори что-нибудь, я послушаю.

Улита Никитишна.

Да что говорить-то, коли не слушаешь.

Карпъ Карпычъ.

Что слушать-то! Слушать-то у тебя нечего. Эхъ, Улита Никитишна! (*Грозитъ пальцемъ.*) Сказано, молчи! Я хочу, чтобъ дѣвка чувствовала, а ты съ своими разговорами!... (*Матрена закрываетъ другимъ рукавомъ глаза.*) Третью племянницу такъ отдаю. Я всей роднѣ благодѣтель. Вотъ теперь есть еще маленькая, такъ и ту на мѣсто Матрены возьму, и ту въ люди выведу. (*Молчаніе.*)

Улита Никитишна.

Смотри, будетъ ли онъ любить-то тебя.

Серафима Карповна.

Что-жъ, маменька, въ моемъ характерѣ ничего дурного нѣтъ. Только я... еще и въ пансіонѣ говорили, что я музыки совсѣмъ не понимаю, задумываюсь часто, такъ, ни объ чемъ, да очень люблю сладкое, такъ, можетъ, онъ этого не замѣтитъ; да вотъ еще на серебро плохо считаю...

Карпъ Карпычъ.

Ничего, привыкнешь.

Серафима Карповна.

Можетъ-быть, ему не понравится, что я расчетлива, такъ, вѣдь, иначе мнѣ какъ же? Я стараюсь только, чтобъ не прожить капитала, а проживать одни проценты. Что-жъ я буду тогда безъ капитала, я ничего не буду значить.

Карпъ Карпычъ.

Обнакновенно.

Серафима Карповна.

А проценты я сейчасъ могу расчесть на бумажкѣ, насъ въ пансіонѣ этому учили. А вотъ безъ бумажки я и не могу. (*Задумывается.*)

Улита Никитишна.

Объ чемъ ты это думаешь-то, милушка?... Да и я-то дура!

Какъ тебѣ, бѣдной, не думать-то! Переменная въ жизни...
вѣдь, въ него не влѣзешь, какой онъ тамъ.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, маменька, я вотъ давеча ленты покупала, по восьми
гривенъ ассигнаціями, семь аршинъ; такъ вотъ я и думаю,
сколько это на серебро-то будетъ, и такъ-ли онъ мнѣ сдачу
сдалъ съ трехъ цѣлковыхъ? *(Вынимаетъ портмоне и смо-
трить въ него.)*

Карпъ Карпычъ.

Рубъ шесть гривенъ... рубъ сорокъ сдачи.

Серафима Карповна.

Такъ-ли, папенька-съ?

Карпъ Карпычъ.

Ну да, что тутъ еще разговаривать!

Серафима Карповна *(прячетъ портмоне)*.

Хорошо-съ.

Улита Никитишна.

Смотри, не пьеть ли?

Карпъ Карпычъ.

Опять ты все врешь! кто нынче не пьеть!

Улита Никитишна.

То-есть, ты спроси, во хмелю-то онъ каковъ?

Карпъ Карпычъ.

Ну, вотъ это дѣло!

Улита Никитишна.

Потому, другой смирный во хмелю, такъ это нужды нѣтъ,
все равно, что непьющій.

Серафима Карповна.

Хорошо, маменька, я спрошу-съ. Мнѣ, маменька, пора.

Улита Никитишна.

Ахъ, какъ это можно! Посиди. Вѣдь, ты сладкое-то лю-
бишь... У насъ фрухты какіе прелестныя! Поди, Матрена,
принеси, они у меня на окнѣ въ спальнѣ. *(Матрена ухо-
дитъ и скоро возвращается съ фруктами и подноситъ Се-
рафимѣ Карповнѣ, а потомъ ставитъ на столъ.)* Кушай,
милушка, кушай! Наливочки не хочешь ли?

Серафима Карповна.

Что́ это вы, маменька!

Улита Никитишна.

Пивца, душенька?

Серафима Карповна.

Да развѣ я пью?

Улита Никитишна.

Ну, медку?

Серафима Карповна.

Право, не могу.

Улита Никитишна.

Ну, вареньица?

Серафима Карповна.

Вареньица можно.

Улита Никитишна (*достаетъ ключи изъ кармана*).

Матрена, сходи въ кладовую, принеси двухъ сортовъ.

Серафима Карповна.

Да вели моему кучеру подавать. (*Матрена беретъ ключи и уходитъ черезъ сцену.*)

Улита Никитишна.

Кушай еще, Серафимушка! (*Серафима Карповна беретъ еще.*) А ты, что же, Карпъ Карпычъ?

Карпъ Карпычъ.

Ну, вѣтъ еще! Стану я теперь ѣсть всякую дрянъ. А ты отложи мнѣ, а остальные вели убрать; я уже, какъ стану водку пить, такъ закушу апельсиномъ. (*Улита Никитишна беретъ и ѣстъ. Молчаніе.*)

V.

На дворѣ.

МАТРЕНА (*идетъ съ двумя тарелками. Подходитъ къ двери стнника и толкаетъ ее ногой.*)

Эй вы, гужеѣды! (*Кучеръ ыходятъ.*) Подавай лошадей! Барыня ѣхать хотятъ.

2-й кучеръ.

Меня въ тѣ поры, за одну провинность, баринъ хотѣлъ въ солдаты отдать.

1-й кучеръ.

Ишь ты!

2-й кучеръ.

Такъ я въ тѣ поры, братецъ ты мой, все только объ войнѣ и думалъ, и со всякимъ, то-есть, человѣкомъ все про войну разговаривалъ. И такъ у меня раскипѣлось сердце, что хотъ сейчасъ подѣ черкеса.

1-й кучеръ.

У меня тутъ по сосѣдству одинъ денщикъ есть пріятель, они съ бариномъ въ венгерской канпаніи были, такъ онъ про австріяка сказывалъ.

2-й кучеръ.

А чтò такое?

1-й кучеръ.

А вотъ чтò, другъ любезный, будто ему еще допрежъ сказано, при французѣ, когда французъ былъ: чтò ты можешь мнѣ препятствовать? Хочешь, я тебя разорю.

2-й кучеръ.

И разорить!

1-й кучеръ.

Разорить.

2-й кучеръ.

Потому сила.

1-й кучеръ.

Ничего не подѣлаешь! Все равно, какъ милюція была... одиннадцать вершковъ росту, пятнадцать пудовъ подымаетъ. Прутъ себѣ! Тамъ ту-ту-ту-ту-ту, значить, въ барабанъ отбой. А они говорятъ: ребята, впередъ! Измѣна! Ну, и прутъ себѣ, чтò ты хочешь!

2-й кучеръ.

Извѣстно, ужъ тутъ кто кого.

1-й кучеръ.

Кто, значить, ужъ одолѣетъ, чья сила возьметъ.

Матрена.

Скучно слушать-то! Охъ, воины! сидя на печкѣ воюете. Видно, не страшна война, только утиши Господи!

1-й кучеръ *(скосивъ глаза въ сторону Матрены, съ совершеннымъ презрѣніемъ)*.

Сволочь!

Матрена.

Говорять вамъ, барыня дожидается.

2-й кучеръ *(надѣвая на правую руку петлю кнута, лѣвую по-даетъ Иванычу)*.

Прощай!

1-й кучеръ.

Прощай, другъ любезный! *(Уходитъ за домъ, Матрена на галлерею.)*.

VI.

На галлерей.

Улита Никитишна.

Серафимушка! я было и забыла... Еще вотъ что надо безпремѣнно тебѣ сдѣлать! Ужъ проминовать нельзя... Когда ты все узнаешь про жениха, что онъ не мотъ, не пьяница, не картежникъ, такъ съѣзди къ ворожеѣ, къ Парашѣ. Приди къ ней смирененько и спроси: будетъ ли, молъ, раба Серафима счастлива съ рабомъ... какъ его?

Серафима Карповна.

Павломъ.

Улита Никитишна.

Съ рабомъ Павломъ. Чтѣ она тебѣ скажетъ, такъ и сдѣлай.

Карпъ Карпычъ.

Ничего ты этого не дѣлай.

Улита Никитишна.

Ну ужъ, Карпъ Карпычъ, я во всемъ тебя послушаю, а это дѣло не твое, это дѣло женское! Не слушай ты его, Серафимушка, дѣлай, какъ я велю. Я мать—худа не посовѣтую.

Серафима Карповна.

Хорошо-съ. (*Встаетъ.*) Прощайте, папенька! Прощайте, маменька! (*Цѣлуетъ.*)

Карпъ Карпычъ.

А ты вотъ что: ты скажи жениху, коли будетъ ко мнѣ почтителенъ—я ему шубу подарю хорошую; а коли не будетъ—назадъ отниму. (*Уходятъ.*)

Картина третья *).

Л И Ц А:

Поль.

Серафима Карповна, жена его.

Софья Ивановна Пржегнева.

Неизвѣстный, пріятель Поля, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ греческимъ профилемъ и мрачнымъ выраженіемъ лица.

Горничная.

Лакей.

Богато убранный кабинетъ.]

I.

Поль (*сидитъ за столомъ и пишетъ*), ЛАКЕЙ (*входитъ*).

Лакей.

Павель Петровичъ, тамъ портной да каретникъ дожидаются.

Поль (*оборачиваясь*).

Гони ихъ вонъ!

Лакей.

Да нейдутъ-съ.

Поль.

Ну, скажи имъ, что на слѣдующей недѣлѣ.

Лакей.

Говорилъ, да нейдутъ-съ.

Поль.

Такъ неужели-жъ мнѣ самому съ ними разговаривать? Ну,

*) Между 2-ою и 3-ею картиной проходитъ мѣсяць.

скажи имъ что-нибудь такое. Ты видишь, что я занятъ. Надоѣлъ! Пошелъ вонъ!

Лакей.

Тамъ еще какой-то баринъ васъ спрашиваетъ.

Поль.

И его гони. (*Неизвѣстный показывается въ дверяхъ; лакей, увидѣвъ неизвѣстнаго, уходитъ.*)

Неизвѣстный.

Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно.

Поль (*встаетъ*).

Ахъ, мой другъ, я не зналъ, что это ты. Извини, сдѣлай милость.

Неизвѣстный.

Да, ты не зналъ. (*Осматриваетъ съ ногъ до головы Поля и потомъ кабинетъ.*)

Поль.

Право же, не зналъ. Неужели бы я тебя не принялъ?

Неизвѣстный (*садится*).

Ну, хорошо, хорошо.

Поль.

Сигару не хочешь ли?

Неизвѣстный (*иронически улыбаясь*).

Сигару? А когда же деньги?

Поль.

Теперь скоро.

Неизвѣстный.

То-есть, какъ же это: теперь, или скоро?

Поль.

Скоро, скоро.

Неизвѣстный.

Ты скоро отдашь? (*Смотритъ пристально на Поля.*)

Ну, а если я тебѣ не вѣрю?

Поль.

Какъ же тебѣ не вѣрить, у тебя въ рукахъ документъ. Потомъ, ты видишь, какъ я живу.

Неизвѣстный.

Да, вѣдь, документу срокъ; а это не твое, а женино.

Поль.

Это все равно.

Неизвѣстный.

Нѣтъ, не все равно.

Поль.

Такъ чего же ты хочешь?

Неизвѣстный.

А вотъ чего: или ты завтра мнѣ отдашь деньги, или мы перепишемъ документъ...

Поль.

Изволь, перепишемъ хоть сейчасъ.

Неизвѣстный.

Нѣтъ, мы перепишемъ завтра, только чтобъ твоя жена подписалась поручительницей.

Поль.

Какъ же это?

Неизвѣстный.

Тамъ ужъ маклеръ знаетъ, какъ; а то я подамъ ко взысканію. (*Встаетъ.*)

Поль.

Ну, хорошо.

Неизвѣстный.

Такъ смотри же, завтра! (*Идетъ къ двери.*) Ты не думаешь ли отвернуться какъ-нибудь? Этого со мной нельзя. (*Уходитъ.*)

Поль.

Это скучно, наконецъ! Богатъ, богатъ, а денегъ все нѣтъ. Надо у жены попросить; теперь все равно, что у ней деньги, что у меня—у насъ все общее. Еще даже лучше, если у меня. И для чего я такъ долго откладываю! Только все больше и больше запутываюсь. (*Серафима Карповна входитъ, Поль пишетъ.*)

II.

Серафима Карповна.

Поль, брось писать, не пиши! (*Обнимаетъ его. Поль перестаетъ писать.*) Я такъ счастлива, такъ счастлива! Гос-

поди, за что мнѣ такое счастье! (*Задумывается.*) Всего у меня много, мужъ такой милый (*цѣлуетъ его*), красавецъ, умный! Только одно меня беспокоитъ: ты часто уѣзжаешь. Ужъ коли ты женился, ты бы все и сидѣлъ со мной; я бы, кажется, тебя еще больше любить стала.

Поль.

Нельзя же, мой другъ, у меня служба.

Серафима Карповна.

Ты нынче поѣдешь?

Поль.

Да, поѣду. Ужъ мнѣ пора.

Серафима Карповна.

Возьми меня съ собой.

Поль.

Куда это, въ Сенать-то?

Серафима Карповна.

Ну, да.

Поль.

Что ты говоришь! Да развѣ это можно?

Серафима Карповна.

У васъ все нельзя. Просто, ты меня не любишь, оттого и не хочешь взять. Кабы ты любилъ, ты бы взялъ. Ты бы сказалъ всѣмъ: „это моя жена“. Что-жь, я тебя нигдѣ не осрамлю, я въ пансіонѣ воспитывалась.

Поль.

Да ты спроси у кого-нибудь, коли мнѣ не вѣришь, берутъ ли женъ въ присутственные мѣста?

Серафима Карповна.

Оттого и не берутъ, что не любятъ насъ. Кабы любили, такъ бы брали. Если бы вы насъ любили такъ, какъ мы васъ любимъ, вы бы всѣ наши прихоти исполняли. Мы для васъ все на свѣтѣ готовы сдѣлать, а вы никакой малости не хотите.

Поль.

Да и я все, что хочешь, готовъ для тебя сдѣлать, только этого нельзя.

Серафима Карповна.

Ну, по крайней мѣрѣ, сдѣлай для меня удовольствіе, не ѣзди нынче, посиди со мной.

Поль (*пожимая плечами*).

Если ты хочешь, изволь.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты не поѣдешь?

Поль.

Не поѣду, если тебѣ угодно.

Серафима Карповна.

Милый Поль, какой ты добрый! Какъ ты меня балуешь! Чего я для тебя на свѣтѣ не сдѣлаю! Ну, говори! Говори, чего хочешь! да говори же! (*Ласкаетъ его.*) Проси, чего хочешь. Все, все на свѣтѣ. Ну, скажи, чего ты хочешь: сейчасъ же поѣду въ городъ и куплю тебѣ. (*Входитъ горничная.*)

Горничная.

Барыня, пожалуйста, швея пришла.

Серафима Карповна.

Поль, милый Поль, я сейчасъ приду. (*Уходитъ.*)

III.

Поль.

Странная иногда у ней желанія являются, и не разберешь: отъ глупости это, или отъ любви ко мнѣ. Впрочемъ, это очень хорошо, что она меня такъ любитъ. Чего, говорить, ты хочешь? Чего? Разумѣется, денегъ. Значить, правду говорятъ, что у женщинъ сердце гораздо чувствительнѣе нашего. А я, признаться, этому прежде не вѣрилъ. Теперь я понимаю, что если любовь заберетъ ихъ за живое, такъ бери съ нихъ, что хочешь. Да и хорошенъкая какая! Даже этакъ, если и съ другой стороны взять... да что тутъ разговаривать-то, просто наслажденіе! Если ужъ просить, такъ за разъ большой кушъ; надо пользоваться минутой, пока она въ экстазѣ. (*Входитъ Серафима Карповна.*) Ахъ, Серафима, я хотѣлъ съ тобой поговорить.

Серафима Карповна.

И я хотѣла съ тобой поговорить, Поль.

Поль.

Ну, такъ говори ты.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, ты говори прежде.

Поль.

Нѣтъ, ты, Серафима.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, ты.

Поль.

Я тебѣ уступаю, какъ дамъ, Серафима.

Серафима Карповна.

Вотъ что я хотѣла тебѣ сказать, мой Поль: ты каждый день сорочки мѣняешь; вѣдь, это расчетъ.

Поль.

Что, ты съ ума, что ли, сошла! Что это за расчетъ для насъ? Нѣтъ, я хотѣлъ поговорить совсѣмъ о другомъ.

Серафима Карповна.

Все-таки, другъ ты мой (*цѣлуетъ его*), надобно расчитывать. Никакого въ этомъ сумасшествія нѣтъ.

Поль.

Извини, Серафима! Я тебя понимаю, мой другъ; это даже хорошо, что ты въ мелочахъ соблюдаешь экономію. Мелочи въ жизни важное дѣло. Я очень радъ, что нашелъ въ тебѣ такую хозяйку. Но я хочу съ тобой поговорить о болѣе важномъ дѣлѣ.

Серафима Карповна.

Объ чемъ же это, Поль? Да нѣтъ, стой! Что намъ объ дѣлѣ говорить! Мы еще съ тобой мало о любви говорили. Теперь время свободное, ты не поѣхалъ въ присутствіе. Что намъ говорить объ дѣлахъ, поговоримъ о любви. (*Вздохъ и глаза къ небу.*)

Поль.

Объ любви еще мы успѣемъ, когда только тебѣ будетъ угодно, а теперь мнѣ нужно объ дѣлѣ.

Серафима Карповна.

Ахъ, Поль, ты остался со мной! мнѣ теперь, право, ни о чемъ другомъ думать не хочется.

Поль.

Нѣтъ, Серафима, мнѣ, право, нужно съ тобой серьезно поговорить.

Серафима Карповна (*нѣсколько обиженнымъ тономъ*).

Что такое тебѣ нужно? Говори!

Поль.

Какъ ты хочешь употребить свой капиталъ?

Серафима Карповна.

Что за вопросъ! Я его никакъ не хочу употреблять; пускай лежитъ въ Совѣтѣ, а мы будемъ жить процентами.

Поль.

Но процентовъ очень мало, мой другъ! Мы лучше пустимъ капиталъ въ оборотъ.

Серафима Карповна.

Въ какой оборотъ?

Поль.

Напримѣръ, купимъ имѣніе.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что! Какое имѣніе!

Поль.

Чу, деревню въ хорошей губерніи, хоть въ Орловской.

Серафима Карповна.

Ни за что на свѣтѣ! Мужики не будутъ платить, деревня можетъ сгорѣть; пять лѣтъ неурожай. Что-жъ тогда дѣлать.

Поль.

Пять лѣтъ неурожай не бываетъ.

Серафима Карповна.

Однако, можетъ быть; ты, вѣдь, не пророкъ.

Поль.

Ну, купимъ домъ да пустимъ жильцовъ.

Серафима Карповна.

А жильцы платить не будутъ.

Поль.

Какъ это платить не будутъ? Съ нихъ всегда можно взыскать.

Серафима Карповна.

Ну, а домъ сгорить?

Поль.

Надо застраховать.

Серафима Карповна.

А придетъ непріятель да разорить все. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

Поль.

Ну, перестанемъ лучше объ этомъ говорить.

Серафима Карповна.

Ты самъ посуди. Ты молодой еще человѣкъ, у насъ могутъ быть дѣти.

Поль.

Конечно, будутъ дѣти, но что-жъ изъ этого? Чѣмъ мы больше будемъ получать, тѣмъ больше дѣтямъ достанется.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, нѣтъ! я и говорить не хочу; а то мнѣ сейчасъ скучно сдѣлается. Ты и не разстроивай меня. Какіе тамъ обороты! Мы и такъ можемъ жить. Всего у насъ много. *(Задумывается.)* Теперь время свободное, ты не поѣхалъ въ присутствіе... *(Обнимаетъ Поля.)*

Поль *(освобождается изъ объятій)*.

Нѣтъ, Серафима, какъ ты хочешь, а мнѣ съ тобой нужно поговорить.

Серафима Карповна *(серьезно)*.

Объ чемъ еще?

Поль.

А вотъ объ чемъ: дай ты мнѣ, коли любишь меня, пять тысячъ рублей серебромъ. Мнѣ очень нужно для одного дѣла. Дѣло, Серафима, очень выгодное—я теперь тебѣ не скажу, какое, но мы можемъ вдвое получить, а пожалуй и больше. Да я почти увѣренъ, что больше.

Серафима Карповна.

Пять тысячъ рублей серебромъ... Сколько же это будетъ на ассигнаціи?

Поль.

Почемъ я знаю.

Серафима Карповна.

Постой, я сейчасъ сочту. *(Вынимаетъ изъ кармана бумажку и карандашъ и считаетъ.)* Ахъ, ахъ! *(Убѣгаетъ.)*

IV.

Поль.

Что же это такое? Чего она испугалась? Я ужъ и не пойму. Не думаетъ ли она, что я всю жизнь буду только одною любовью пробавляться? Это будетъ очень оригинально! Скупа, что ли, она? Нужно же, наконецъ, узнать, что она больше любить: меня или деньги? Коли меня—такъ дѣло поправить можно. А какъ деньги? Просто, хоть въ петлю лѣзь. (*Входитъ Прежнева.*)

Прежнева.

Bonjour, Paul!

Поль.

Bonjour, maman!

Прежнева (*садится*).

Я сейчасъ заходила къ твоей женѣ; что съ ней сдѣлалось? Плачетъ и собирается куда-то ѣхать.

Поль.

Была маленькая сцена.

Прежнева.

Ахъ, Поль, такъ рано! Такъ скоро послѣ свадьбы! Не оскорбилъ ли ты ее чѣмъ-нибудь? Женщина такое слабое, такое нѣжное созданіе.

Поль.

Какой чортъ оскорбилъ. Я только попросилъ у ней денегъ.

Прежнева.

Довольно ли ты нѣженъ былъ съ ней?

Поль.

Да помилуйте, я цѣлый мѣсяцъ съ ней нѣжничалъ, жили какъ голуби. (*Хохочетъ.*) Только нынче рѣшился попросить денегъ. Она сначала было такъ расчувствовалась, что любо. Проси, говорить, что хочешь; я все для тебя на свѣтѣ. Я хоть сейчасъ, говорить, поѣду въ городъ и куплю тебѣ, чего хочешь. Что-жъ она мнѣ купить? Собачку фарфоровую или сахарнаго гусара? А вотъ, какъ попросилъ я у ней пять тысячъ, такъ взвизгнула да ушла... а теперь плачетъ. Это, чортъ знаетъ, что такое!

Прежнева.

У ней нѣтъ, нѣтъ чувствъ, мой другъ. Женщина для любимаго чловѣка готова все на свѣтѣ. Нѣтъ, мой Поль, она не женщина!

Поль.

Нѣтъ, она женщина, только денегъ не даетъ.

Прежнева.

Ахъ, Поль! я думаю, что она со временемъ тебя оцѣнитъ и такъ полюбитъ, такъ полюбитъ (*восторженно*), что отдастъ въ твое полное распоряженіе и себя, и... все свое состояніе.

Поль.

Да, вѣдь, этого нужно ждать, а мнѣ ждать нельзя.

Прежнева.

Подожди, Поль! За то впереди какое блаженство ожидаетъ тебя. (*Входитъ горничная съ письмомъ и бумажникомъ въ рукахъ и подаетъ Полу.*)

Поль.

Это что такое?

Горничная.

Барыня уѣхали и приказали вамъ отдать бумажникъ и письмо. (*Уходитъ.*)

Поль.

Бумажникъ! Это хорошо! (*Кладетъ бумажникъ въ карманъ.*)

Прежнева.

Я тебѣ говорила.

Поль.

Теперь почитаемъ посланіе. (*Читаетъ:*) „Милый Поль! Какъ я ни люблю тебя, но намъ должно разстаться. Теперь всю жизнь мое сердце будетъ разрываться, и я буду день и ночь плакать по тебѣ. Я теперь хочу жить у папеньки, подобно заключенной, и оплакивать судьбу свою, а домъ этотъ продамъ. Теперь ужъ ты меня никогда не увидишь. Я тебя люблю всей душой, а ты мнѣ сегодня показалъ, что будто ты меня любишь изъ денегъ. Но въ нашемъ купеческомъ кругу не принято отдавать деньги. Что я буду значить, когда у меня не будетъ денегъ?—тогда я ничего не буду значить! Когда у меня не будетъ денегъ—я кого люблю, а меня,

напротивъ того, не будутъ любить. А когда у меня будутъ деньги—я кого люблю, и меня будутъ любить, и мы будемъ счастливы. Я приготовила тебѣ къ именинамъ бумажникъ и сама вышила, и какъ я чувствовала, что тебѣ мой подарокъ будетъ очень пріятенъ, то и посылаю тебѣ. Ты къ папенькѣ не ѣзди, онъ у насъ очень сердитъ и очень разгнѣвается на тебя, когда все это узнаетъ; а я ничего не могу скрыть. Прощай, Польша! Когда будешь нуждаться въ деньгахъ, я тебѣ всегда готова помочь потихоньку отъ своихъ, только немного—рублей сто, не болѣе. Будь счастливъ. А я должна плакать всю жизнь. Твоя навѣки, Серафима“. Что же это такое! Это такъ странно, что я даже этому и не вѣрю. Вѣроятно, она шутитъ, или хочетъ меня поугатъ. Однако, посмотримъ, что такое за бумажникъ. Можетъ быть, въ немъ что-нибудь и есть! (*Вынимаетъ изъ кармана.*)

Прежнева.

Я почти увѣрена, Польша. Она вѣрно хотѣла тебѣ сдѣлать сюрпризъ.

Польша.

Бумажникъ щегольской! (*Развертываетъ его и разсматриваетъ.*) Пусто!

Прежнева.

Посмотри, нѣтъ ли гдѣ секретнаго какого отдѣленія.

Польша.

Вотъ есть и секретное, да въ немъ тоже ничего нѣтъ. (*Входитъ лакей.*) Что тебѣ?

Лакей.

Да помилуйте, что же это такое? Шубу увезли!

Польша.

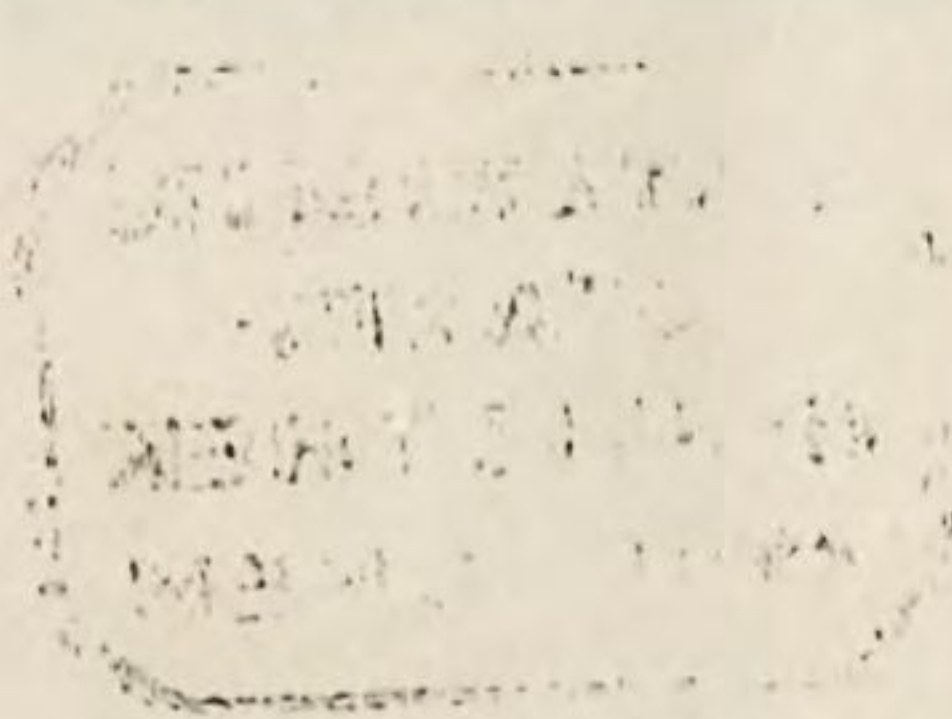
Какую шубу?

Лакей.

Вашу шубу. Велѣли положить къ барынѣ въ карету и увезли. Ужъ я съ Анюткой не мало ругался, да что-жъ съ ними сдѣлаешь. На что-жъ это похоже, я ужъ и не знаю.

Польша.

Маменька! Это ужъ не шутки.

Лакей.

Это, вѣдь, срамъ! Не первый годъ служу. (*Всплеснувъ руками.*) Господи! я и не видывалъ. Помилуйте, Павелъ Петровичъ!

Поль.

Ну, поди вонъ!

Лакей.

Да это и въ люди сказать, такъ стыда-то не оберешься. Чтò это такое? Чтò это такое? (*Уходитъ.*)

Поль (*сидясь и пристально глядя на мать*).

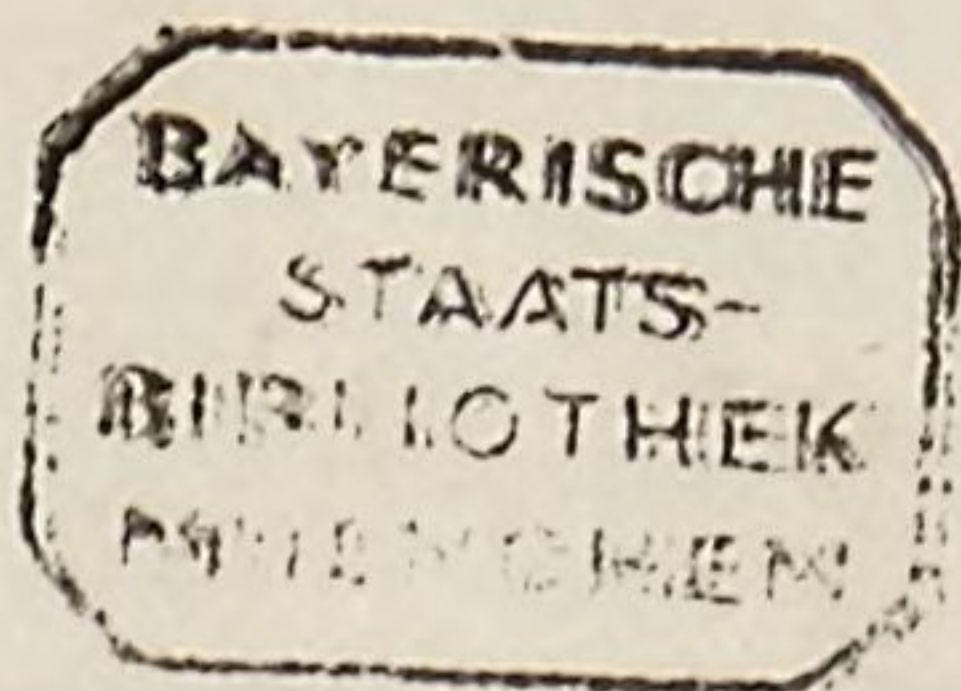
Мамап!

Прежнева.

Нынче у женщинъ совсѣмъ нѣтъ сердца, совсѣмъ нѣтъ!

Поль.

Позвольте мнѣ, мамап, поблагодарить теперь васъ за двѣ вещи: во-первыхъ, за то, что вы промотали мое состояніе, а во-вторыхъ, за то, что воспитали меня такъ, что я никуда не гожусь. Я умѣю только проживать. А гдѣ деньги, гдѣ? (*Горячо.*) Гдѣ деньги? Ну, давайте мнѣ ихъ! Вамъ весело было, когда я восьми лѣтъ, въ бархатной курточкѣ, танцевалъ лучше всѣхъ дѣтей въ Москвѣ и ужъ умѣлъ волочиться за маленькими дѣвочками! Вамъ весело было, когда я шестнадцати лѣтъ отлично скакалъ на лошади! Вы любовались, когда мы съ моимъ гувернеромъ, вашимъ любимцемъ, скакали по нашимъ наслѣдственнымъ полямъ. Вамъ весело было! При такомъ воспитаніи нужно имѣть деньги, чтобы играть значительную роль въ нашемъ обществѣ. Зачѣмъ же вы все промотали? Куда дѣлись наши имѣнія, наши крестьяне? А теперь чтò? Теперь вы, можетъ быть, будете имѣть удовольствіе видѣть меня выгнаннымъ изъ службы, праздношатающимся, картежнымъ игрокомъ, а можетъ быть и хуже. Чтò-жъ мнѣ дѣлать? Нельзя же мнѣ отъ живой жены жениться въ другой разъ. (*Опускаетъ голову на руки.*)

105.

3

18p

Ostrovskij, Aleksandr Nikolaevič,

Sočinenija A. N. Ostrovskago S dvumja portretami i biografičeskim očerkom

Bd.: 2

1896

P.o.rel. 3333 c-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11819484-4